

Государственное образовательное учреждение
высшего и профессионального образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

Бутакова Алеся Дмитриевна

**Семантические парадоксы в условиях языковой игры (на
материале периодики)**

10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
доцент М.Ф. Шацкая

Волгоград
2014

Содержание

Введение.....	4
Глава I. Современные СМИ под призмой лингвальной и внелингвальной логики.....	12
1.1. Особенности публицистического стиля.....	12
1.2. Специфика языка современных СМИ.....	20
1.3. Феномен языковой игры на газетной полосе.....	26
1.4. Эксплицитные средства создания языковой игры в публицистике.....	32
1.5. Лексическая и синтаксическая имплицитность в языковой игре.....	44
1.6. Аномалии и парадоксы языковой игры.....	57
ВЫВОДЫ.....	73
Глава II. Скрытые категории как один из центров средоточия парадоксов в языковой игре.....	76
2.1. Криптотипная семантика в трудах зарубежных и отечественных лингвистов.....	76
2.2. Предикатные криптотипы.....	81
2.2.1. Функционирование криптотипа 'контролируемость/неконтролируемость'.....	81
2.2.2. Трансформации криптотипа 'актуальность/неактуальность'.....	88
2.3. Криптотипы именных групп.....	92
2.3.1. Аномальные преобразования криптотипа 'определенность/неопределенность'.....	92

2.3.2. Специфика обнаружения крипто типов ‘агентивность/неагентивность’, ‘личность/неличность’ и ‘наличие/отсутствие волевого начала’.....	106
2.3.3. Особенности актуализации скрытой категории эталонности.....	117
2.4. Виды синкретизма семантических категорий.....	124
2.5. Расхождение семантики и прагматики высказывания в ходе формирования семантико-стилевых парадоксов.....	135
ВЫВОДЫ.....	143
Заключение.....	146
Список использованной литературы.....	149
Список словарей, грамматик и энциклопедий.....	165
Список источников.....	167

Введение

В последние годы особое внимание уделяется языку средств массовой информации как одной из самых быстро изменяющихся и динамичных систем. И если в конце прошлого века в качестве основных одновременно сосуществовали две тенденции – стремление к экспрессии и стремления к стандарту, то сегодня преобладает первая. Все чаще на газетной полосе наблюдаются нестандартные, аномальные явления, проявляющиеся в языковой игре (далее – ЯИ). Однако проблема описания и функционирования имплицитных средств создания названного феномена с учетом парадоксальности их функционирования еще не разработана в полной мере. До сих пор нет критериев выделения парадоксов, возникающих в языковой игре, еще не сложилась четкая картина путей актуализации скрытых категорий в языке периодики относительно употребляемых в ней средств проявления криптотипов.

Понятие парадокса впервые появилось в философии и, благодаря многочисленным исследованиям, распространилось на различные сферы науки и жизни. Сегодня выделяют логические парадоксы, философские, математические, вероятностные, геометрические, физические, химические, экономические, юридические, психофизиологические и др. Данным явлениям в области лингвистики свои труды посвятили такие ученые, как Г.И. Берестнев, К.И. Декатова, Л.А. Демина, Е.Д., В.А. Суховерхов, Е.А. Яшина. Однако теория возникновения и функционирования парадоксов в публицистическом тексте не была достаточно разработана и требует дополнительных исследований.

Демократизация общества и языка с опорой на тенденцию коммуникативного равенства партнеров [см. об этом: Костомаров, 1971, с. 149, Федосюк, 1998, с. 4] привела к распространению языковой игры во всех языковых стилях и, вместе с тем, к умножению различных видов парадоксов, возникающих в названном выше аномальном феномене.

Известно, что языковая игра создается как вербализованными средствами (см. работы: (Земская, Китайгородова, Розанова, 1983; Санников, 1999; Гридина, 1996; Ильясова, Амири, 2009; Коновалова, 2008; Рахимкулова, 2003; Шацкая, 2010; Качалова, 2010, Исаева, 2011, Сафронова, 2013), так и имплицитными. К последним относятся скрытые категории, являющиеся центром внимания данного диссертационного исследования. Криптотипы были объектом анализа многих ученых (Т.В. Булыгиной, С.Д. Кацнельсона, Ю.С. Маслова, Т.И. Стексовой, А.Д. Шмелева, Б. Уорфа и др.), но со стороны их функционирования в условиях языковой игры описывались очень редко.

Учитывая сказанное, **актуальность** настоящей работы можно определить рядом следующих факторов:

1) важностью углубленного анализа функционирования скрытых категорий в аномальных контекстуальных условиях, в частности в языковой игре;

2) необходимостью уточнения существующей типологии парадоксов с учетом нового материала;

3) недостаточной изученностью парадоксов, возникающих в криптотипах в ходе их функционирования на страницах газет.

Объектом исследования являются криптотипы в современной публицистике.

Предмет – семантико-стилевые парадоксы как результат функционирования криптотипов в языковой игре на страницах газет.

Целью работы являются системное исследование механизмов возникновения семантико-стилевых парадоксов в криптотипах в условиях языковой игры и описание трансформаций, сопровождающих указанный лингвальный феномен в публицистическом тексте.

Гипотеза: предполагается, что все происходящие в скрытых категориях трансформации в большинстве случаев рожают те или иные виды парадоксов, обусловленные семантикой языковых единиц,

аномальными контекстуальными условиями, стилевой отнесенностью текста, экстралингвальной пресуппозицией.

Выдвинутая гипотеза и цель исследования обусловили круг более конкретных **задач**:

1) систематизировать сведения о специфике публицистического стиля с учетом аспекта (ракурса) данного научного исследования;

2) раскрыть объем понятия «имплицитность» и представить лексическую и синтаксическую ее разновидности, встречающиеся в текстах публицистического стиля в ходе создания языковой игры;

3) определить место парадоксов, функционирующих в текстах СМИ, в общей типологии лингвистических парадоксов;

4) выявить наиболее частотные скрытые категории, которые порождают парадоксы, возникающие в ходе создания языковой игры, и осуществить их полный лингвистический анализ.

Источники исследования – периодические издания «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Аргументы и факты», «Экспресс газета» за 2008 – 2014 гг.

Методологической основой работы является система фундаментальных принципов диалектики (учение о всеобщей связи явлений, о целом и части, сущности и явлении, единстве и борьбе противоположностей, логический закон противоречия), отражающих всеобщую взаимосвязь языка, мышления, познания, человеческой культуры и их взаимную обусловленность, а также принцип историзма.

Общелингвистическую основу исследования образуют принцип антропоцентризма, положение об асимметричном дуализме языкового знака, представление о системно-структурной организации языка, положение о диалектической взаимообусловленности формы и содержания в произведениях словесно-речевого творчества, всесторонне обоснованное в трудах Н.Д. Арутюновой, М.М. Бахтина, Э. Бенвениста, М.Я. Блоха,

Л. Витгенштейна, В.А. Звегинцева, С.О. Карцевского, А.А. Потебни, Ф. де Соссюра, Ю.С. Степанова и др.

Частнолингвистические основания диссертации составили:

- концепции публицистического текста как многомерного, иерархически организованного образования;
- теоретические исследования в области лексической семантики;
- исследования общих и частных вопросов категории имплицитности;
- теории языковых аномалий;
- теории языковой игры и средств ее выражения; - теории скрытых категорий;
- теории парадоксов.

Единицей исследования нами избрана *диктема*. Относительно нее лингвисты высказывают разные мнения. Так, диктему принято считать наименьшей текстовой единицей. В начале, этот конституент, по М.Я. Блоху, раскрывает свои свойства в качестве естественной части реверсивно-определённой уровневой структуры языка, отвечая принципу построения из одной или нескольких единиц непосредственно нижележащего уровня и выполняя специфическую функцию – выражать определённую тему (см. об этом подробнее: [Блох, 2000, с. 61–62]). М.Ф. Шацкая считает, что «диктема – это минимальная языковая единица дискурса, имеющая полевую структуру и принадлежащая коммуникативному уровню языка. В дискурсе (на этическом уровне) диктема представлена *аллодиктемой*» [Шацкая, 2012, с. 181]. Исследователь пишет: «...одной из функций диктемы является акцентирование внимания на определённой, важной информации. А весь блок информации (и лингвальной, и экстралингвальной) находится именно в дискурсе» [Там же. С. 180.]. По мнению ученого, полевая структура диктемы включает *ядро (информационный компонент* (слово, словосочетание, краткая фраза), на котором и делается акцент), *околоядерную зону* (компоненты пропозиции) и *периферию (эксплицитированные, препозиционные и постпозиционные элементы)*, «...а вся имплицитная информация (разные

виды пресуппозиций, скрытые категории и т.д.) воздействует как на ядро, так и на периферию диктемы. Диктема может быть равна тексту... или быть частью его...» (Там же).

Материалом для данной научной работы послужила авторская картотека, содержащая более 2700 диктем, извлеченных из публицистических текстов.

В работе использованы следующие **методы исследования**:

1) описательный, включающий приемы наблюдения, сопоставления, обобщения, типологизации анализируемого материала, его количественной репрезентации;

2) метод компонентного анализа, способствующий осмыслению актуализации в контексте определенных сем в значениях слов [Болотнова, 2007, с. 454];

3) метод контекстуального анализа, позволяющий выявить смысловые приращения лексем в особом контекстуальном окружении и происходящие при этом семантико-синтаксические трансформации;

4) метод интертекстуального анализа, направленный на наиболее полное освещение идеологических, семиотических и коммуникативных аспектов рассматриваемых явлений [Болотнова, 2007, с. 473];

5) метод семантико-стилистического анализа, ориентированный на «адекватность выражения оттенков смысла» [Кожина, 1993, с. 18];

6) метод «слово-образ», позволяющий выявить комплекс языковых средств различных уровней со всеми стилистико-смысловыми нюансами, служащих выражению и созданию микрообраза в системе образной мысли автора [Кожина, 1993, с. 18];

7) трансформационный метод, представляющий синтаксические структуры предложения благодаря выведению сложных синтаксических структур из более простых [Апресян, 1990, с. 519].

Научная новизна работы заключается в следующем:

1) выделяется и теоретически обосновывается особая разновидность лингвистических парадоксов – семантико-стилевые, частным представителем которых является *публицистический парадокс*;

2) впервые проводится исследование семантико-стилевых парадоксов скрытых категорий, возникающих в результате их функционирования в условиях ЯИ;

3) описываются механизмы аномальных трансформаций наиболее частотных именных и предикатных крипто типов.

Теоретическое значение исследования заключается в том, что оно вносит вклад в теорию лексической и синтаксической семантики, способствует дальнейшему развитию теоретического описания скрытых категорий и парадоксов; расширяет границы описания текстов разных стилей в целом, и публицистического в частности.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты проведенного исследования могут быть использованы при чтении вузовских курсов и создании учебных пособий по современному русскому языку (разделы «Семантика», «Синтаксис»), стилистике, культуре речи для бакалавров, магистров, аспирантов и ученых-филологов, журналистов. Основное содержание диссертации может составить основу для спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам лексической и синтаксической семантики, а также быть учтено при разработке методических рекомендаций в практике журналистов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Аномальные условия языковой игры способствуют рождению многогранного мира смыслов, включающего как эксплицитную, так и имплицитную информацию. Среди эксплицитных средств создания языковой игры в газетах чаще встречаются метафоры, фигуры интертекста, обыгрывание фразеологических единиц, нарушение семантической сочетаемости. Лексическая и синтаксическая имплицитность больше всего

представлена в семемах лексем, особенно в коннотативной их составляющей, а также в дискурсивно неполных предложениях и высказываниях-парафразах.

2. Типологию парадокса в современной науке можно считать до конца еще не разработанной. Именно поэтому следует выделить группу стилистически обусловленных парадоксов, частным представителем которых является публицистический парадокс.

3. Среди многообразия скрытых категорий, описываемых в лингвистике, частотными на газетной полосе являются ‘контролируемость/неконтролируемость’, ‘актуальности/неактуальность’ предиката, ‘определенность/неопределенность’, ‘эталонность’, ‘агентивность/неагентивность’ именных групп. В данных крипто типах в условиях языковой игры наблюдаются два вида парадоксов – парадоксальный антагонизм и парадоксальный синкретизм.

4. Семантико-стилевые парадоксы категорий ‘контролируемости’ и ‘эталонности’ актуализируются через семантические и словообразовательные признаки слов, причем эти виды средств используются в каждом крипто типе по-разному.

5. Парадоксы категории ‘актуальности/неактуальность’ опираются на противоречие в темпоральном и модальном планах. Спецификой агентивности является то, что этот семантический признак не выступает самостоятельно, а только в совокупности с другими: ‘агентивность’ + ‘воля’ + ‘личность’; ‘агентивность’ + ‘контролируемость’ + ‘воля’; ‘агентивность’ + ‘контролируемость’; ‘агентивность’ + ‘определенность’.

6. Декодированию имплицитной информации, в частности, семантико-стилевых парадоксов, способствуют различные лексические и синтаксические маркеры. Их ведущая роль в «прочтении» смыслов парадоксов выявлена в таких скрытых категориях, как ‘контролируемость’, ‘актуальность’ и ‘определенность’. Помимо маркеров, обнаружение публицистических парадоксов невозможно без обращения к экстралингвальной пресуппозиции.

7. Семантико-стилевые парадоксы нельзя рассматривать без учета прагматической стороны высказывания, так как все они возникают 1) в условиях косвенных речевых актов; 2) при нарушении коммуникативных признаков ясности, перерабатываемости, выразительности и экономии.

Апробация. Содержание исследования отражено в 13 публикациях, три из которых в изданиях, рекомендованных ВАК. Основные положения, результаты и выводы диссертации докладывались и обсуждались на аспирантских семинарах кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного педагогического университета (2011–2014 гг.), на различных международных, всероссийских и региональных конференциях и семинарах, проходивших **в России:** в Волгограде (2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2013), Москве (2009), Санкт-Петербурге (2009, 2010), Владимире (2013), Прикамье (2013), Петрозаводске (2012); на страницах сборников научных трудов и периодических научных изданий **в России и за рубежом:** в Волгограде (2009, 2010, 2012, 2013), Москве (2009), Санкт-Петербурге (2009, 2010), Астрахани (2009), Тюмени (2010), Петрозаводске (2012), Владимире (2013), Челябинске (2013), Одессе (2013).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной литературы, словарей, грамматик, энциклопедий и источников.

Глава I. Современные СМИ под призмой лингвальной и внелингвальной логики

1.1. Особенности публицистического стиля

Известно, что публицистический стиль является одним из самых «открытых» в системе функциональных стилей русского языка. Он включает в себя элементы функционально-делового и научного стилей, в нем находят применение разговорные способы выражения и художественные средства.

В публицистической литературе освещаются разнообразные вопросы, представляющие интерес для общества и являющиеся актуальными в определенный момент. К ним относятся идеологические, политические, экономические, философские, морально-этические; вопросы культуры, искусства, повседневной жизни, производства и т. д. Таким образом, лингвально-стилистические особенности публицистики обуславливаются ее социально-педагогическими функциями [Валгина, <http://evartist.narod.ru/text14/26.htm>].

Как известно, основная функция речи – воздействующая – тесно переплетается с информативной. Исходя из этого, роль публицистики, особенно газетной, заключается в убеждении читателя и воздействии на его мировоззрение с целью создания общественного мнения; кроме того, содержание таких произведений служит передаче сообщений и разъяснению, комментированию событий.

Никакая информация в публицистике не может передаваться беспристрастно, объективно, безоценочно. Главной особенностью языка является оценочность. Именно поэтому все лингвальные средства направлены на то, чтобы воздействовать на аудиторию.

Как считает Н.С. Валгина, определяющим является сочетание воздействующей и информативной функций (Валгина, 1998). Первая, по мнению исследователя и нашим наблюдениям, в произведениях публицистического стиля определяет такие черты, как побудительность, экспрессивность, новизна выражений, оценочность, полемичность.

Информативная же функция обуславливает черты иного плана: логичность, официальность, точность, стандартизованность. Для ее реализации часто используются однотипные, регулярно воспроизводимые языковые стандарты (клишированные обороты). Это помогает пишущим оперативно передать новости, а читающим – быстро и правильно их воспринимать.

Так, статья о премьерном спектакле «Много шума из ничего» нового главного режиссера и художественного руководителя Пушкинского театра Евгения Писарева получила название *Много шума есть из чего* [МК 28.04.11, <http://www.mk.ru/culture/article/2011/04/28/585242-mnogo-shuma-est-iz-chego.html>]. В данном примере наблюдается парафраз, результатом которого оказывается не только привлечение внимания читателя к тексту, но и субъективная оценка самим автором просмотренного представления. Сомнения в талантливости режиссера отпадают, и становится ясно, что этот человек – не выскочка-однодневка, и, скорее всего, не один год будет приятно удивлять даже самых привередливых зрителей. Как видим, в данном заголовке на первом плане выступает функция воздействия. Если это воздействие достигло цели, а именно появления желания у читателя прочесть статью, тогда подключается информативная функция, выражающаяся в наиболее полной подаче материала, включая соответствующие подробности, подающиеся в нужной последовательности, определенными словами. Это говорит о неразрывности рассмотренных функций в публицистическом тексте.

Данный пример подтверждает мнение Н.И. Клушиной, характеризующей названный выше феномен как универсальную черту публицистического стиля, которая может быть представлена в тексте в открытой и скрытой формах. Примеры открытой пропаганды можно найти, прежде всего, в оппозиционных изданиях. Исходя из наших наблюдений, современная журналистика от открытой пропаганды отказывается и прибегает к скрытым языковым механизмам формирования оценки, что приводит к завуалированному манипулированию, употреблению различных

средств, способствующих скрытой оценке. Аргументом к этому могут послужить следующие контрастные контексты: *Ср. Стоит ли пренебрегать такой возможностью, таким шансом и таким настроением власти? Другого шанса может ведь и не случиться* [ЛГ 01.02.12, <http://coollib.net/b/176214/read>] и *Не будем повторять опыт лукавых политтехнологов конца прошлого века, призывавших голосовать сердцем. Голосуйте умом!* [ЛГ 29.02.12, <http://www.lgz.ru/article/N8--6359---2012-02-29-/Golosuy-umom!18384/>]. В первом случае мы наблюдаем скрытую агитацию, что проявляется в вопросно-ответной конструкции диктемы, где автор полемизирует как бы сам с собой. Во второй фразе находим яркое выражение позиции журналиста и его активное воздействие, призыв к читателю, отраженные в побудительных предложениях.

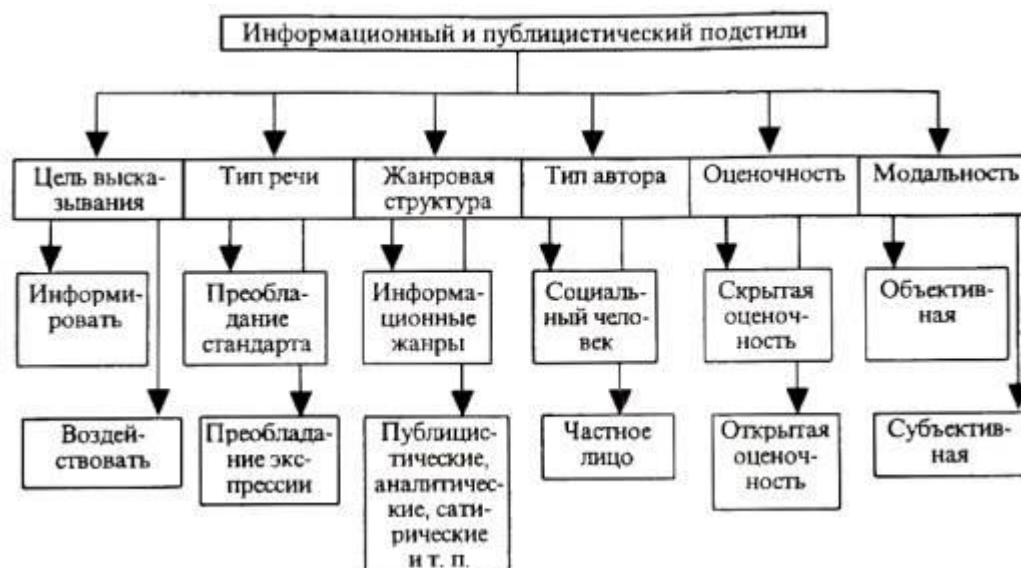
Оценка может быть имплицитной, т.е. заложенной в значение слова, и эксплицитной, присущей не конкретному слову, а его употреблению. Например, *Наши меры абсолютно адекватны с точки зрения военно-политических вызовов и асимметричны в технологическом плане* [АиФ 30.11.11, <http://www.aif.ru/society/29529>]. Лексема *асимметричный* ('закрывающий в себе асимметрию' [МАС, т. 1, с. 48]) несет в себе отрицательную оценку, которая может быть эксплицирована только в определенном контексте. В данном случае она становится контекстуально антонимичной прилагательному *адекватный*, приобретая значение «нелогичный, противоречащий».

По мнению Н.И. Клушиной, главной особенностью рассматриваемого стиля является «чередование экспрессии и стандарта», обусловленное функцией воздействия на адресата и функцией сообщения. В зависимости от преобладания либо экспрессии, либо стандарта в текстах массовой информации лингвист предлагает выделить информационный и публицистический подстили (Клушина, 2003).

Каждый из подстилей имеет собственную жанровую структуру. Традиционно жанры делятся на информационные, аналитические,

сатирические, художественно-публицистические, рекламные. Н.И. Клушина рассматривает жанровую структуру в соотнесении с выделенными подстилями и предлагает следующую дифференциацию:

Схема № 1. Информационный и публицистический подстили.

Информационному подстилю соответствуют информационные жанры (хроникальная заметка, информационная заметка, корреспонденция, репортаж, интервью). К публицистическому подстилю можно отнести аналитические жанры (аналитическая статья, рецензия, комментарий, обзор), сатирические жанры (фельетон, памфлет, сатирическая реплика), художественно-публицистические жанры (очерк, зарисовка, полемическая статья, заметка), рекламные жанры (наиболее открытая система, так как использует элементы всех жанров с целью разрекламировать, а, следовательно, воздействовать на адресата) [Клушина <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm>].

Наше исследование современных публицистических изданий показывает следующие трансформации приведенной выше схемы. Цель высказывания в большинстве случаев синкретична: автор статьи, являясь, в том числе, частным лицом, воздействует на читателя, информируя о тех или иных событиях. Это определяет преобладание экспрессии в речи,

субъективной модальности и разножанровости. Однако для периодики характерна скрытая оценочность, позволяющая читателю самостоятельно сделать выводы, что, несомненно, обращает на себя внимание.

По мнению В.Г. Костомарова, экспрессия и стандарт есть конструктивный принцип стиля (см. об этом: Валгина, 2003). Стандартизированность, как один из конструктивных принципов стиля, обеспечивает быструю передачу информации, экономит усилия, помогает оперативно откликаться на события, создает нейтральный фон стиля. Однако это может привести к появлению штампа, когда речевое клише теряет свои экспрессивно-оценочные качества. Источником штампов, как правило, является стремление к образной речи, к новизне выражений, но из-за частого их использования они теряют свои выразительные свойства, например: *черное золото, нефтяная игла*. Ср. *Очень похожую участь сулят, например, Англии и другим западным странам, которые в отличие от нас не сидели на нефтяной игле* [МК 03.12.08, с. 7]. Значение фразеологической единицы *сидеть на игле* или *сидеть на дозе* – ‘принимать наркотики, колоться’ [Кузнецов, 2007, с. 167]. Благодаря введению в его конструкцию слова *нефтяная* (прилагательное от *нефть* – ‘полезное ископаемое; горючая маслянистая жидкость темно-коричневого цвета’ [Кузнецов, 2007, с. 418]) мы понимаем, что речь идет о зависимости не от запрещенных препаратов, а от природного топлива.

Еще одна неотъемлемая черта, которой отличается, по мнению Н.И. Клушиной (Клушина, 2003), публицистический стиль, – образ автора-журналиста.

Впервые к исследованию данного феномена обратился В.В. Виноградов, исследуя художественные тексты. Он писал: «Образ автора – это та цементирующая сила, которая связывает все стилевые средства в цельную словесно-художественную систему. Образ автора – это внутренний стержень, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения» [Виноградов, 1971, с. 191].

В публицистическом тексте эта характеристика очень ярко проявляется, так как часто противоположные точки зрения у читателя формируются при прочтении авторов с разным видением одной и той же ситуации. Ср. *Меня сегодня сюда привели не мой разум, не какие-то политические убеждения. Я просто чувствую, что здесь сегодня правда. Приду ли я на следующие собрания, я не знаю. Если там будет правда, то приду* (Ю.Ю. Шевчук о митинге на Болотной площади) и *Он сказал, что на митинге на Поклонской горе участников митинга на Болотной обвиняют в оранжизме, а протестное движение называют «революцией норковых шуб»* (журналист «МК» Игорь Кармазин) [МК 04.02.12, <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/04/667997-organizatorov-aktsii-na-bolotnoy-ohranyal-osobyiy-otryad.html>].

Современная стилистика текста указывает на то, что «там, где есть автор, может быть и образ автора – конечно, в каждом типе текстов имеющий специфические черты» [Горшков, 2001, с. 180].

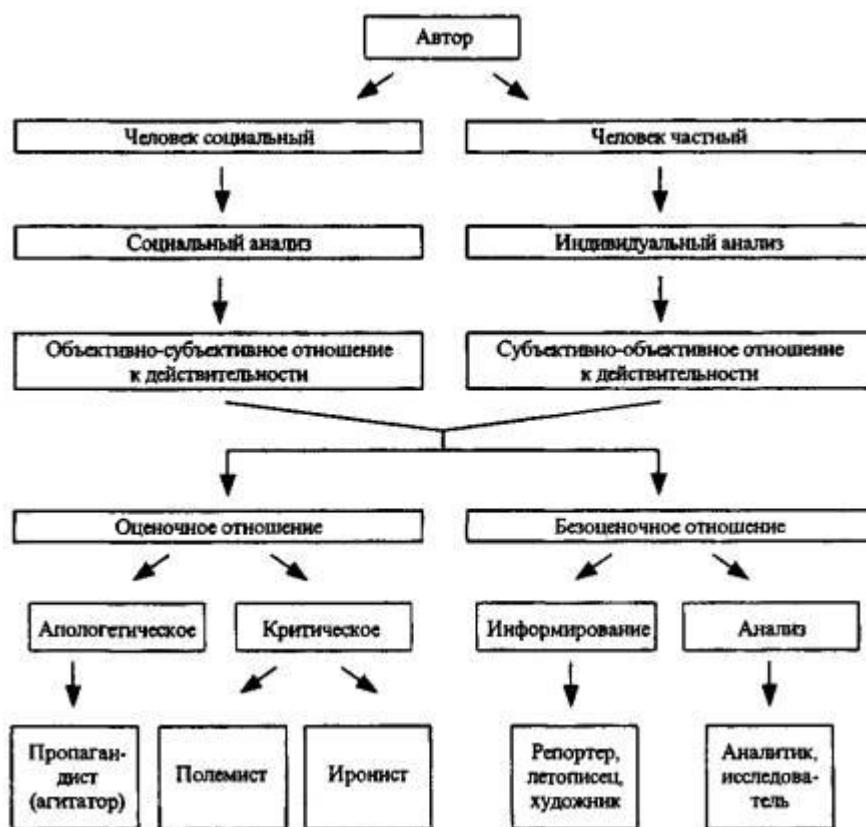
Для нашего исследования особую значимость представляет четырехуровневая модель образа автора медиатекста, которая соотносится с дискурсом (текстом в экстралингвальном окружении) и которую выделяет в своей докторской диссертации В.А. Марьянчик. Эта модель включает следующие составляющие: реальный коллективный автор (представления обо всех субъектах, творивших текст, «портрет» издания), реальный индивидуальный автор («портрет» личности журналиста формируется на основе скрытой грамматики и конкретизируется паратекстом), образ автора в узком понимании (стратегия, идиостиль, речевая маска, роль) и автор-персонаж. При обращении к прагматике исследователь отмечает следующие характерные черты рассматриваемого образа: «авторские оценки, имитация эмоциональности, «эпатажная образность», при которой используются табуированные образы сакрального или физиологического плана» [Марьянчик, 2013, с. 25]. Исходя из этого, в нашей диссертации актуальным оказывается обращение к образу реального индивидуального автора, так как

именно он является создателем всех комических, парадоксальных явлений в рамках текста статьи с целью скрытого воздействия на читателя.

Г.Я. Солганик в своей работе «О закономерностях развития языка газеты в XX веке» пишет: «Важнейшая роль категории автора заключается в том, что она определяет не только стиль конкретных текстов, но и стиль эпохи, того или иного периода. Каждое время характеризуется общим, совокупным представлением об авторе, его идеальным образом. Категория автора формируется как результат действия внешних и внутренних газетно-языковых факторов... Формируемая совокупным действием этих факторов, категория автора начинает сильно воздействовать на язык и речь газеты. Сущность этой категории составляют две грани – человек социальный и человек частный. И хотя в чистом виде они не встречаются (или встречаются крайне редко), но сущность авторского «я» определяется соотношением именно этих граней. Это крайние точки, два полюса, между которыми располагается огромное количество переходных случаев» [Солганик, 2001, с.41].

Исследователь разработал следующую структуру категории автора публицистического текста [Солганик, 2001, с. 81]:

Схема № 2. Категория автора.

Как правило, автор соотносится с какой-либо одной категорией, что определяет разножанровую структуру публицистики, наличие в ней чисто информативных текстов и, наоборот, агитационных. Однако наши исследования показали частотность случаев иного рода, когда в рамках одной статьи мы можем обнаружить черты и социального и частного человека: ср. *Главное, чтобы форма была удобна и для тех, кто несет службу «на земле»* и *Отсюда и основной цвет полицейской формы стражей правопорядка – синий, с подкладкой «цвета бедра испуганной нимфы»*. *Бедра испуганной нимфы никто не видывал, поэтому и расцветки мундиров и подкладок весьма различались* [КП 09.02.12, <http://www.kp.ru/daily/25832.3/2806486/>]. Первая фраза отвечает понятию «человек социальный», где он рассуждает с позиции гражданина страны, задумывающегося о тех, кто служит на ее пользу. Второй пример выводит на первый план «человека частного», иронично высказывающегося по поводу цвета формы.

Как нами было отмечено, современный публицистический стиль тяготеет к трансформациям, касающимся всех его основных черт. Информативная и воздействующая функции в текстах статей тесно переплетаются, обладая при этом равной значимостью в передаче основного смысла. Преобладает имплицитная оценочность, мотивирующая читателя сделать свой вывод о происходящем и об авторе статьи.

Наша диссертация будет ориентироваться, прежде всего, на воздействующую функцию газетного текста, позволяющую журналисту прибегать к различным нестандартным и экспрессивным способам выражения своего мнения, оценки на то или иное событие.

Мы будем рассматривать весь материал с учетом категории автора. При этом особый интерес представляет «частный человек» (см. об этом выше) с индивидуальным анализом и субъективно-объективным отношением к действительности. Преобладание оценочности в статьях таких авторов располагает к появлению феномена языковой игры, проявляющегося в имплицитной информации, что объясняется желанием публицистов позиционировать себя как человека социального, объективно повествующего о тех или иных событиях.

1.2. Специфика языка современных СМИ

Развитие языка газет происходит непрерывно. В публицистической речи все чаще проявляется современная установка на творчество, а не на стереотип, что достигается средствами языковой игры, созданием контекста с помощью цитат и иронией. Резко расширяется газетный лексикон за счет разговорной речи, языка улицы, жаргона. Г.Я. Солганик (Солганик, 2003) предлагает определить данный процесс как демократизацию языка СМИ.

К языку газеты часто относятся скептически; так же, как и прежде, сейчас он дает многочисленные поводы для критики, к которым можно отнести небрежные обороты речи, скоропись, штампы, неоправданные заимствования и орфографические/пунктуационные ошибки. Однако он

обладает огромными возможностями и сильнейшим влиянием на другие разновидности литературного языка и на общество в целом.

Одна из основных тенденций, по мнению Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.С. Валгиной, в развитии языка современных качественных газет – тенденция к усилению информативности, что выражается в эволюции системы газетных жанров и в заголовках. Так, очерки, фельетоны, передовые статьи все реже появляются на страницах газет. Их заменяют газетные материалы, в которых на первый план выносится информационное начало. Жанровые перегородки упраздняются, происходит заметная эволюция системы жанров, их синтез (Солганик, 2003).

Г.Я. Солганик отмечает, что указанный процесс в заголовках проявляется в частой замене назывных заглавий глагольными. Как отмечает ученый, такие заголовки свидетельствуют о тенденции к возрастающему усилению информативной функции, т. к. этот репрезентант сильной позиции призван предельно ясно и лаконично выразить содержание материала. В этом заключается его экспрессивность и эстетика [Солганик, <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm>]. Так, в одном номере «Комсомольской правды» [22.05.12] нами были отмечены следующие контексты: *«Осетры выходят на футбольное поле»*, *«Уберем рынки – добьем наше сельское хозяйство»*, *«Абрамович и дубайский шейх меряются яхтами»*, *«Кто вошел в новое правительство»*. В данных заголовках информативность присутствует, но, как показывает наш материал, она информирует через воздействующую функцию.

Значительные изменения в строе газетного языка обусловлены стремлением уйти от сухой, официально-книжной, обезличенной и унифицированной речи прошлого, главным путем к чему оказывается использование разговорных, просторечных средств и жаргонов (Смирнова, 2009). Н.И. Клушина (Клушина, 2003) отмечает, что публицистический стиль использует самую разнообразную в тематическом плане лексику и фразеологию, отражая тем самым социальную многоплановость

современного русского языка. На общем нейтральном фоне здесь особенно приметны оценочные средства, которые имеют не индивидуальный, а социальный характер. При этом Г.Я. Солганик добавляет, что «обращаясь к пластам национального языка, не обладающим качеством литературности, газета перерабатывает, осваивает их и, в конечном счете, олитературивает. Это естественный и закономерный процесс демократизации языка газеты, а посредством газеты и литературного языка в целом» [Солганик, <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm>]. Так, пришедшие со страниц публицистических изданий номинации *оборотень в погонах, акула, черное золото*, со временем получили кодифицированное общеупотребительное значение в толковых словарях русского языка и стали встречаться в других жанрах.

С другой стороны, наши исследования показали широкое употребление лексики сниженного стиля с целью привлечения внимания читателя. Автор статьи показывает, что ничем не отличается (чаще всего) от простого обывателя, и, соответственно, принимает роль «человека частного». Все это позволяет сделать вывод, что информативная функция сегодня уступает место воздействующей, так как обилие информации усложняет восприятие, делая иногда его практически нулевым. Исходя из собранного нами эмпирического материала, на первом месте находится воздействие, но в определенных ситуациях воздействие и информативность представлены в равной степени.

Чрезмерное насыщение текста разговорными и просторечными средствами снижает газетную речь до уровня бытового разговора, стирает грань между книжными стилями и устно-бытовыми типами речи, нивелирует серьезность обсуждаемых тем, что приводит к ироничному восприятию читателем контекста, а в дальнейшем и действительности. Обсуждение специальных тем неизбежно упрощает понятийный план и переводит дискуссию на более или менее популярный, неспециализированный уровень. Это позволяет привлекать к периодике читателя с любым уровнем

образования. И если раньше следовало помнить, что разговорная форма уместна далеко не для всякого предмета обсуждения, то сегодня журналисты все чаще прибегают к вышесказанной особенности (стилистической маркировке), касаясь любой темы современной действительности.

Г.Я. Солганик, говоря о тенденциях развития языка современных газет, отмечает явление так называемого стёба. «Речь идет о такой манере подачи информации, при которой прямая авторская оценка событий, явлений подменяется всепоглощающей иронией. Автор надевает на себя маску ироничного, стороннего наблюдателя... Подобная манера, сохраняя видимость многозначительной позиции, позволяет в иронически-агрессивном стиле осмеивать все и вся. Важно подчеркнуть, что манера эта нивелирует мысль и стиль, опошляет общение журналиста с аудиторией. Если все подвергается осмеянию, ценность информации стремится к нулю» [Солганик, <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm>]. Ср: *Только сосулькам до комиссий нет никакого дела: как блестели на солнце, так и блестят* (о собрании по борьбе с наледью на крышах домов, угрожающих жизням людей) [АиФ 22.02.12, <http://www.vlg.aif.ru/society/details/69200>].

Н.С. Валгина в своей работе о тексте как функционально-стилевой категории предлагает выделять следующие характерные черты языка газеты (Валгина, 1998).

1) Публицистический стиль использует самую разнообразную в тематическом плане лексику и фразеологию, отражая тем самым социальную многоплановость современного русского языка. Среди нейтральных лексических средств активно используются общественно-политическая терминология, научные, технические и производственные термины, много номенклатурных единиц, географических названий, наименований должностей, названий газет, журналов и т.д.

2) Для публицистики характерно метафорическое использование медицинских терминов: *агония, инфекция, гипноз, артерия; остеохондроз мышления, эпидемия болтовни, шоковая терапия*. Метафоризирована

военная (*линия огня, прямой наводкой*) и театральная (*драма, идиллия*) терминология. То же можно сказать о спортивных терминах (*раунд, финишная прямая*). Также нами была отмечена синекдоха, как способ образования имен существительных (*Булгарию, Чеховы* и др.) Подробнее речь об этом пойдет в параграфе 2.3.3.

3) Публицистическому стилю свойственны образования имен с помощью книжных суффиксов (*учительство, компьютеризация, ваучеризация*); обильны наименования с суффиксами лица (*подвижник, пособник, застрельщик*), с приставками (*сверхзадача, межзональный, антифашист, мегапростный*). Среди лексики общественно-политической, оценочной сильно развито словосложение (*очковтирательство, малоэффективный*).

4) Много аббревиатур (*РПЦ, ГИБДД, ОСАГО, ООН*) и сложносокращенных слов (*автострада, псевдорынок, фотофестиваль, клиповед, бизнес-школа, рок-звезда*).

5) В разряде оценочной лексики распространены модели с суффиксами сниженной окраски (*шумиха, показуха, митинговщина*).

6) Синтаксический строй публицистической речи стремится к прозрачности синтаксических конструкций, простоте структур. В выразительных целях часто используется инверсия, разные виды актуализации, повторы, вопросно-ответные и призывные побудительные формы и др.

7) Характерны обобщенно-личные и неопределенно-личные, безличные предложения, с помощью которых можно «отстраниться» от конкретного деятеля (*нам сообщают, передают; в заметке сообщается*).

8) Публицистика активно использует экспрессивный синтаксис: номинативные, присоединительные и парцеллированные конструкции, вопросно-ответные построения. Синтаксическая фрагментность в подаче материала создает иллюзию свободной, непринужденной речи, что способствует проявлению контактоустанавливающей функции («*Мисс-*

институт», «Мисс-ПТУ», «Мини-мисс» для малышек и тинейджеров и даже «Мисс-тюрьма». Самая красивая мошенница или убийца. Очень романтично. И воспитательно [ЛГ 13.11.13, <http://www.lgz.ru/article/-45-6438-13-11-2013/miss-dikoe-pole/>] и Так что, как видите, эта история не о политологе, а о власти. О том, что ей не нужна твоя поддержка. О том, что ей не нужно твое мнение. О том, что она готова сдать тебя за копейку [МК 28.04.12, <http://www.mk.ru/politics/2011/04/28/585318-skazka-o-lichnom-mnenii-i-dvuh-bogatyiryah.html>]). Но на наш взгляд, явление парцелляции многофункционально, его нельзя судить однозначно, поэтому это синтаксическое построение следует рассматривать как в данном пункте, так и в пункте 6 данной классификации (прозрачность, простота синтаксических конструкций).

9) В публицистике широко представлены образные средства (тропы, фигуры), используются фразеологические обороты, пословицы, крылатые выражения, которые часто трансформируются, переосмысливаются в нужном для журналиста ключе. Приемы контаминации, столкновения смыслов, обновления устойчивых словосочетаний, привычных речевых формул имеют жанрово-композиционную обусловленность и делают речь выразительной, активно воздействующей на читателя (*В начале года продавцы слишком задрали цены и теперь выравнивают стоимость сыров методом **ненаучного тыка*** [МК 23.12.08, <http://www.mk.ru/economics/article/2008/12/23/6452-s-prazdnikom-dorogie-tovar-i-schi.html>]).

Итак, публицистический стиль по-прежнему остается наиболее подвижным пластом современного русского языка, потому что включает в себя элементы других стилей. К его основным отличительным чертам относятся неразрывная совокупность информативности и выразительности, а также яркое отражение личности журналиста, именуемое категорией автора. Всё это позволяет нам рассматривать публицистику с точки зрения ненормативности употребления некоторых языковых средств для достижения экспрессивности при описании различных событий. С этой

целью в языке СМИ используются все возможные оценочные обороты (*вегетарианский законопроект, заливная осень, летучая семья*). Сила и преимущество публицистики, занимающей в языке СМИ центральное место, заключается в прямом воздействии на адресата, аудиторию. Так, развивая литературный язык через варьирование, модификацию и игру языковыми средствами, СМИ способствуют в определенном отношении и развитию культуры.

Важным средством привлечения внимания читателя к публицистическому изданию на сегодняшний день выступает лингвальный феномен языковой игры, который проявляется в необычных диктемах и заголовках статей. Это возможно благодаря тому, что данное явление также использует образные средства, фразеологические единицы, которые трансформируются, заставляя искать и разгадывать имплицитные смыслы. Языковая игра помогает уйти от обыденности и сухости в газетной речи, позволяя подавать серьезную информацию в комическом ключе.

1.3. Феномен языковой игры на газетной полосе

Игра в своем широком понимании является элементарной функцией человеческой жизни, и без нее человеческая культура просто немислима. Игра пронизывает все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и сферу речевой деятельности. Частным видом такой игры выступает языковая игра.

На протяжении многих веков феномен языковой игры (далее – ЯИ) привлекал внимание ученых разных направлений – философов, эстетиков, этнографов, психологов. Среди исследователей, внесших большой вклад в развитие теории игры можно выделить Л. Витгенштейна, Ф. Шиллера, З. Фрейда, А. Вежбицкую. В отечественной педагогике и психологии теорию игры разрабатывали К.Д. Ушинский, В.А. Сухомлинский, Д.Б. Эльконин, М.М. Бахтин и другие. Многоплановость данного лингвального феномена определяет часто различное содержание, которое авторы вкладывают в

данное понятие (см. работы: Витгенштейн, 1994; Горелов, Седов, 1997; Гридина, 1996; Земская, Китайгородская, Розанова, 1983; Санников, 1999, 2008).

Впервые термин «языковая игра» был обозначен в работе философа Л. Витгенштейна «Философские исследования» в 1953 году как «целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен». [Витгенштейн, 1994, с. 42]. Ученый отметил, что это понятие служит для обозначения законченных систем коммуникации, подчиняющихся своим внутренним правилам и соглашениям, нарушение которых означает выход за пределы конкретной «игры». В рамках лингвистической философии под влиянием идей Л. Витгенштейна сформировалась теория речевых актов, которая развивается совместными усилиями философов, логиков, лингвистов и психологов (работы Дж. Остина, Дж. Р. Серля).

Т.А. Гридина в докторской диссертации «Языковая игра: стереотип и творчество» определяет одно из ведущих свойств языковой игры – ее креативное начало, которое «заключается в поиске возможных приемов выведения знака из типового (системно обусловленного) контекста его конструирования, употребления, восприятия» [Гридина, 1996, с. 4].

В полемике с Т.А. Гридиной С.Ж. Нухов пишет: «говорящий не думает о догматах нормы и чаще всего не ставит перед собой конкретные цели воздействия на адресата высказывания, а руководствуется лишь стремлением выразить языковыми средствами занимающие его в момент речи мысли и чувства, т.е. можно сказать, в итоге, что он при этом облакает в языковые формы свой внутренний мир» (см об этом: Гридина, 1996). Объединяя различные трактовки, С.Ж. Нухов предлагает следующее определение ЯИ: «Языковая игра – это такая форма речевого поведения человека, при которой языковая личность, реализуя свои лингвокреативные способности, демонстрирует свой индивидуальный стиль» [Нухов, 1997, с. 137–138].

В исследованиях В.З. Санникова ЯИ понимается как «сознательное манипулирование языком, построенное если не на аномальности, то, по

крайней мере, необычайности использования языковых средств» [Санников, 1999, с. 37].

Широкое понимание данного феномена связывается с его рассмотрением в пространстве текста. Э.М. Береговская, развивая идеи Л. Витгенштейна, отмечает, что ЯИ «проникает во все сферы человеческой жизни, от бытовой сферы... до рекламного слогана, газетного фельетона, ораторской речи и поэтического произведения... Языковая игра вездесуща и потому, что освоила все языковые уровни – фонетику, словообразование, лексику, синтаксис» [Береговская, 1999а, с. 159 – 160].

А.П. Сквородников [Сквородников, 2004, с. 86 – 87] в своей работе дифференцирует понятия ЯИ, игра слов, стилистический прием: «Игра слов – разновидность языковой игры, в которой эффект остроты достигается неканоническим использованием слов и фразеологизмов (трансформациями их семантики и/или состава).

Каламбур – разновидность игры слов, в которой эффект остроты (в основном – комической) достигается неканоническим использованием полисемантов, омонимов, паронимов, псевдосинонимов и псевдоантонимов...

Понятие ЯИ и стилистический прием (стилистическая фигура или троп) пересекаются в том случае, если стилистический прием используется в ludic (игровой) функции – функции создания нестандартного остроумного высказывания» [Сквородников, 2004, с. 86–87].

М.Ф. Шацкая, обобщив указанные выше исследования, дополнила определение А.П. Сквородникова. Вслед за ней, в нашей диссертации под термином ЯИ будет пониматься «лингвокреативный феномен дискурса, имеющий ассоциативную природу и подразумевающий нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/речевой, в том числе – стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [Шацкая, 2010, с. 8]).

Остроумие здесь понимается как «изобретательность в нахождении удачных, смешных или язвительных и метких выражений» [БАС, т. 8, стлб. 1203].

В основе исследуемого явления лежит принцип намеренного и прагматически мотивированного отклонения от языковых и речевых норм. Однако, как отмечал В.И. Шаховский, ЯИ – «результат их оригинального, нестандартного варьирования на базе креативной компетенции коммуникантов в определенном эмотивном дискурсе» [Шаховский 2007, с. 367].

Уточняя вопрос о соотношении понятий «языковая игра» и «категория комического», А.П. Сквородников, с учетом определений риторического приема и остроумия, предлагает следующую дефиницию: «Языковая игра – такое использование риторических приемов (приемов речевой выразительности), которое направлено на создание остроумных, преимущественно комических, высказываний, обладающих качествами меткости, оригинальности и неожиданности, а факультативно – качествами эксцентричности, эпатажности и причудливости в разных наборах и комбинациях» [Сквородников, 2010, с. 62].

В исследуемом явлении наиболее ярко проявляются следующие функции: фатическая, метаязыковая, эстетическая. В их ряду особое место занимает манипулятивная. Однако самой важной из них принято считать языкотворческую. В связи с этим, В.З. Санников отмечает, что ЯИ является одним из путей обогащения языка и средством, способствующим развитию человеческого мышления. Главной функцией, имеющей прагматическую основу, выделяется маскировочная, когда на первое место выходит не содержание описываемого, а отношение между адресантом и адресатом (Санников, 1999).

Считается, что данному лингвальному феномену свойственна акцентуальность, которая заключается в привлечении внимания адресата к речевой аномалии (см. об этом: Нестерова, 2001).

Содержанием ЯИ является некая закодированная информация, которая отражает картину мира говорящего в комическом ключе. Причем в этот процесс активно включается и собеседник (получатель информации), так как для него, по большому счету, и обыгрывается языковая форма и на него направлено воздействие с целью получения определенного прагматического эффекта. Данный феномен, как правило, всегда экспромт и возникает спонтанно в ответ на имеющиеся эмоции. Но может искусственно создаваться автором – как в целях создания художественного эффекта, так и в качестве эксперимента над языком, для определения границ «антинормы», которая находится в пределах понятного для реципиента.

Среди работ по декодировке заложенной в ЯИ информации мы предлагаем рассмотреть исследование Т.И. Шатровой в кандидатской диссертации «Языковая игра в текстах комической направленности» (Шатрова, 2006). Для процесса декодирования автор предлагает использовать понятие «скрипт»: «Скрипт есть когнитивная форма обработки, хранения и репрезентации индивидуального знания человека, отражающая систему традиционных ценностей; позволяющая оценивать те или иные единицы как соответствующие или несоответствующие норме; формирующая ожидания индивида; направляющая развитие интерпретации текста, выработки заключений; являющаяся опорой понимания текста» [Шатрова, 2006, с. 97]. Параллельно с изучением скриптов Т.И. Шатрова также рассматривает теорию фреймов, в основе которой лежит идея М. Минского о так называемых рамочных знаниях, согласно которой восприятие получаемой информации осуществляется посредством сопоставления со структурой, извлекаемой из памяти, именуемой фреймом (см. об этом: Минский, 1979).

Например, на газетной полосе наиболее частотными лингвистическими фреймами являются: 1) учет лексического значения слова; 2) знание норм лексической сочетаемости и 3) знание норм лексической и синтаксической сочетаемости, и скриптом для первой группы является идентификация значений вследствие установления внутритекстовых связей.

Так, один из заголовков газет гласит – *Теплица для юных гениев* [МК 06.11.08, с. 11]. Введение в фразу лексемы *теплица* в значении ‘помещение, участок с защищенным грунтом для разведения и выращивания растений’ [Ожегов, Шведова, 2003, с. 794] прежде всего акцентирует внимание на соотношении ребенка и растения. Верно понять данный заголовок адресанту помогает установление внутритекстовых связей: в данной статье речь идет о создании специальных условий, в которых одаренные дети смогут максимально развивать свои возможности.

ЯИ, основанная на знании норм лексической сочетаемости, раскрывается за счет сравнения нормы и узуса, что можно проследить в следующем примере. *Более того, он бы сделал это и без драконовской помощи правительства в виде запретительных таможенных пошлин* [МК 22.12.08, <http://www.mk.ru/auto/article/2008/12/22/6663-rossiyane-budut-ezdit-ro-nuzhde.html>]. Здесь можно отметить наличие несовместимых с точки зрения реальных предметных значений сем семем, взаимоисключающих друг друга в обычной ситуации: *драконовский* ‘жестокий, беспощадный [по имени древнегреч. законодателя Дракона]’ [Ожегов, Шведова, 2003, с. 179] и *помощь* ‘содействие кому-нибудь в чем-нибудь, участие в чем-нибудь, приносящее облегчение кому-нибудь’ [Ожегов, 2008, с. 455]. У В.Г. Гака данный случай реализации компонентов семемы получил название «рассогласование» (Гак, 1998).

Скриптом для фрейма-знания норм лексической и синтаксической сочетаемости также является сравнение нормы и узуса.

Рассмотрим следующий заголовок – *Встать! Судья садится ... в калошу!* [КП 11.12.08, <http://www.kp.ru/daily/24213.4/415928/>]. Начало данной конструкции апеллирует к известной фразе судебного заседания: «*Встать! Суд идет!*» и настраивает читателя на серьезный текст, вторая же половина отсылает нас к фразеологической единице *сесть в калошу* – ‘потерпев неудачу, оказаться в смешном, неловком положении’ [Ожегов и Шведова, 2003, с. 261]. При этом автор статьи изменил вид глагола с совершенного на

несовершенный с семантикой длительного некротного действия, показав тем самым некую преднамеренность совершаемого действия и вызывая комический эффект.

Итак, феномен языковой игры характеризуется как осознанный, намеренный процесс использования говорящим/пишущим возможностей языка для воздействия на адресата, которое создает, как правило, комический эффект для удовлетворения эстетических потребностей. Функциональная сложность феномена обуславливает и включает в себя следующие характеристики: семантическая аномальность, взаимосвязь понятийных и языковых сфер, общность культурного фона, взаимодействие и сотрудничество автора и реципиентов. Содержанием языковой игры является закодированная, имплицитная, информация, отражающая картину мира говорящего/пишущего в комическом ключе. Раскодировка заложенных в феномене имплицитных смыслов возможна благодаря использованию соответствующих скриптов.

1.4. Эксплицитные средства создания языковой игры в публицистике

Все средства создания языковой игры можно разделить на две группы: *эксплицитные* и *имплицитные*. Представим, что мы будем понимать под терминами *эксплицитный* и *имплицитный*. Как известно, почти¹ за всеми языковыми единицами закреплено определенное лексико-грамматическое содержание, так называемые узусальные значения. Именно этот вид информации мы будем считать эксплицитным. То содержание, которое прямо не воплощено в узусе, но извлекается или может быть извлечено из высказывания при его восприятии, следует относить к имплицитной информации (см. об этом подробнее: ЛЭС, 1990; Долинин, 1983) (Речь об имплицитной информации пойдет подробнее в параграфе 1.5.).

¹ Мы написали «почти», учитывая случаи неопределенной лингвистической характеристики некоторых языковых единиц, например, частеречной отнесенности таких слов, как *нет*, *спасибо*, а также *темно* (в предикативной функции).

Прежде чем рассмотреть имплицитную информацию, содержащуюся в языковой игре, следует описать, какие эксплицитные средства способствуют ее созданию. Необходимо отметить, что они затрагивают все ярусы языка.

I. Фонетика

Рассматривая фонетический уровень, В.З. Санников отмечает его строгий нормированный характер, определяемый жесткими правилами, нарушение которых обычно не допустимо даже в шутке. Набор звуков в языке воспринимается его носителями как данность и обыгрыванию чаще всего не подвергается.

С.В. Ильясова говорит о том, что на данном уровне создатели рекламных текстов чаще всего применяют различные звуковые повторы. Например, *Выиграй тур в Турции!* (реклама алкомаркета «1000 и 1 бутылка») [Ильясова, 2009, с. 48].

II. Графика

Игра с графикой, орфографией и пунктуацией встречается чаще, особенно это касается публицистики. В рекламных текстах это игра с цветом, использование латиницы, символов, прописной буквы.

С. В. Ильясова предлагает следующую классификацию языковой игры с графическим выделением:

1. на базе омонимии;
2. на базе паронимии:
 - а) выделение аббревиатур,
 - б) выделение имен собственных,
 - в) выделение имен нарицательных;
3. графическое выделение в контаминированных образованиях;
4. Языковая игра другими графическими средствами:
 - а) использование дефиса,
 - б) использование исправления,
 - в) использование скобок,
 - г) использование точки.

III. Словообразование

Словообразовательные возможности русского языка довольно часто используются для создания комического эффекта. Результат невузального словообразования – окказионализм. «Окказионализмы показывают, на что способен язык при порождении новых слов, каковы его творческие потенции, глубинные силы» [Земская, 1992, с. 180]. При этом окказионализм может оказаться «одноразовым», но может в дальнейшем получить распространение в статусе неологизма, нового слова. В.З. Санников говорит, что, как правило, при языковой игре не создаются какие-то новые словообразовательные модели или словообразовательные аффиксы – обыгрываются старые. При этом следует помнить, что производные слова (слова в переносных значениях, некоторые имена собственные и т. п.) никогда не утрачивают полностью смысловую связь с исходными словами. В качестве примера приведем следующую фразу: *Может ли крупнейший пресноводный водоем Европы обойтись без своего чудозавра?* [КП 10.09.08, <http://www.kp.ru/daily/24161/374745/>]. В данной статье речь ведется о мифическом обитателе озера Лох-Несс, использование же окказионализма *чудозавр* связано с невозможностью отнести данное существо к какому-либо виду животных, известных человечеству.

IV. Грамматика

Грамматика и, в частности, морфология, как отмечает В.З. Санников, обладает уже гораздо более широкими возможностями для создания комического эффекта. При этом ученый приходит к выводу, что обыгрываются обычно три явления: 1) статус словоформы как наименьшей текстовой единицы, ее непроницаемость, неусекаемость и т. п.; 2) формальные способы выражения тех или иных морфологических значений, особенности парадигм (дефектность, наличие дополнительных форм и т. п.); 3) игра с семантикой морфологических категорий и форм [Санников, 1999, с. 63]. Например, во фразе «*Уазик*» **не выдержал и сломался** [КП 09.02.12, <http://stav.kp.ru/daily/25832.3/2806497/>] обыгрыванию подвергается

грамматическая категория одушевленности/неодушевленности имени существительного. Другой пример олицетворения как приема создания ЯИ находим в следующей диктете: *Опять-таки провинившиеся «точки» закрыли лишь на время* [АИФ 28.11.13, <http://www.vlg.aif.ru/food/1031777>]. В данном случае речь идет не о торговых точках, а об их держателях и их ответственности, что становится ясно из содержания статьи.

С.В. Ильясова отмечает, что ЯИ на морфологическом уровне является одной из самых сложных и тонких видов в языке СМИ, так как реципиент должен владеть определенными знаниями, помогающими в дешифровке текста.

V. Синтаксис

В синтаксисе значения передаются служебными словами, конструкциями, порядком слов, интонацией. Так, одним из частотных приемов создания языковой игры, по результатам наших исследований, является привлечение интертекста. По В.П. Москвину, интертекстуальность – это ассоциативная связь текстов. Существует несколько фигур названного феномена. Так, при создании заголовка *Сказка о личном мнении и двух богатырях* [МК 28.04.11, <http://www.mk.ru/politics/2011/04/28/585318-skazka-o-lichnom-mnenii-i-dvuh-bogatyiryah.html>] использовалась текстовая аллюзия (это языковое явление заключается «в ассоциативной отсылке к известному для адресата факту виртуальной либо реальной действительности» [Москвин, 2007, с. 27.]). В данном примере проявляется ассоциативная отсылка к русскому фольклору со смешением двух жанров: сказки и былины. При этом вся статья стилизована соответствующим образом. Слово *сказка* настраивает читателя на нужное восприятие текста, во многом ироническое, так как два богатыря – это образы двух главнейших лиц, стоящих у власти. А введение в заголовки былинных черт лишь показывает несоответствие народным идеалам.

Другим примером использования в заголовке интертекста является парафраз («приём, состоящий в изменении лексического состава какого-либо

выражения или текста» [Москвин, 2007, с. 527]), ср.: *Кому в области жить хорошо?* [МК 10.10.08, с. 6]. В нашем случае речь идет о названии произведения Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?». В результате «обновления» его компонентов – включение слова *область* в прямом значении (‘крупная административно-территориальная единица’ [Ожегов, 2008, с. 429]) – происходит тематическая переориентация текста, следующего за заголовком.

Фраза *Жизнь А. Макаревича вовсе не похожа на фруктовый кефир, но и позабытым кумиром его, слава богу, не назовешь* [МК 10.12.08, <http://www.mk.ru/culture/cinema/article/2008/12/10/8604-makarevich-o-mashine-i-vremeni.html>] основана на фигуре интертекста, называемой аппликацией – приеме, который заключается «в использовании в качестве «строительных блоков» для текста: 1) устойчивых выражений (фразеологическая А.); 2) фрагментов текста без указания на источник (текстовая А.)» [Москвин, 2007, с. 138]). Здесь можно увидеть фрагмент текста одной из песен известного музыканта Андрея Макаревича «Однажды мир прогнется под нас».

Надо отметить, что среди частотных примеров ЯИ на синтаксическом уровне, встречающихся на газетной полосе, нами была обнаружена и парцелляция – «фигура акцентирования, состоящая в использовании пауз, разрывающих фразу» [Москвин, 2007, с.541]. Яркие примеры парцелляции находим в следующих диктемах: *В ней, как, наверное, в каждой мужской компании, в промежутках между визитами лечащего врача, или своего рода парламентские дебаты. О всеобщем взяточничестве. О непрекращающейся стрельбе по бизнесменам. О новом российском капитализме* [ЛГ 27.11.13, <http://coollib.net/b/261166/read>]; В контексте исследуемого нами явления заголовок *Ребенка – на органы. Опек и попечительства* [МК 15.12.10, <http://www.mk.ru/social/2010/12/15/552447-rebenka-na-organy-i-oprechitelstva.html>] вызывает у читателя негативное отношение к этим самым органам, так как помощи от них ждать не приходится.

Благодаря парцелляции обыгрываться могут даже фразеологизмы. Так, во фразе *Банкиры затянули пояс. На заемщиках* [МК 17.12.08, с. 13] вследствие указанного выше способа появляется другой объект действия: банкиры собираются преодолевать трудности за счет других людей.

VI. Лексика

Как отмечает В.З. Санников: «Исследование шуток, где обыгрывается лексика, не только даст эстетически полноценный иллюстративный материал, касающийся значений слов (а том числе многозначных), но и позволит выделить для того или иного слова некоторые смысловые компоненты, которые остались пока незамеченными» [Санников, 1999, с. 180]. В качестве примера можно привести следующую фразу: *По словам счастливых «ветеранов» брака, эта встреча стала для них удивительно трогательной и незабываемой* [МК 17.12.08, с. 17]. Исходя из контекста статьи, становится понятно, что «ветераны» брака – это люди, прожившие вместе более 25 лет. В рекламе и СМИ данный феномен служит для передачи максимального количества информации на минимальном отрезке текста. Обыгрывание лексемы *надувательство* ('обман, плутовство' [МАС, т. 2, с. 349]) наблюдаем в следующем примере: *23-летний Алексей Решетников стал первым, кто начал заниматься в Волгограде мыльным «надувательством» профессионально* [АиФ 18.09.13, <http://www.vlg.aif.ru/culture/art/70964>]. В данном случае феномен ЯИ построен на столкновении основного значения имени существительного со значением его производящей основы *надувать* 'от надуть: наполнить воздухом или другим газом, сделав упругим' [МАС, т. 2, с. 349]. На этот вывод нас наталкивают экстралингвальные знания об увлечении Алексея шоу мыльных пузырей.

VII. Семантика

Семантика пронизывает все уровни языка и растворяется в них. В.З. Санников в своей работе выделяет отдельную главу для нее, куда вносит

лишь те достаточно общие семантические явления, которые трудно было бы привязать к каким-то определенным языковым единицам. При обращении к семантике следует помнить о фоновых знаниях, которые впервые были рассмотрены в работе Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура» (Верещагин, Костомаров, 1973). Лингвисты определили фоновые знания как «общие для участников коммуникативного акта знания» и выделили три вида фоновых знаний: общечеловеческие, региональные и страноведческие [Верещагин, Костомаров, 1973, с. 126]. Как показывают наши наблюдения, часто встречаются примеры языковой игры, основанные на семантической несочетаемости и не затрагивающие других уровней русского языка. Такие случаи редки в заголовках газетных статей, большее их число наблюдается в самом тексте.

Так, на страницах «МК» нами был обнаружен следующий пример: *Нас хоронили уже раз 20* [МК 17.12.08, с.20]. Лексическая единица *хоронить* в значении ‘считая отжившим, предавать забвению’ [Ожегов, 2008, с. 695] имеет семы, которые предполагают процесс, совершаемый единожды, что семантически противоречит указанному в предложении количеству.

К данному способу создания языковой игры В.З. Санников относит явление *Возможное vs. Невозможное* (см. об этом: Санников, 1999). Оно, как и многие другие, отражается на газетной полосе: *Так что денежных запасов здесь банкам хватит надолго, надо лишь как следует **копнуть** это финансовое местонахождение* [МК 24.10.08, с. 6]. Сочетаемость лексемы *копнуть* (‘роя, доставая, извлекать (из земли)’ [Кузнецов, 2008, с. 455]) со словом *местонахождение* (‘пункт, место, где кто, что-либо находится’ [Кузнецов 2007, с. 345]) возможна благодаря угасанию сем ‘пункт, где кто-либо находится’. Данный прием создания языковой игры обусловлен наличием паронимов в русском языке – однокорневых слов, близких по звучанию, но не совпадающих в значениях, ср.: *местонахождение* – *месторождение* (‘место нахождения полезных ископаемых (залежей), целебных источников’ [Ожегов, Шведова, 2003, с. 352]).

VIII. Прагматика

Прагматика – молодая область языкознания, исследующая «отношения знаков к их интерпретаторам» [Моррис, 1983, с. 42], т. е. отношение говорящего и адресата к описываемым объектам и друг к другу. В.З. Санников замечает, что языковые шутки «с прагматической подоплекой» вряд ли уступают по частоте даже каламбуру. Так, нередко авторами обыгрывается избыточность членов предложения или членов словосочетания (плеоназм): *Говорили о случаях, случайно случившихся на той или другой линии*. К феномену языковой игры исследователь относит также любые стилистические отклонения.

Среди многообразия видов данного лингвального феномена в исследованиях, проведенных ранее, нами были обнаружены следующие приемы: Низкое vs. Высокое, образование окказионализмов, словосложение, «фокус-покус», штампы, контаминация, переосмысление грамматических форм и проч. Наиболее частотными, по нашим наблюдениям, оказались лексические, фразеологические, семантические и синтаксические средства.

Лексические средства создания ЯИ на страницах исследуемых периодических изданий последних лет представлены, прежде всего, метафорами.

Их можно условно разделить на два подвида: 1) соотнесение человека с животными и предметами (*Первая – та кадровая колода, которая достается новому лидеру вместе с властью; сколько ее не тасуй, избавится от нее очень и очень непросто, и она тормозит смену курса* [ЛГ 29.02.12, <http://read24.ru/fb2/literaturka-literaturnaya-gazeta-literaturnaya-gazeta--6359---7-2012/>]. Здесь говорится о людях, политиках, которые не меняются при смене главы власти. Отождествление их с колодой ('полный комплект игральные карты' [МАС, т. 2, с. 75]) показывает, что человека в последнее время предпочитают рассматривать в качестве вещи); 2) придание неживому сходство с одушевленным (*Неожиданным киндер-сюрпризом для мирового общества образовалось новое независимое государство* [КП 21.10.08,

<http://www.kp.ru/daily/24184/392761/?geo=1>]. Сегодня переносное значение лексемы *киндер-сюрприз* интерпретируется – ‘маленький ребенок, младенец’ [Никитина, 1998, с. 181]). При этом данный способ создания ЯИ, по нашему наблюдению, представлен в большей мере в самом тексте заметок, в заголовках же представлена всего одна треть примеров.

Все случаи трансформации фразеологических оборотов тоже можно разделить на две основные группы: 1) фразеологические единицы, значения которых непосредственно связаны с человеком и его деятельностью; 2) те, значения которых относятся к жизни в целом. При этом наблюдаются следующие преобразования:

а) подвергаться изменению может отдельный компонент идиомы (*Крамник упал с шахматного коня* [КП 23.10.08, <http://www.kp.ru/daily/24186.4/394066/>]). В данном примере фразеологическая единица *быть на коне* (‘чувствовать себя победителем’ [Кузнецов, 2007, с. 288]) приобретает в периодических изданиях антоним, а обыгрывание ведется путем изменения отдельного компонента идиомы);

б) происходит изменение ее структурного состава путем включения других слов (*Много с тех пор воды в трубах утекло* [МК 03.10.08, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2008/10/03/19885-ukras-soboy-mesto.html>]). Фразеологизм *много с тех пор воды утекло* в значении ‘прошло много времени’ [Кузнецов, 2007, с. 84] получает иную интерпретацию благодаря введению в его структуру слова *труба* (‘длинный пустотелый предмет, обычно круглого сечения’ [Ожегов, Шведова, 2003, с. 813]). Прошедшее время в данном контексте ассоциируется у нас с большим количеством напрасно израсходованной воды);

в) возможен только намек на фразеологизм (*За столиками, которые буквально ломились от угощений, сидели самые красивые пары города – «золотые» и «бриллиантовые»* [МК 17.12.08, с. 18]). Из контекста можно сделать вывод, что речь идет о супружеских парах, которые недавно отметили золотую (‘пятидесятилетие супружеской жизни’ [Ожегов,

Шведова, 2003, с. 233]) и бриллиантовую (‘семидесятилетие супружеской жизни’ [Ожегов, Шведова, 2003, с. 59]) свадьбы);

г) один из компонентов устойчивого выражения заменяется другим на газетной полосе (*Не ударим лицом... в салат* [КП 27.11.09, <http://www.kp.ru/daily/24221.3/422226/>]. Эта фраза отсылает читателя к известному фразеологизму *лицом в грязь не ударить*, что значит ‘выполнить удачно, не оплошать, показать себя с лучшей стороны’ [Кузнецов, 2007, с. 322]. На газетной полосе он получает своеобразный синоним, актуальный для пышных празднеств);

д) синтез фразеологического значения и переосмысление прямого значения одного из его компонентов (*Путин навел мосты в Сибири* [КП 23.10.08, <http://www.kp.ru/daily/24186.4/394102/>]. В данном случае синтезируется фразеологическое значение (‘установить какие-либо отношения с кем-либо’ [Кузнецов, 2007, с. 360]) и прямое значение слова мост (‘сооружение для перехода, переезда через реку, овраг, железнодорожный путь, какие-нибудь препятствия’ [Ожегов, Шведова, 2003, с. 367])).

В отличие от метафор, обыгрывание фразеологизмов чаще встречается именно в заголовках (примерно две трети единиц), что бесспорно привлекает внимание читателя.

Все семантические средства создания ЯИ так или иначе связаны с синтагматикой лексем. Например, во фразе *А как вам нерабочий день труда?!* [КП 28. 04.11, с. <http://www.kp.ru/daily/25677.3/836234/>] игра также построена на рассогласовании сем лексем. Так, день труда предполагает трудовую активность (труд ‘работа, занятие’ [Кузнецов, 2008, с. 1349]), что противоречит определению нерабочего или выходного дня (‘не связанный с работой, используемый не для работы’ [Кузнецов, 2008, с. 638]). Данный эффект придает высказыванию оттенок абсурдности не только обсуждаемому явлению, но и всей жизни страны.

Однако грамматическое противопоставление одушевленного неодушевленному наиболее существенно для русского языка (Санников, 1999). Данное явление возможно благодаря двум основным процессам: актуализации отдельных потенциальных сем лексемы и редуцированию других, что в свою очередь приводит к возможности семантической сочетаемости лексем в их переносных значениях. Все примеры данного способа образования указанного выше лингвального феномена можно разделить на две группы: 1) связь с человеком; 2) связь с явлениями действительности. В одной из статей находим пример для первой группы: *Президентский срок Дума проглотила мгновенно, а коррупцией опять подавилась* [МК 17.12.08, с. 3]. Как глагол *проглотить* в значении ‘выслушать или пережить без всякого протеста что-либо неприятное’ [Кузнецов, 2008, с. 1003], так и глагол *подавиться* (‘испытывать затруднения при глотании застрявшего в горле куска’ [Ожегов, 2008, с. 133]) характеризуют жизнедеятельность одушевленных предметов (людей, животных). Таким образом, лексеме *дума* (‘название некоторых государственных учреждений’ [Ожегов, Шведова, 2003, с. 182]) приписываются признаки живых существ на основе метонимии и актуализации потенциальных сем лексемы).

Характерной чертой рассматриваемой группы является негативное отношение к человеку, которое выражается в соотнесении его с неодушевленными предметами. На страницах «МК» она представлена не так широко, мы предлагаем рассмотреть самый яркий пример. Один из заголовков гласит: *Всю команду сгрузили на правый борт, в мизерную штурманскую рубку* [МК 25.11.08, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2008/11/25/11129-piraty-i-v-somali-pod-kayfom-i-pod-kryishey.html>]. Глагол *сгрузить* ‘снять какой-либо груз с чего-либо; поместить, сложить снимаемый груз где-либо’ [Кузнецов, 2007, с. 729] меняет восприятие лексемы *команда* ‘личный состав, экипаж судна’

[Кузнецов, 2008, с. 443], придавая ей отрицательную оценку. Теперь команда ассоциируется не с группой людей, а с грудой никому не нужного хлама.

В другой статье находим пример для второй группы: *Жителей района больше не пугают страшные трубы огромного диаметра, которые мешали движению, создавали грустный пейзаж и выдыхали стекловату* [МК 24.12.08, с. 8]. Исходя из значения лексемы *выдыхать* ('дыханием вытолкнуть из легких' [Ожегов, 2008, с. 102]), можно сделать вывод о том, что данное действие характерно для живых существ. Таким образом, в данном примере речь идет о семантическом несогласовании [см. об этом: Гак, 1998, с. 284], так как отдельные семы данной лексической единицы редуцируются при взаимодействии со словом *труба* ('длинный полый предмет, обычно круглого сечения, предназначенный для прохода жидкости, пара, газа и т.п.' [Кузнецов, 2008, с. 1348]). Глагол *выдыхать* становится контекстуально синонимичным *выделять* 'удалить, вывести из организма, из состава чего-нибудь' [Ожегов, Шведова, 2003, с. 111].

В одной из диктем читаем: *Кризис съел сбережения Алекса Фергюсона?* [КП 05.12.08, <http://www.kp.ru/daily/24209/413058/>]. В данном случае слово *кризис* ('резкое изменение, крутой перелом; тяжелое переходное состояние' [Кузнецов, 2007, с. 300]) одушевляется глаголом *съесть* в значении 'полностью поглотить, потребовав каких-либо расходов' [Кузнецов, 2007, с. 816] благодаря метафорическому переносу.

Итак, в ходе наших наблюдений за эксплицированными приемами создания языковой игры были выявлены следующие частотные средства названного выше лингвального феномена: обыгрывание фразеологических единиц, нарушение семантической сочетаемости, метафорические переносы, полисемия, привлечение фигур интертекста, парцелляция. В процентном соотношении данные представлены следующим образом: метафора – 30%, нарушение семантической сочетаемости – 23%, фразеологизмы – 20%, интертекст – 16%, парцелляция – 5%, столкновение нескольких значений одного полисеманта – 6%. Первое место по частотности употребления

занимают лексические и фразеологические средства создания языковой игры (47%), при этом метафоры представлены в большей мере в текстах статей, в отличие от обыгрывания фразеологизмов, 2/3 примеров которых приходится именно на заголовки газет. На втором месте – нарушение семантической сочетаемости (30%), встречаемое в равной мере и в названиях статей, и в самих текстах, на третьем – синтаксические средства (23%), которые преимущественно наблюдаются в заголовках.

Таким образом, ЯИ – уникальный лингвальный феномен, средства создания которого многочисленны и отражены на каждом уровне языка, хотя в количественном отношении на этих ярусах они представлены неравномерно, что объясняется степенью их нормированности. Однако, как показал более глубокий анализ многих из представленных в данном параграфе примеров, невозможно ограничиться при описании их только вербализованной семантикой, которая во многих случаях дает неполное представление описываемой ситуации. Поэтому в нашей работе мы сосредоточиваем внимание на имплицитных средствах создания исследуемого явления, в частности обратимся во второй главе к скрытым категориям, создающим второй план, насыщенный субъективной модальностью и влияющий на построение синтаксических единиц.

1.5. Лексическая и синтаксическая имплицитность в языковой игре

Прежде чем приступить к описанию скрытых категорий, следует определить их место в системе невербализованной информации. Рассматривая явление имплицитности, лингвисты обычно подразумевают то, что «говорящий чего-то “недовложил” в свою речь, которую, тем не менее, адресат способен понять и “доинтерпретировать”» [Демьянков, 2006, с. 36]. Техника понимания такой информации состоит в установлении того, о чем умолчали и как следует восполнить этот пробел, опираясь на сам текст и на условия его восприятия.

В языкознании различают термины «импликация» и «имплицитность». Импликация понимается по-разному. В логике ею обозначают «условное высказывание, т.е. логическую операцию, связывающую два высказывания в сложное высказывание с помощью логической связки, которой в обычном языке в значительной мере соответствует союз «если... то...» [Кондаков, 1971, с. 191]. В исследованиях художественного текста импликацией называется дополнительный, подразумеваемый смысл, вытекающий из соотношения соположенных единиц текста. В этом значении импликацию отличают от других видов подразумевания – подтекста, эллипсиса, пресуппозиции, аллюзии и т.п. (Арнольд, 1982). Под импликацией еще понимают дополнительное смысловое или эмоциональное содержание, реализуемое за счет нелинейных связей между единицами текста (см. об этом: Кукушкина, 1968).

Имплицитность базируется на импликации, а также на асимметрии плана содержания и плана выражения языкового знака, при которой «содержание мысли оказывается гораздо шире своего выражения в языковых единицах» [Колядко, 1980, с. 34]. Это явление ярко прослеживается в обыгрывании фразеологизмов и всегда рассматривается как экономный способ отображения вневлигвального содержания, при котором в результате прочной ассоциативной связи элементов ситуации «название только одного из элементов является достаточным для того, чтобы представить всю ситуацию» [Медынская, 1971, с. 38]. Так, заголовок статьи *Горожане вздохнут спокойно?* [МК 24.12.08, с. 5] в основе своей содержит устойчивое выражение *вздохнуть свободно* – ‘почувствовать себя спокойно’ [Ожегов, Шведова, 2003, с. 80]. После обращения к тексту заметки понятно изменение идиомы, которая прочитывается теперь следующим образом: горожане успокоятся, так как после закрытия завода смогут свободно вздохнуть чистым воздухом.

Существует две точки зрения относительно объема понятия «имплицитность». А.В. Бондарко считает имплицитными семантическими

элементами те, которые не выражены в речевом акте языковыми средствами, но вытекают из эксплицитно выраженных элементов (Бондарко, 1978). Некоторые ученые (Шендельс, 1977) полагают, что не может быть невыраженного смысла. Вслед за авторами монографии «Имплицитность в языке и речи» мы будем «считать имплицитной ту информацию, которая передается благодаря лексике и которая является вербализуемой, но невербализованной (т.е. требующей комментария для однозначного понимания), а также факультативной. Основным признаком такой информации является то, что ей сопутствует ряд речемыслительных операций, не сводимых к простому отождествлению значения лексем. Это в первую очередь логический вывод из значения слова, а нередко и из контекста, из фоновых знаний» [Имплицитность, 1999, с. 42].

Как пишет Л.В. Лисоченко, «Механизм порождения и понимания имплицитного смысла заключен в модели речевой деятельности говорящего и слушающего, пишущего и читающего, продуцента и реципиента» [Лисоченко, 1992, с. 120]. Этот механизм лингвист представляет следующей формулой ($\text{Э} - \text{З}$) $\text{Л} \rightarrow \text{И}$ (где $-$ является показателем сочетания, \rightarrow является знаком производности): адресат эксплицитно выраженную мысль автора (Э) сочетает со своими знаниями (З) и, применяя логическое правило (Л), извлекает имплицитное (И) из такого сочетания [Лисоченко, 1992, с. 10]. Конечно, в конкретном акте общения в высказывании может присутствовать лексико-грамматическая информация, которая и в количественном, и в качественном отношении превосходит изначально заложенную узусом в данные, конкретные языковые единицы. В этом случае следует говорить о присутствии имплицитного смысла.

Трудность определения границ понятия *имплицитность/имплицитная информация* заключается в том, что в рамки этого типа содержательной стороны языковых знаков иногда включают большое количество случаев пограничных. Однако, если следовать за авторами сборника «Имплицитность...» (1999), можно опираться на следующий критерий

«опознавания» скрытого смысла: решающим критерием признания отдельного значения оказывается положение не слушающего, а говорящего, который «не просто порождает последовательность структур, претворяющуюся в последовательности слов. Он выбирает из нескольких единиц... те..., которые точнее всего выражают замысел говорящего» [Имплицитность..., 1999, с. 12]. При этом имплицитная информация носит факультативный характер в плане декодирования: слушающий может воспринять весь блок этой информации, может увидеть только часть замысла адресанта, а может и совсем не увидеть скрытого содержания.

Признаками имплицитной информации [см. об этом: [Имплицитность..., 1999, с. 13–14] мы будем считать следующие:

учитывая то, что весь фонд знаний слушающего может по-разному соотноситься со всем фондом знаний говорящего, скрытая информация может пониматься с несто процентной надежностью;

возникновение этой информации происходит в результате речевой деятельности, поэтому она является прагматически обусловленной (например, косвенные речевые акты) и обладает необязательностью восприятия.

В нашей работе мы коснемся проявления лексической и синтаксической имплицитности в языковой игре.

Руководствуясь изложенным выше принципом, к лексической имплицитности мы будем относить такие пограничные случаи, как коннотации (включающие в том числе эмотивный, экспрессивный и оценочный компоненты значения; коннотации, связанные с культурным контекстом) и возможные ассоциации, которые порождает употребление слова. Возможность интерпретировать эту часть содержания слова в ходе его употребления как имплицитную дают следующие особенности: 1) она носит факультативный характер и 2) обнаружение ее становится возможным только в результате приложения некоторых дополнительных усилий слушающего. Кроме того, к имплицитной информации мы будем относить все виды

пресуппозиций (о них см. ниже) и семантические приращения, которые проявляются в ходе конкретного употребления слова в контексте и связаны с такими понятиями, как референция, каузация (причинно-следственные связи), факультативный компонент значения (например, в значении слова *обедать* не входит семный состав ‘становиться сытым’, но он может подразумеваться в таких репликах, как *Спасибо, я пообедал*; к этому же виду имплицитной информации относится и намек, например: *Эх, не удалось сегодня пообедать...*), внутренняя форма слова, сведения коммуникативного характера (возможность индивидуально-авторского употребления в ином функциональном стиле).

Коснемся теперь случаев проявления лексической имплицитности в языковой игре.

Так, при эксплицитном рассмотрении заголовка статьи *У воронят окрепли крылья* [МК 22.12.10, <http://www.mk.ru/social/megacity/article/2010/12/22/554219-u-voronyat-okrepli-kryilya.html>] на первый план выходит слово *воронёнок*, имеющее всем известное значение ‘птенец ворона; птенец вороны’ [МАС, т. 1, с. 212]. И лишь благодаря логическому выводу из контекста читатель понимает, что воронята – это участники международного детского чемпионата по спортивной гимнастике на XVII кубок Михаила Воронина (заслуженного мастера спорта СССР).

Кроме этого, имплицитная информация может быть связана с ассоциациями, также дополняющими то содержание, которое воспринимает слушающий [Имплицитность, 1999, с. 42]. Благодаря указанной выше черте слово *акула* в определенном контексте получило кодифицированное значение: ‘публ. О том, кто действует хищно и беззастенчиво’ [Кузнецов, 2008, с. 16]. Примером может послужить следующая фраза: *Но аморальные западные акулы разорвали чужую, а наши – свою* [МК 14.12.08, <http://www.mk.ru/politics/article/2008/12/14/7966-krizis-morali.html>]. Такая же история наблюдается и у слова *оборотень*. В настоящее время на газетной

полосе оно употребляется в относительно новом значении: ‘разг. О коварном, двуличном человеке, до поры, до времени скрывающем свою истинную сущность’ [Кузнецов, 2008, с. 432]. Так, одна из статей с заголовком **Оборотни в погоне за деньгами водителей** [МК 08.04.09, <http://www.mk.ru/auto/article/2009/04/08/252246-oborotni-v-pogone-za-dengami-voditeley.html>] гласит о несанкционированных действиях работников полиции, апеллируя на основании паронимического сближения падежных форм *в погоне* и *в погонах* к известному фразе-газетному штампу *оборотни в погонах*.

К источникам имплицитной информации относят также коннотации (экспрессивный, эмоциональный, оценочный и ассоциативный компоненты значения слова), актуализацию значения слова в контексте («переход его в содержание высказывания, которое оказывается богаче, чем составляющие его слова. Следовательно, появляющуюся при этом информацию можно считать имплицитной» [Имплицитность, 1999, с. 35]). Так, словосочетание *гиппократовский стереотип* раскрывает весь свой смысл, указывая на причины низкой оплачиваемости труда работников медицины, отсылая при этом читателя к устойчивому выражению *клятва Гиппократа: В головах чиновников прочно сидит этот «гиппократовский стереотип»* [ЛГ 16.11.11, <http://read24.ru/fb2/literaturka-literaturnaya-gazeta-literaturnaya-gazeta-6346---45-2011/>] (Как известно, общество привыкло требовать от врачей безукоризненного выполнения своих обязанностей без учета того, что этот труд должен достойно поощряться).

Еще одним источником имплицитности является возникающий при конкретном употреблении слова факультативный компонент значения. «При описании некоторых лексем лексикографы и лексикологи отмечают наличие в их значении фрагментов смысла, которые встречаются не во всех употреблениях, и в этом смысле не являются обязательными» [Имплицитность, 1999, с. 36]. И. Богуславский говорит о нейтрализуемых фрагментах значения (Богуславский, 1985). *Раз, два, три – Чуров уходи!* –

<http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/04/667997-organizatorov-aktsii-na-bolotnoy-ohranyal-osobyiy-otryad.html>]. В приведенной диктете слова *раз, два, три* указывают не на собственно счет, апеллируя к модели построения детских считалок и стишков (*Раз, два, три – ёлочка гори!*), а на мгновенность желаемого действия, что приводит к десемантизации рассматриваемого компонента.

С факультативными компонентами связаны и логически выводимые (потенциальные) части значения лексики, проявляющиеся в тексте. «К этому виду имплицитной информации относится намек, который сознательно эксплуатирует это свойство лексики. Обычно под намеком, т.е. заведомо неэксплицитной информацией, понимаются случаи, когда процесс восстановления нужных импликаций достаточно очевиден для говорящего и слушающего, т.е. эти импликации не вполне вероятны» [Имплицитность, 1999, с. 37]. Ярким примером указанного выше источника имплицитности может послужить следующая диктета: *Люди стали активно выражать недовольство, они хотят видеть в политике новые лица. И они есть! Я не имею в виду «старцев» или орущих, брызжащих слюной психопатов»* [АиФ 22.02.12, <http://www.aif.ru/society/31254>]. Читателю, разбирающемуся хоть немного в политике России, не составит труда увидеть за эвфемизмами отличительные черты таких именитых политиков, как Г. Зюганов и В. Жириновский.

Вопросы, касающиеся синтаксической имплицитности, необходимо рассматривать вне отрыва от пресуппозиций, встречающихся в языковой игре.

Итак, имплицитная семантика высказывания тесно связана с его пресуппозициями, так как имплицитное информативное содержание становится фактом в семантической структуре текста в результате установления имплицитных отношений между находящимся в подтексте «фондом общих знаний» говорящего и слушающего и эксплицитным

смыслом. Такая связь predetermined особенностями человеческого мышления. Оpozнaвание того или иного элемента может зависеть от прошлого опыта и от «направленности» восприятия. Восприятие информативности высказывания, в том числе имплицитной, с учетом прошлого опыта, обусловлено таким свойством мышления, как репродуктивность, которое представляет собой воспроизведение процессов, имевших ранее место в решении задач (см. об этом: Секкей, 1965). Этот процесс приводит к пониманию того, что хотел сказать говорящий, но выразил это косвенным способом.

Теория пресуппозиций разрабатывалась в исследованиях Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюновой, В.А. Звегинцева, Г.В. Колшанского, Дж. Лакоффа, Л.В. Лисоченко, Дж. Остина, Е.В. Падучевой, Г.Г. Почепцова, Ч. Филлмора и др., которые рассматривали названное выше понятие в логическом, коммуникативном и когнитивном аспектах. В нашем исследовании мы будем придерживаться следующего определения: «Пресуппозиция – это фоновые знания говорящего и слушающего (пишущего и читающего, адресанта и адресата, отправителя и получателя речи), на основании которых в процессе порождения, выражения и восприятия смысла осуществляется экспликация имплицитного, подразумеваемого, предназначенного для сообщения содержания... Пресуппозиция является частью семантической структуры текста на его глубинном уровне и вместе с эксплицитным, вербализованным, смыслом, воплощенным в поверхностной семантической структуре текста, «работает» на выражение и восприятие имплицитной, предназначенной для сообщения информации» [Лисоченко, 1992, с. 12–13].

Различают следующие виды пресуппозиций: логическую (операциональную), экзистенциальную (собственно экзистенциальную, прагматическую и коммуникативную) и лингвистическую.

Логическая, или операциональная, пресуппозиция – это представление говорящих о естественных отношениях между событиями (Дж. Лакофф,

цит. по: Арутюнова, 1973); или «установление логической связи, или имплицативных отношений, между эксплицитно выраженным смыслом высказывания и имплицитно присутствующим в сознании коммуникантов «фондом общих знаний», релевантных для данного процесса общения, или другими видами пресуппозиций» [Лисоченко, 1992, с. 13]. Так, в одной из статей слово *продукт* получает переносное значение *деньги*: **Финансовые продукты** появляются на свет буквально пачками [МК 24.10.08, с. 12]. М. Кронгауз подразумевает в данном случае некую бизнес-метафору: «Результат любой деятельности, в том числе и творческой, оценивается с точки зрения купли-продажи» [Кронгауз, 2008, с. 36.].

Экзистенциальная пресуппозиция – «это актуальные в момент общения экстралингвистические знания коммуникантов, обуславливающие порождение и восприятие «коммуникативно релевантного содержания» высказывания» [Лисоченко, 1992, с. 14]. Этот вид пресуппозиции учитывает как прагматическую, так и собственно коммуникативную составляющие речевого акта. Отсюда деление экзистенциальных пресуппозиций на 1) собственно экзистенциальную, учитывающую знание и любые факты реальной действительности, кроме ситуации общения и личности собеседника; 2) прагматическую, опирающуюся на знание и учет ситуации общения; 3) коммуникативную, основывающуюся на знаниях и учете личности собеседника.

Первый тип экзистенциальной пресуппозиции можно увидеть в заголовке *Квартплата вырастет* [МК 06.11.08, с. 15]. Без знания реальной действительности, в особенности жилищных проблем, сложно правильно эксплицировать смысл фразы. Существительное *квартплата* ('квартирная плата' [МАС, т.2, с. 44]) «одушевляется» глаголом *вырастет* – 'становиться взрослым или взрослее' [МАС, т. 1, с. 170]. Именно на основе этого приема создания языковой игры глагол *вырастет* приобретает метафорическое значение, не отраженное в современных словарях. Контекст теперь можно прочесть следующим образом: *квартплата дорожает*.

Реплика российской актрисы Татьяны Васильевой *Ну еще и этот «криминал» вы от меня хотите получить!* [КП 29.02.12, <http://www.kp.ru/daily/25843/2814296/>] может быть рассмотрена в качестве примера сразу для двух типов экзистенциальной пресуппозиции. Смысл данного высказывания не будет понятен без знания ситуации общения – достаточно откровенного интервью, раскрывающего многие переживания знаменитости – и учета личности – некоторых биографических фактов, связанных с тяжелой операцией актрисы.

Лингвистическая пресуппозиция – «это знания языковой действительности, знания особенностей языка, парадигматических отношений в его системе, знания значений графических и суперсегментных средств, актуальных для порождения, выражения и восприятия имплицитной информации» [Лисоченко, 1992, с. 15]. Отражение этого типа рассматриваемого нами явления можно увидеть в заголовке *Повесть о настоящих человеках* [МК 28. 09. 08, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2008/09/28/20966-povest-o-nastoyaschih-chelovekah.html>]. При его создании использовалась текстовая аллюзия – отсылка к произведению Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Однако приведенный ряд однословных единиц не отражает грамматической структуры исходного названия: для создания негативной оценки описываемых в статье лиц была допущена намеренная грамматическая ошибка при образовании множественного числа слова *человек*.

О наличии в семантической структуре предложения пресуппозиции того или иного типа обычно свидетельствует присутствие в его поверхностной структуре соответствующего языкового средства (слова, синтаксической конструкции, интонационного контура), которое называют маркером пресуппозиции.

Смысловая полнота высказывания состоит из вербализованных и невербализованных частей и восстанавливается за счет элементов дискурса, или условий коммуникативного акта. Отношения между имплицитными и

эксплицитными единицами текста или высказывания «пропущены» через языковое сознание отправителя и получателя речи, осознаны ими, и в результате наблюдается понимание смысла в полном его объеме [см. об этом: Лисоченко, 1992, с. 28]. Л.В. Лисоченко, описывая коммуникативно-восполняемые высказывания (высказывания с имплицитным смыслом), различает в зависимости от вида содержащегося в них имплицитного смысла (имплицитного пресуппозиционного смысла или имплицитного коммуникативного смысла) *дискурсивно-неполные высказывания и высказывания-парафразы* (Лисоченко, 1992).

I. Смысловая полнота *дискурсивно-неполных высказываний* восстанавливается за счет элементов дискурса, т.е. окружения высказывания, и за счет знания элементов его собственной семантической структуры.

Так, на страницах «МК» находим следующий пример: *Нам надо выращивать свои бриллианты: звезд у нас достаточно* [МК 24.10.08, с. 9]. Истинный смысл данной фразы – необходимость помогать талантливым и гениальным людям – может быть выведен только при обращении ко всему тексту статьи и частично благодаря знанию полисеманта *звезда*. При этом наблюдается отождествление человека с *бриллиантом* (‘драгоценный камень – алмаз, ограненный и отшлифованный особым образом’ [МАС, т. 1, с. 115.]) показывающее, что его в последнее время предпочитают рассматривать в качестве вещи.

При наличии в семантической структуре высказывания имплицитного пресуппозиционного смысла в его языковой структуре присутствуют «следы» пресуппозиции, получившие название «семантически емкого компонента», который способствует актуализации имплицитного пресуппозиционного смысла [Панина, 1979, с. 51]. В следующей диктете таким компонентом оказывается лексема *салат*, так как это один из главных атрибутов любого праздника: *не ударим в салат лицом* [МК 31.12.08, с. 17].

II. *Высказываниями-парафразами* называются такие коммуникативно-восполняемые высказывания, которые содержат два «слоя» имплицитного

смысла – пресуппозиционный и коммуникативный смыслы – и как коммуникативные единицы служат средством выражения последнего. Рассмотрим заголовок *Кто дирижирует Кремлем?* [МК 17.12.08, <http://www.mk.ru/culture/cinema/article/2008/12/17/7459-kto-dirizhiruet-kremlem.html>]. Слово *дирижировать* выступает обычно в значении ‘руководить оркестром или хором при исполнении музыкальной пьесы, а также танцами на балу’ [Ожегов, 2008, с. 146]. А в этом контексте актуализируется его следующее значение: ‘разг. Направлять деятельность кого-либо в нужном направлении’ [Кузнецов, 2008, с. 162]. Следствие импликации между эксплицитным и имплицитным пресуппозиционным смыслом привносит в заголовок отрицательную оценку тех, кто находится у власти.

Л.В. Лисоченко отмечает, что имплицитный коммуникативный смысл может быть диктальным (ДИКС), то есть равным сообщению о факте действительности, отображенном в мышлении в виде пропозиции или в виде члена пропозиции, и модальным (МИКС), содержащим сообщение об отношении, включая оценку производителя речи к сообщаемому [Лисоченко, 1992, с. 46].

Ярким примером ДИКС может послужить статья о повышении цен на бензин, получившая заголовок *Горючие слезы* [МК 24.12.08, с. 7], который восходит к фразеологическому обороту *лить горючие слезы* – ‘сильно плакать’ [Кузнецов, 2007, с. 754]. Однако значение лексемы *горючий* (‘способный гореть’ [МАС, т. 1, с. 337]) существует параллельно с семантикой устойчивого выражения. Таким образом, рассмотренный способ обыгрывания фразеологизмов – синтез идиоматического и свободного значений – позволяет переосмыслить прямое значение одного из его компонентов.

В диктете *Свои скромные 800 миллионов долларов он заработал честным умственным трудом: еще в 1989 году Евгений обнаружил первый вирус на своем компьютере, а уже через восемь лет основал «Лабораторию*

Касперского», ставшую ведущей мировой корпорацией в области защиты компьютеров от вирусных атак [КП 28.04.11, <http://www.kp.ru/daily/25677.3/836220/>] значение слова *скромный* ('небольшой, незначительный; умеренный, ограниченный' [Кузнецов, 2008, с. 1203]) никак не сочетается с названной суммой денег. При этом, несмотря на заслуги Касперского в области компьютерного программирования, чувствуется пренебрежительная, недоверительная интонация автора статьи к его заработкам, усиленная оттенком иронии. Это позволяет нам говорить о МИКС, становящимся явным благодаря семантическому согласованию по оценке.

Итак, базирующаяся на асимметрии плана содержания и плана выражения категория имплицитности получила в современной лингвистике разное толкование. Основываясь на широком подходе к этому понятию, мы исследовали факты лексической и синтаксической имплицитности, проявляющейся в условиях языковой игры. Исходя из наших наблюдений, лексический тип информации может заключаться в семеме, ее коннотациях, возникающих при конкретном употреблении слова; он может быть связан с ассоциациями данной лексемы и актуализацией одного из ее значений в контексте; ко всему этому комплексу подключаются и логически выводимые (потенциальные) части значения, которые также проявляются в тексте. Необходимо отметить, что на газетной полосе указанные явления отражаются преимущественно в использовании метафор, олицетворений и реже – фразеологических единиц.

При исследовании синтаксической имплицитности мы обнаружили, что данный тип информации может заключаться в трех основных видах пресуппозиций: логической, экзистенциальной (собственно экзистенциальной, прагматической и коммуникативной) и лингвистической. На газетной полосе встречаются также оба типа коммуникативно-восполняемых высказываний: дискурсивно-неполные и высказывания-парафразы, имплицитные смыслы в которых могут быть диктальными и

модальными, при этом последние в публицистике наблюдаются чаще, так как автор стремится выразить свою точку зрения на описываемую ситуацию.

Имплицитные смыслы уникальны для каждой диктемы, и для их корректной расшифровки приходится учитывать множество факторов, как языковых, так и внелингвальных.

1.6. Аномалии и парадоксы языковой игры

Языковая игра в работах исследователей, в том числе и В.З. Санникова, понимается как «некоторая языковая неправильность или необычность и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая» [Санников, 1999, с. 23]. Это говорит об актуальности обращения к оппозиции норма – аномалия при изучении названного лингвального феномена, в частности, для нашего исследования.

Многие ученые занимались рассмотрением *языковой нормы*, так как для литературного языка этот термин является одним из основных категориальных понятий (см. работы Н.Д. Арутюновой, В.В. Виноградова, Б.Н. Головина, К.С. Горбачевича, Ф.П. Филина, и др.). В нашем исследовании мы будем придерживаться следующего определения названного явления, данного Л.И. Скворцовым: «Норма языковая, норма литературная, – принятые в общественно-языковой практике образованных людей правила произношения, словоупотребления, использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств» [ЭРЯ, с. 270].

Е.С. Кубрякова (Кубрякова, 1991, 2007 и др.) и В.З. Демьянков (Демьянков, 1983а, 1994) исследуют ЯИ с точки зрения намеренного нарушения языковой нормы, подчеркивая и творческий аспект овладения языком. По их мнению, игра противопоставляется языковой ошибке, возникающей как следствие непреднамеренного нарушения нормы. При этом необходимо отметить, что языковая ошибка имеет тенденцию к превращению в языковую игру. Исходя из наших наблюдений, одним из

частотных отклонений является «одушевление» определенных лексем с противоположным признаком. Так, во фразе *Чуть больше недели прошло с тех пор, как мост через Волгу пустился в пляс* [КП 01.06.10, <http://volgograd.kp.ru/daily/24499/652455/>] лексема *мост* ('сооружение для перехода, переезда через реку, овраг, железнодорожный путь, какие-нибудь препятствия' [Ожегов, Шведова, 2003, с. 367]), содержащая в себе постоянный признак неодушевленности одушевляется выражением *пуститься в пляс*, где уже глагол *пуститься* ('начать что-либо делать (обычно с азартом, интенсивно)' [Кузнецов, 2008, с. 1048]) показывает соотнесенность именно с живыми существами.

Такие исследователи как Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев отмечают связь аномалий в лингвистике с тем, что языковые правила, как и любые другие, как бы сами предусматривают возможность их нарушения (причиной этому может быть обычный недосмотр или какие-то специальные цели, преследуемые автором). Поэтому, встретившееся в тексте или дискурсе высказывание, нарушающее сформулированные правила, не всегда ведет к их пересмотру, что определяет различные реакции коммуникантов на анализируемый текст [Булыгина, Шмелев, 1990, с. 96–97].

Ю.Д. Апресян предложил единую шестизначную экспериментальную шкалу для измерения степени языковой неправильности: правильно (+), допустимо (–), сомнительно (?), очень сомнительно (??), неправильно (*), грубо неправильно (**). В верхней части шкалы – (*) и (**) – располагается исследуемая нами языковая игра, являясь некоторой необычностью, хотя и не существенными, но отклонениями от нормы [цит. по: Санников, 1999, с. 34]. В качестве примеров рассмотрим следующие диктемы: *Приостановка эксплуатации лифта-ветерана вопроса также не решит, она лишь создаст дополнительные проблемы* [АиФ 04.04.13, <http://www.vlg.aif.ru/society/details/70507>] и *Россия – это самый «любимый враг» американской политической элиты* [МК 08.08.13, <http://www.mk.ru/politics/world/article/2013/08/08/896673-obama-ne-priedet-nu>]

i-bog-s-nim.html]. Сочетание *лифт-ветеран* представляет собой метафору, характеризующую возраст лифта (*ветеран* ‘старый, заслуженный работник, деятель в какой-либо области, на каком-либо поприще’ [МАС, т. 1, с. 158]), тогда как *любимый враг* содержит в себе противоположные оценочные семы, что приводит к их столкновению и в обычной ситуации окажется грубой ошибкой, но в данном случае таким путем идет формирование оксюморона.

Новый термин и противопоставление норма–антинорма был введен Л.Н. Мурзиным (Мурзин, 1989) для случаев, когда отклонение от нормы является осознанным, отвечающим замыслу автора текста. Исследователь сформулировал критерии разграничения нормы и антинормы: статический (чем чаще употребляется, тем нормативнее); деривационный (все производные формы языка тяготеют к ненормативности, все производящие – к нормативности); логический (нормативны те формы, которым соответствуют логические структуры – так, прямой порядок слов нормативнее, чем обратный); психологический (чем нейтральнее языковая форма, тем она нормативнее, так как привычнее отмеченной; последние попадают в фокус внимания) (см. об этом: Мурзин, 1989).

Антинорма в любом тексте связана с индивидуальностью автора, что позволяет создать неповторимые тексты, пусть даже повествующие об одних событиях: «Воспроизводство нормы делает текст стандартным, а производство антинормы сообщает ему индивидуальную неповторимость» [Валгина, 2003, с. 49].

Наиболее глубокое и разностороннее исследование аномалий было проведено Т.Б. Радбилем в докторской диссертации «Языковые аномалии в художественном тексте» (Радбиль, 2006). Названное выше понятие ученый трактует как родовой термин «для любого нарушения или отклонения на уровне любого из трех членов постулируемого триединства художественного текста: художественный мир – язык – текст» [Радбиль, 2006, с. 16; см. об этом также: Апресян, 1990; Арутюнова, 1999; Кобозева, 1990; Кобозева, Лауфер, 1990; Левин, 1998]. Т.Б. Радбиль разграничивает аномалии языка

(лексико-семантические, стилистические, фразеологические, словообразовательные, грамматические) и аномалии текста (аномалии наррации). При этом он отмечает, что если распространить применимость термина «язык» на особенности речевой реализации системы и коммуникативно-прагматические условия осуществления речевой деятельности, то можно в понятие «языковая аномалия» включить и разного рода нарушения в сфере речевого поведения (см. об этом: Радбиль, 2006). Н.Д. Арутюнова пишет, что все это традиционно относят к сфере действия прагматики: «...прагматическая неприемлемость апеллирует к социально принятым правилам речевого поведения» [Арутюнова, 1990, с. 6].

Исходя из этого, Т.Б. Радбиль выделяет так называемые прагматические аномалии. «Если при порождении высказывания, содержащего системно-языковую аномалию, говорящим нарушено какое-либо языковое правило, то при порождении высказывания, аномального прагматически, нарушаются правила и закономерности иной, экстралингвистической природы» [Радбиль, 2006, с. 57]. Как правило, прагматические аномалии не очевидны, так как затрагивают некие глубинные, скрытые механизмы речевой коммуникации, вторгаясь в сферу интенциональности говорящего. Это приводит к проблеме разграничения указанного выше феномена и системно-языковых аномалий.

Рассмотренная теория применима и к публицистическому тексту. Так, наряду с привычной языковой аномалией, которая отражается в приемах контаминации, парцелляции, интертексте, метафорах, обыгрывании фразеологических единиц и др., есть и прагмасемантическая аномалия, проявляющаяся часто в скрытых категориях. Ср.: *Например, даже авторы вроде бы солидных изданий без всяких умственных заминок и угрызений совести называют «население» востока и Крыма недалёким, зомбированным, серым, диким, понимающим лишь плётку...* [ЛГ 05.03.14, <http://www.lgz.ru/article/-9-6452-05-03-2014/maloukraina/>] (в данном примере

только экстралингвальные знания позволяют рассматривать выделенную фразу со стороны присутствия определенной референции).

При этом именно прагмасемантические аномалии в большей степени воздействуют на читателя, заставляя проследить и разгадать все параллели текста и реальности, сопоставить лингвальные и экстралингвальные знания.

В работе И.М. Кобозевой предлагается следующий способ разграничения семантической и прагматической аномальности: «Семантическая аномальность возникает из противоречия между любыми конвенциональными компонентами смысла. Она является характеристикой собственно языкового значения предложения и для своего обнаружения не требует обращения к контексту. Прагмасемантическая аномальность основана на противоречии между конвенциональным и неконвенциональным компонентом смысла и требует для своего обнаружения обращения к контексту, лингвистическому или экстралингвистическому» [Кобозева, 1990, с. 195]. Ср.: *Оуэн рассказывает далее, как ведущий «котик» первым выстрелил в бен Ладена еще до того, как «тюлени» вошли в его спальню (о захватнической операции военного отряда «морских котиков») [МК 04.09.12, <http://www.mk.ru/politics/article/2012/09/04/744238-on-sidel-na-trupe-ben-ladena.html>]; *Деревья сажают, чтобы дать им умереть (о проблемах в программе озеленения города) [АиФ 13.03.13, <http://www.vlg.aif.ru/society/details/70434>].**

Т.Б. Радбиль пишет, что существует две разновидности прагматических аномалий. «Первая из них находится в промежуточной зоне между системноязыковой и прагматической семантикой и связана с нарушениями в сфере актуализации разного рода невербализованных смыслов, а также референциальными и дейктическими девиациями. Такие аномалии можно именовать, вслед за И.М. Кобозевой, прагмасемантическими» [Радбиль, 2006, с. 61]. Вторая разновидность прагматических аномалий связана с нарушениями в сфере речевого поведения в области принципов организации коммуникативного акта и речевых стратегий говорящего. В отличие от

прагмасемантических аномалий, здесь сталкиваются неконвенциональные компоненты, аномальность которых обнаруживается при обращении к экстралингвистической сфере, к общему фонду знаний о мире говорящего и слушающего, к логике и психологии речевого общения и т. д. [Радбиль, 2006]. Ср.: *Но с таким подходом к озеленению мы будем в зеленых зонах выращивать дрова* [АиФ 13.03.13, <http://www.vlg.aif.ru/society/details/70434>].

«Прагматические аномалии, семантически емкие и максимально нагружающие контекст, обладают значительным потенциалом языковой экспрессивности и в этой роли широко используются в эстетическом режиме применения языка как на уровне обыденной коммуникации («языковая игра», шутки, анекдоты и пр.), так и на уровне художественной речи. Источником подобной выразительности выступает нетривиальная реализация общепринятых принципов коммуникации, при которой говорящий как бы самоустраняется от ответственности за презумпции в своей речи, и «бремя ответственности» за расшифровку невербализованных смыслов перекладывается на адресата» [Радбиль, 2006, с. 77].

Актуальность употребления рассматриваемой аномалии авторами статей периодики определяется тяготением публицистического стиля к экспрессивности и сближением с разговорной речью. Для иллюстрации приведем следующие примеры: *Экс-министр обороны РФ объяснил, зачем на строительство базы отдыха его зятя выделял деньги, солдат и военную технику. Потому что «служебная необходимость»* [КП 14.03.13, <http://www.kp.ru/daily/26045.3/2958762/>]; *Еще осенью особенно «продвинутые» воспитатели и ученики настойчиво советовали родителям отказаться от вакцинации: мол, вредны эти прививки* [АиФ 20.03.13, <http://www.vlg.aif.ru/health/med/70457>]. В первом случае сближение с разговорной речью наблюдается на основе употребления разговорной синтаксической конструкции с отсутствием согласования элементов. Второй пример содержит в своем составе лексемы, характерные для «сниженного» разговорной стиля (*продвинутый, мол*).

Исследование логически аномальных высказываний с точки зрения разных научных направлений привело к формированию определений парадокса, отражающих разносторонние характеристики данного феномена. В философии проблемами парадокса занимались Ж.К. Байиф, А.Е. Зимбули, А.А. Ивин, в лингвистике – Н.Ф. Алефиренко, К.И. Декатова, Е.А. Яшина и др. К вопросам семантического парадокса обращались Е.Д. Смирнова, А.Тарский.

Парадокс (от др.-греч. неожиданный, странный) – мнение, суждение, резко расходящееся с общепринятым, противоречащее (в действительности или на первый взгляд) здравому смыслу. [Крысин, 1998, с. 564]. В настоящее время данный феномен распространен практически в каждой научной сфере. Так, принято выделять логические, философские, математические, вероятностные, геометрические, физические, химические, экономические, юридические, психофизиологические и другие парадоксы. Приведем некоторые разновидности рассматриваемого феномена.

I. С точки зрения философии, парадокс – ‘противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений’ [Крысин, 1998, с. 564]. В этом смысле эпитет *парадоксальный* служит для обозначения нестандартного, отклоняющегося от наиболее распространённой традиции, и противопоставляется эпитету *ортодоксальный*, т. е. общепринятый. Часто наблюдается ситуация, когда явление или высказывание, противоречащее «здравому смыслу», характеризуется как парадокс, свидетельствующий в некотором смысле о «противоречивости» соответствующего явления (или высказывания). Таков, например, отмеченный впервые Д. Дидро «актёрский парадокс»: актёр может вызывать у зрителей полную иллюзию изображаемых им чувств, сам при этом ничего не переживая. Рассматриваемая тенденция в трактовке данного феномена проявляется в эффекте остроумных и неожиданных концовок анекдотов и, в более широком смысле, может лежать в основе комического как эстетической категории.

II. Логический парадокс – это рассуждение либо высказывание, в котором, пользуясь средствами, не выходящими (по видимости) за рамки логики, и посылками, которые кажутся заведомо приемлемыми, приходят к заведомо неприемлемому результату. Ввиду того, что парадоксы обнажают скрытые концептуальные противоречия и переводят их в прямые и открытые, они, согласно законам творческого мышления, помогают при развитии новых идей и концепций.

III. В лингвистике парадоксы подразделяют на семантические, когнитивно-семиологические и др.

1. Семантический парадокс. Английский логик Рамсей предложил отличать логические парадоксы от парадоксов семантических, основанных не только на логике, но и на конкретной интерпретации понятий. К ним относятся, например, парадокс Ришара - Берри (в одной из формулировок которого речь идёт о фразе «наименьшее натуральное число, которое нельзя назвать посредством меньше чем тридцати трёх слогов»), наиболее древний из известных парадоксов так называемый «лжец», или «лгущий критянин», порождаемый фразой «все критяне – лжецы», приписываемой критскому философу Эпимениду. Многие (причем самые принципиальные) парадоксы находятся на стыке данных двух групп.

Парадоксы заставляют задуматься о принципах нашей ментальной деятельности, так как логика неразрывно связана с теорией познания. Более того, познание совершается не просто посредством понятий. Мы обобщаем предметы мысли в понятия, но познание — и прежде всего теоретическое — совершается посредством «конструирования понятий», т. е. как по проекту мы строим дом, так конструируются и соответствующие понятию объекты. Е.Д. Смирнова полагает, «что в этом глубинный источник парадоксов и антиномий. Они свидетельствуют о несогласованностях в мире ментальных сущностей» [Смирнова, 2003, с. 469].

Фундаментальными понятиями логической семантики являются понятия референции и истины, и оба они оказываются тесно связанными в

парадоксах, возникающих в референциально непрозрачных текстах. Данный феномен связан не с неоправданным употреблением понятий той или иной теории, а с принципами использования понятий вообще, с употреблением основных логических понятий, таких как суждение, смысл, истина и др. Ср.: *Скамейки все оказались возмутительно сидячими* [КП 15.10.08, <http://www.kp.ru/daily/24181/389999>], где наблюдается рассогласование компонентов значения лексем. Исходя из своего значения ('приспособление для сидения нескольких человек в виде доски или тонких досок на стойках' [Ожегов, 2008, с. 578]), скамейка не может быть стоячей или лежачей. Наконец, сочетание лексической единицы *сидячий* в значении 'предназначенный для сидения' [Кузнецов, 2008, с. 1184] с наречием оценки *возмутительно* (от возмутительный 'вызывающий негодование, недовольство, гнев' [Кузнецов, 2008, с. 144]) дает нам возможность судить о том, что данный пример основан на игре семантического согласования по оценке. Рассматриваемый феномен выявляет «несостыковку» определенных аспектов познавательной действительности, несогласованность видимого концептуального каркаса, логики и принимаемых способов абстракции и идеализации, способов конструирования идеальных объектов. Он заставляет пересматривать критерии осмысленности наших предложений, понимание того, что такое смысл предложения.

До сих пор, в соответствии с нашей интуицией, предполагалось, что если мы понимаем предложение, то мы понимаем мысль, которую оно выражает, и тем самым предложение может оцениваться как истинное или ложное. В связи с парадоксом Лжеца возникает вопрос, всякое ли осмысленное предложение (речь идет о повествовательных предложениях) может оцениваться как истинное или ложное. Этот факт и побуждает Е.Д. Смирнову констатировать, «что любая парадоксальная логема являет собой достаточно сложный информативный конструкт» [Смирнова, 2003, с. 472].

2. Когнитивно-семиологический парадокс. Указанное явление заключается в том, что только в интерпретации человеческого сознания

реальные объекты и явления, обладающие различными и часто противоположными признаками, оказываются парадоксальными. То есть парадокс порождается человеком в мыслительной деятельности. Исходя из вышесказанного, исследователь К.И. Декатова предлагает следующее определение рассматриваемому феномену: это «речемыслительное явление нестандартного, ненормативного, не согласующегося с существующим опытом ассоциативного объединения, наложения концептуальных структур» [Декатова, 2009, с. 134].

Весь опыт взаимодействия человека с окружающим миром хранится в памяти в виде совокупности различных признаков, которыми обладает тот или иной объект действительности. Наиболее актуальными среди них являются признаки по форме (простые и сложные) и по содержанию (качественный признак, место, действие, темпоральность, количество). В связи с этим К.И. Декатова предлагает выделить следующие разновидности когнитивно-семиологических парадоксов (КПС) [Декатова, 2009, с. 148]:

- КПС, формирующийся в результате нестандартной ментальной репрезентации качественного признака объекта косвенно-производной номинации;

- КПС, формирующийся в результате действия (абстрагированного действия как субстанции);

- КПС, формирующийся в результате нестандартной ментальной репрезентации места нахождения или объекта косвенно-производной номинации;

- КПС, формирующийся в результате нестандартной ментальной репрезентации времени действия объекта или проявления признака объекта косвенно-производной номинации;

- каждый признак может проявляться в определенной степени, что влияет на количественные характеристики объектов. В русской фраземике немало единиц, когнитивное основание которых характеризуется

парадоксальностью вследствие синибулярного опознания количественных признаков.

В публицистике наблюдаются семантические парадоксы скрытой категории эталонности, разновидности которых в некоторых случаях перекликаются с вышеназванными КПС (см. об этом гл. 2).

3. Стилистически обусловленный парадокс и его разновидности. Под указанным феноменом мы понимаем мнение, суждение, расходящееся с общепринятым и противоречащее здравому смыслу, возникающее в определенных контекстуально-стилистических условиях в результате столкновения понятийного объема языковой единицы (лексемы, синтаксемы и др.) с экстралингвальной пресуппозицией.

В настоящее время широко распространено понятие *художественного парадокса*. Данный феномен в том или ином виде встречается в самых разных текстах – в фольклоре (потешках, частушках, сказках), в детских играх и «заумных» считалках, в художественной литературе, в публицистике и характеризуется, по мнению Г.И. Берестнева, познавательной стратегией. Так, уже в дзенских коанах, которые представляют собой сформированные средствами языка задачи или вопросы, невозможные с точки зрения логического мышления, парадоксальность направлена на освобождение человеческого сознания от ограниченных языковых стереотипов. Другим ярким примером, связанным с познавательной функцией парадокса, является театр абсурда и собственно пьесы Эжена Ионеско, утверждавшего в своих эссе мысль о том, что «слова не нужны, они только вносят путаницу», что они искажают мысль, что язык, на котором говорят люди, неэффективен (см. об этом: Берестнев, 2009).

В творчестве русского постмодерниста Д.А. Пригова «парадокс выступает средством разрушения всякой логики, а таким образом и средством снятия в сознании читателей базовых семантических противопоставлений. Благодаря парадоксу сознание читателя имеет шанс

“возвыситься” над привычной познавательной и культурной реальностью и стать свободным» [Берестнев, 2009, с. 338].

По мнению В.А. Суховерхова, «парадоксы возникают именно тогда, когда мы применяем требования правила к их носителю или к самому правилу» [Суховерхов, 2009, с. 359]. Это же можно отнести к языку. По мнению А. Тарского, парадоксальные ситуации в языке связаны с его «семантической замкнутостью», так как язык для описания себя использует себя же самого, а формальные различия между описываемым и описывающим языками отсутствуют. Данный факт объясняет наличие в логике, семиотике и языкознании терминов «метаязык» и «объектный язык».

В.А. Суховерхов приводит следующий пример семантического парадокса:

- *Ты говоришь мне неправду, – возмущенно говорит один.*
- *Да, ты прав, — смиренно соглашается другой,*
- *Но и тут ты говоришь мне неправду, — возмущается первый,*
- *Да, и тут ты прав, — не растерялся второй.*
- *Но когда я был все-таки прав: когда „соврал” или когда согласился с ложью?*

«На данном примере видно, что метаязык, описывающий предметный язык, сам после описания превращается из метаязыка в предметный язык или язык-объект. Многие парадоксы как раз и возникают тогда, когда описывающее подпадает под свое же описание, становясь для самого себя и метаязыком (описывающим языком) и предметным языком (описываемым). Соответственно, чтобы не возникла дурная бесконечность в рассуждениях, мы должны избегать смешения объектного и метаобъектного уровня» [Суховерхов, 2009, с. 360].

Этого парадокса возможно избежать путем запрета включения некоего множества, образованного тем или иным правилом или суждением, в качестве собственного подмножества. Но при этом оно само будет выпадать из-под описания и для его регламентирования потребуются другой метаязык

или другое «метуправило», что в некоторых случаях приводит к дурной бесконечности [см. об этом: Суховерхов, 2009, с. 361].

Неоднозначность трактовок термина «парадокс» в лингвистике очевидна. В связи с этим Е.А. Яшина обозначила ряд признаков, наиболее ярко отражающих особенности создания и бытования парадокса в художественном тексте. К основным характеристикам художественного парадокса относятся: 1) противоречивость; 2) наличие эксплицитно выраженных или имплицитно подразумеваемых, противопоставляемых друг другу точек зрения; 3) неожиданный подход к трактовке привычного явления, рассчитанный на создание эффекта обманутого ожидания [Яшина, 2009, с. 366]. При этом исследователь выделяет следующие виды рассматриваемого феномена: парадоксы, основанные на антонимии, полисемии, энантиосемии и сопоставлении (Там же).

На наш взгляд, следует выделить еще одну разновидность стилистически обусловленных парадоксов – *публицистический парадокс*.

В чем сходство и в чем различие художественного и публицистического парадоксов? Художественный парадокс искусственный, выдуманный; публицистический парадокс больше соотносится с реальностью, с внелингвальной действительностью. Если для первого характерно столкновение реальности с вымыслом, то для второго актуально столкновение реальности с реальностью и/или возможностью.

Яркими чертами газетных статей, как и художественного текста, являются наличие имплицитных и эксплицитных значений, неожиданность трактовки различных явлений, непредсказуемый подход к трактовке привычного явления, рассчитанный на создание эффекта обманутого ожидания. Еще одним важным признаком парадоксальности художественного и публицистического текстов является возможное присутствие противоречия. Однако в художественном тексте эти противоречия часто связаны с отражением интенций автора, его восприятием жизни; в газетных статьях противоречия часто обусловлены не только интенциональностью адресанта,

но и самой жизнью, в которой поиски истинности в оценке ситуации рождают различные варианты трактовки одного и того же события. При этом могут сталкиваться как разные трактовки разных журналистов, так и противопоставление «официально пропагандируемой» точки зрения и истинного положения вещей. Чаще всего автор статьи создает парадокс, сталкивая «свою» действительность с действительностью читателей или объектов описания, выходя за рамки лингвистики. Таким образом, парадоксы, которые встречаются в публицистических текстах, сочетают в себе лингвальную и внелингвальную информацию.

Несмотря на присутствие двух видов информации, парадоксы, возникающие в условиях языковой игры базируются именно на семантике языковых единиц и категорий путем столкновения имплицитной информации с эксплицитной. Именно поэтому мы будем называть исследуемые нами парадоксы прежде всего *семантическими*. А если учитывать влияние того или иного стиля, то названный нами термин можно расширить, назвав эту группу парадоксов (художественный, публицистический и др.) **семантико-стилевыми**.

Употребление скрытых категорий в условиях языковой игры нередко приводит к семантическим парадоксам, возникающим в неоднозначных по прочтению контекстах, названных, как мы отмечали выше, «референциально непрозрачными» (Куайн, 1982). Л.А. Демина относит к ним контексты цитирования или автономное употребление собственных имен и дескрипций, модальные контексты, контексты с пропозициональными установками [Демина, 2003, с. 239]. Исследователь отмечает, что «парадоксы играют роль того окошка в доменной печи, которое позволяет взглянуть в скрытую от обычного взгляда лабораторию познавательной действительности, увидеть приемы и принципы, обычно остающиеся вне поля зрения и, казалось бы, столь очевидные, что мы их принимаем без обоснования» (Там же). Импульс интенсивности, присущей парадоксу, позволяет ему сформировать в себе три существенные для него функции: модальную, аксиологическую, эмотивную.

Две последние из них являются собой ту константу парадокса, которая фиксируется в его лексикографическом толковании и программирует реализацию таких его потенциальных сем, как неожиданность, необычность, странность (синтагмы, предложения, текстемы), отрицание общепринятых и общеизвестных реалий. Самой важной функцией семантического парадокса в публицистике является эмотивная, так как главная особенность газетной речи – воздействие на адресата, с целью формирования у него нужного восприятия действительности.

Итак, парадокс получил неодинаковое трактование в различных областях научных знаний. Выделяют парадокс в философии, логический парадокс, лингвистический (семантический, когнитивно-семиологический, художественный), математический, физический и др. Причинами возникновения семантических парадоксов являются как внутренние противоречия языка, вынужденного в процессе самоописания быть и метаязыком и объектным языком одновременно, так и объективные противоречия действительности. Логически мы не можем их решить, но практически мы добиваемся этого, отступая от правил логики или находя «обходные маршруты», что может быть отражено в явлении языковой игры.

В ходе нашего исследования мы предложили внести в типологию лингвистических парадоксов еще одну группу — стилистически обусловленных. В ее состав входят художественный и публицистический (выделен нами) парадоксы. Эти два вида парадоксов обладают сходными чертами: противоречивость, наличие эксплицитно выраженных или имплицитно подразумеваемых, противопоставляемых друг другу точек зрения, неожиданный подход к трактовке привычного явления, рассчитанный на создание эффекта обманутого ожидания. Однако для публицистического парадокса актуально столкновение реальности с реальностью и/или возможностью, тогда как для художественного парадокса основополагающим оказывается столкновение реальности с вымыслом. Противоречия в публицистике часто обусловлены самой жизнью, а не только

восприятием автора, поэтому для этого семантико-стилевого феномена характерно сочетание двух типов информации: лингвальной и внелингвальной.

Выводы

Публицистический стиль обладает высокой степенью трансформативности, которая наблюдается как в структурных аспектах данного языкового направления (жанровая структура, тип автора, тип речи, модальность), так и в функциональных (воздействующая, информативная и оценочная функции). Причем оценочность публицистического стиля проявляется, прежде всего, через авторскую концепцию, где персоналия журналиста подается под маской «частный человек» (проводящий индивидуальный анализ событий и имеющий субъективно-объективное отношение к действительности).

Публицистический стиль – многогранная система, включающая в себя элементы других стилей и «позволяющая» преобразовывать их, часто нарушая законы не только языка, но и логики. Все это подчинено названным выше функциям журналистики. Для этого язык СМИ использует все возможные средства привлечения внимания, ведущим из которых является языковая игра. В нашем исследовании под этим термином понимается «лингвокреативный феномен дискурса, имеющий ассоциативную природу и подразумевающий нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/речевой, в том числе – стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [Шацкая, 2010, с. 8].

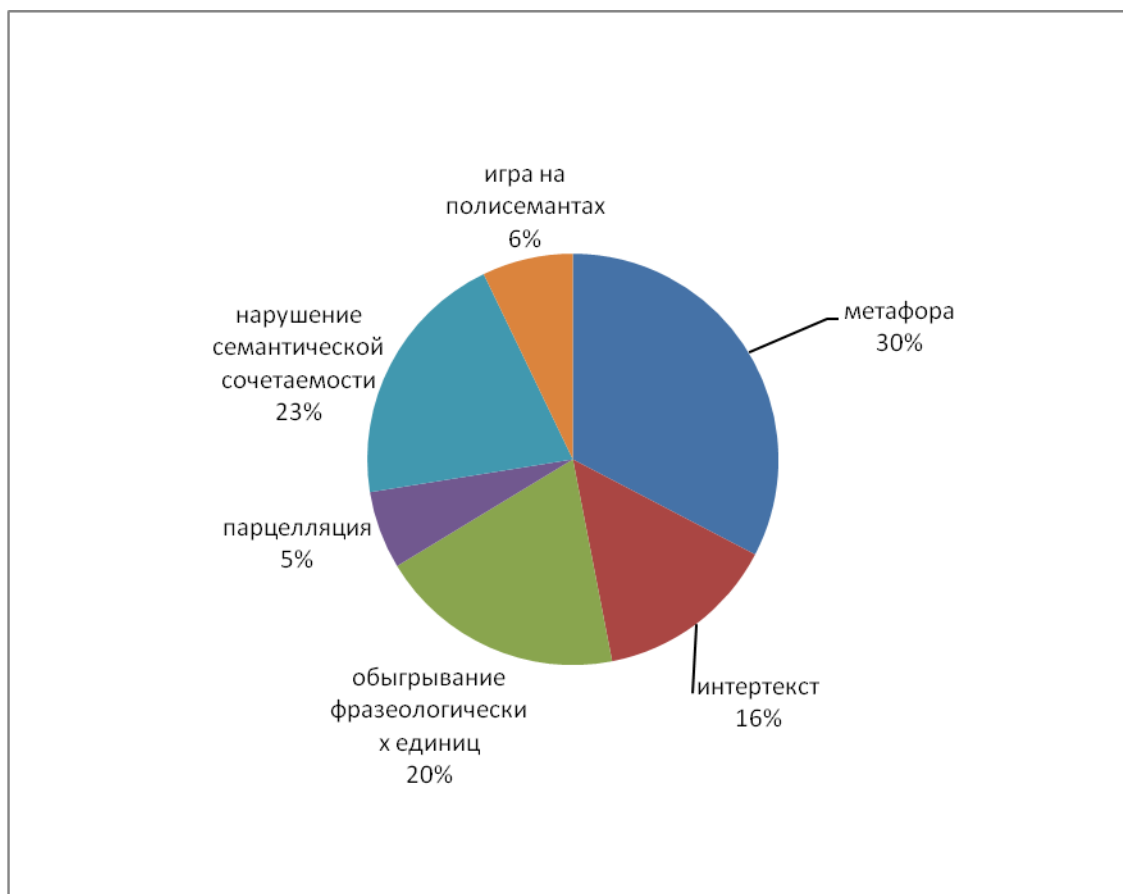
Аномалии, являющиеся неотъемлемой составляющей ЯИ, требуют нетривиальных логических ходов для декодирования содержащейся в тексте информации, в основе которой часто лежит парадокс.

Помимо известных типов парадоксов (логический, философский, семантический, когнитивно-семиологический), нами была определена как особая группа стилистически обусловленных парадоксов, подразумевающих мнение, суждение, расходящееся с общепринятым и противоречащее здравому смыслу, возникающее в определенных контекстуально-

стилистических условиях в результате столкновения понятийного объема языковой единицы (лексемы, синтаксемы и др.) с экстралингвальной пресуппозицией. Частными представителями этой группы парадоксов являются художественный (исследуемый В.А. Суховерховым, Г.И. Берестневым и Е.А. Яшиной) и публицистический (описанный нами).

Основанием для выделения публицистического парадокса стало выявление следующих признаков, которые с одной стороны, сближают его с художественным парадоксом (противоречивость, наличие эксплицитно выраженных или имплицитно подразумеваемых, противопоставляемых друг другу точек зрения, неожиданный подход к трактовке привычного явления, рассчитанный на создание эффекта обманутого ожидания), с другой – разнят (столкновение реальности как объективно подаваемого фрагмента действительности с реальностью «глазами журналиста/других людей» и/или возможностью, тогда как для художественного парадокса основополагающим оказывается столкновение реальности с вымыслом; противоречия в публицистике часто обусловлены самой жизнью, а не только восприятием автора, поэтому для этого семантико-стилевого феномена характерно сочетание двух типов информации: лингвальной и внелингвальной).

Несомненно, любой публицистический текст содержит два плана – эксплицитный и имплицитный. Для эксплицированной языковой составляющей характерно насыщение различными средствами (употребление тропов и фигур, преобразование фразеологических оборотов, игра на полисемантах, синтаксические трансформации и др.), шкала частотности некоторых из них может быть представлена следующим образом:

В ведении имплицитной стороны публицистического текста, представляющей интерес для нашего исследования, находится:

1) вся информация, заложенная в семеме лексической единицы, и пути ее актуализации;

2) пресуппозициональные смыслы (логические, экзистенциальные и лингвистические), влияющие на раскодировку всего высказывания/контекста в целом;

Кроме того, в блок подразумеваемой информации входят скрытые категории; описанием всех происходящих в них трансформаций, порождающих парадоксы, мы займемся во II главе нашей диссертации.

Глава II. Скрытые категории как один из центров средоточия парадоксов в языковой игре

2.1. Криптотипная семантика в трудах зарубежных и отечественных лингвистов

Граматику практически всех языков условно можно разделить на эксплицитную (например, категория рода в русском языке имеет разные материальные маркеры – окончания, суффиксы, супплетивизм и др. – и категория определенности/неопределенности в английском передается посредством соответствующих артиклей) и имплицитную (например, у категории определенности/неопределенности в русском языке и категории рода в английском нет формально выраженных показателей). К области имплицитной грамматики относят скрытые категории (криптотипы), противопоставленные явным, или открытым, категориям (фенотипам). Криптотип «выражается специальной морфемой или особой моделью предложения только в некоторых случаях и отнюдь не во всех предложениях, в которых представлен член этой категории» [Уорф, 1972, с. 47]. В ЛЭС можно прочитать следующее определение скрытой категории – это «семантические и синтаксические признаки слов или словосочетаний, не находящие явного (эксплицитного) морфологического выражения, но существенные для построения и понимания высказывания, в частности, потому, что они оказывают влияние на сочетаемость данного слова с другими словами в предложении» [ЛЭС, С. 457 – 458].

Если говорить о самом широком понимании скрытых категорий, стоит упомянуть работу С.Г. Проскурина. В ней выделяются криптофонемы – определенные сгустки схождения звучаний дейктических терминов, формирующих (аналогично клеточной мембране, участвующей в креации новых клеток) дейктическое пространство [Орехова, 2014, с. 145] (см. также: [Proskurin, 2007, p.76]). В нашем исследовании такое понимание скрытых категорий исключается.

Скрытые категории («категории подразумеваемого содержания»), по мнению Э. Кошмидера, образуют «внутренний каркас языка», его стройную логическую систему, потому что язык «по своей внешней структуре не логичен, в нем много непоследовательностей» [Кошмидер, цит. по: Кацнельсон, 2004, с. 82]. На наш взгляд, языковая игра как носитель антинормы может нарушить в отдельных проявлениях и эту систему.

Имплицитную семантику как семантику «потаенных смыслов» в отечественном языкознании раскрыл И.А. Бодуэн де Куртене (Б. де Куртене, 1963), далее эта идея получила развитие в трудах А.А. Шахматова (Шахматов, 1941), Л.В. Щербы (Щерба, 1957), А.М. Пешковского (Пешковский, 1956).

Т.В. Булыгина, исследуя имплицитный потенциал языка, отмечает одну из важных черт грамматики: понятие «семантической согласованности элементов существенно и для грамматических значений (фенотипов и крипто типов), по-видимому, даже в большей степени, чем для лексических (здесь она носит в большей степени внутриязыковой характер)» [Булыгина, 1980, с. 344]. Этот признак лингвист иллюстрирует на примере, приведенном Ю.Д. Апресяном, *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите*, в котором все компоненты многозначны как в плане лексической, так и в плане грамматической семантики. «Так, *кондитер* принадлежит к «предметным лексемам с денотативно-сигнификативным типом значения», которые могут реализовывать в одних случаях свое концептуальное содержание, а в других случаях выступать в чисто идентифицирующей функции, т. е. "употребляться и как имя понятия, и как имя собственное"» [Булыгина, 1980, с. 344]. Неоднозначна глагольная словоформа настоящего времени: она выражает в данном случае панхроническое (вневременное, гномическое) «настоящее», фигурирующее в общих («генерических») суждениях. Отрицание составляет с глаголом слитный предикат с характеризующим значением, как свойство (понятие). Специфика прилагательного *хороший* такова, что оно всегда (за исключением особых случаев) ассоциируется с сигнификатом, а не с

денотатом имени; определение *хороший* (кондитер, аспирант, оппонент, писатель и т. д.) относится к ассертивному, а не презумптивному компоненту в значении существительного. «Речь идет, следовательно, о взаимодействии разных компонентов предложения, оказывающем влияние на каждый выбор из нескольких возможных толкований тех дополнительных (т. е. грамматических в широком смысле) характеристик, которые возникают в предложении» [Булыгина, 1980, с. 348].

Сравнивая «открытую» и «скрытую» грамматики, Ю.С. Маслов считает, что речь идет, прежде всего, о различии чисто грамматических явлений и явлений «смешанных», лексико-грамматических [Маслов, 1962, с. 9]. При этом в скрытой грамматике противопоставление носит всегда «смешанный, двойственный, лексико-грамматический характер. Грамматическое различие при этом всегда совмещено с лексическим, оно «скрыто», «запрятано» в лексическом значении, как бы подчинено ему» (Там же).

Среди функций скрытых категорий исследователи выделяют следующие: 1) содержательная функция грамматической классификации, 2) функция синтаксической валентности, 3) функция скрытой деривации лексического значения (Кацнельсон, 2004), 4) различительная функция (Маслов, 1962).

В качестве базового условия для отнесения той или иной семантической категории к криптотипам Т.В. Булыгина предлагает считать грамматический характер ее косвенного отражения [Булыгина, 1980, с. 338]. Обращает внимание на себя и такое замечание Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева: «Общность семантической характеристики определенного класса не может сама по себе быть основанием для выделения соответствующей грамматической категории» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 28]. По мнению лингвистов, в основе семантической классификации должны быть лингвально интересные признаки, соотносимые с семантическими компонентами, обладающими грамматической релевантностью. Эти

признаки непременно находят то или иное языковое отражение, хотя не являются обязательно формально однородными и непосредственно выраженными.

Т.И. Стексова предлагает использовать определенные способы обнаружения имплицитно содержащейся информации в высказывании: «Если скрытые категории «угадываются из контекста», то только потому, что в контексте содержатся достаточно четкие и недвусмысленные указания на этот счет. Не лексические значения и синтаксические связи сами по себе, а грамматически оформленные и сочетающиеся знаки являются выразителями скрытых категорий» [Стексова, 1998, с.13]. Ученый, проводя исследование скрытой категории 'невольность осуществления' (субкатегории 'контролируемость/неконтролируемость'), в качестве пути ее выявления видит необходимость отслеживания взаимодействия названного выше криптотипа с явными семантическими и грамматическими категориями, определяя сочетаемостные возможности и ограничения. Данная тактика будет использована и в нашей диссертационной работе как единственно верная для выявления любого вида криптотипов.

Скрытые категории подразделяются на классифицирующие, если их значение является постоянным для данной единицы, и модифицирующие, если их значение является переменным для данной единицы [см. об этом: ЛЭС, с. 458]. «Значение классифицирующей скрытой категории обычно является словарным признаком лексемы, а модифицирующие скрытые категории характеризуют высказывание в целом и часто являются продуктом взаимодействия его компонентов» (Там же). Т.В. Булыгина считает, что «выделение флективных криптотипов связано с проблемой разграничения между неоднозначностью (омонимией, полисемией) и семантической неопределенностью, между различными значениями и вариантами единого значения формы, обладающей различными денотативными возможностями. Решение этого вопроса далеко не всегда очевидно» [Булыгина, 1980, с. 333]. И языковая игра, являющаяся центром нашего исследования, можно сказать,

«поле» семантических противоречий и неясностей, связанных с неразличением многозначности/омонимии, присутствием ненормативности употребления того или иного языкового знака.

В целом классификацию скрытых категорий, которые получили большее или меньшее описание в отечественной лингвистике в работах Т.В. Булыгиной, Е.В. Падучевой, Т.И. Стексовой, А.Д. Шмелева и др., можно представить следующим образом (табл. № 1).

Таблица №1.

Типология скрытых категорий

Классифицирующие криптотипы		Модифицирующие (флексивные) криптотипы	
<i>именных групп</i>	<i>предикатные</i>	<i>именных групп</i>	<i>предикатные</i>
личность/неличность; наличие/отсутствие волевого начала (для предметных существительных)	контролируемость/ неконтролируемость (для ряда предикатов эта категория модифицирующая); статичность/динамичность	типы референции существительных – определенность/ неопределенность; конкретность/ неконкретность; прямая/косвенная агентивность; адресат/обобщенно-личность; наличие/отсутствие волевого начала (для личных существительных); эталонность	актуальность/ неактуальность (применительно к сказуемым «курит», «ест», «играет» и т.п.)

Весь комплекс скрытых категорий, приведенный выше, по-разному проявляется в публицистическом тексте при формировании языковой игры.

Как показывают наши предварительные наблюдения, наиболее частотные в заданных условиях трансформации таких криптотипов, как (среди именных групп) 'личность/неличность', 'наличие/отсутствие волевого начала', 'определенность/неопределенность', 'конкретность/неконкретность', 'прямая/косвенная агентивность', 'эталонность', (среди предикатных) 'контролируемость/неконтролируемость', 'актуальность/неактуальность'. Анализ названных криптотипов будет далее в центре нашего внимания.

2.2. Предикатные криптотипы

2.2.1. Функционирование криптотипа

'контролируемость/неконтролируемость'

В данном параграфе мы предлагаем рассмотреть классифицирующую категорию предиката *контролируемость/неконтролируемость*, исследованием которой занимались такие ученые, как Булыгина Т.В. (Булыгина, 1980), Зализняк А.А. (Зализняк, 2006), Стексова Т.И. (Стексова, 1998), Шатуновский И.Б. (Шатуновский, 1996) и др.

Анна А. Зализняк так сформулировала определение контроля: «Про человека X можно сказать, что он *контролирует* ситуацию P (или что ситуация P является *контролируемой* для X-а), если X является в P субъектом намеренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием» [Зализняк, 2006, с. 510]. Лингвист приводит типологию *неконтролируемых ситуаций*: «1) X вообще не является участником P; 2) X является участником P, но не контролирует P, так как ситуация в принципе неконтролируемая; или ситуация, в которой объект намерения не совпадает с результатом; или результат намеренного действия X-а не рассматривается как однозначно определяемый этим намеренным действием» [Зализняк, 2006, с. 520].

И.Б. Шатуновский связывает исследуемую классифицирующую категорию с понятием воли: «Контролируемые P – это такие P, которые зависят от воли, от выбора ума субъекта (C). От воли C, от выбора его ума зависит в

этом случае, быть Р или не быть (Р или не Р)» [Шатуновский, 1996, с. 191]). Из этого лингвист делает следующий вывод: «Соответственно предикаты и предикатные выражения, обозначающие контролируемые Р (имеющие признак ‘+ контроль’), включают в свое значение в качестве обязательного компонента представление об акте воли, ума С...» (Там же).

С точки зрения Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев, 1997, С. 437–477], скрытая семантика *контролируемости/неконтролируемости* проявляется через ряд семантических и грамматических ограничений.

Так, *семантические ограничения* связаны с невозможностью использования целевых конструкций в повелительном наклонении. Это собственно семантические ограничения, так как грамматика позволяет поставить глаголы (например, *реветь, греметь*) в форму повелительного наклонения. Но здравый смысл подсказывает, что то, что не поддается контролю со стороны субъекта-агенса, нельзя побуждать к действию.

Аналогичное происходит и с целевыми конструкциями: если действие, происходящее в реальной действительности, не подвластно контролю со стороны субъекта, то оно не может быть соотнесено с понятием цели. Ср.: *Мать гремела посудой, чтобы всем домашним было понятно ее недовольство. – *Гремела буря, чтобы...*

Грамматические ограничения:

1. Правило распределения видов в императивных конструкциях с отрицанием. Если действие контролируемое, то в императивной конструкции без отрицания может использоваться любой вид глагола: *пой – спой*. В императивной конструкции с отрицанием в речевом жанре запрета возможно использование только НСВ: *не пой!* Если же действие неконтролируемое, то возможно использование СВ императива с отрицанием в речевом жанре предостережения: *не споткнись!*

2. Трансформационные связи. Личную конструкцию, обозначающую контролируемое действие, можно трансформировать в инфинитивную конструкцию: *Царица внезапно начала хохотать. – А царица хохотать!*

Неконтролируемое действие невозможно выразить инфинитивной конструкцией, хотя значение внезапности и интенсивности возможно:
А дождь как польет!

3. Соотносительность личных и безличных конструкций возможна только для контролируемых ситуаций. Ср.: *Я не сплю. – Мне не спится; Я споткнулся – *Мне спотыкается*².

4. Использование настоящего времени в значении запланированного будущего характерно только для контролируемых ситуаций. Ср.: *Завтра я иду в библиотеку. – *Завтра я теряю документы.*

Рассмотрим, как функционирует предикатный криптотип ‘контролируемость/неконтролируемость’ в условиях языковой игры на страницах газет.

I. Главная **напасть**, которая свалилась на головы производителей и дилеров, – это значительное **сокращение** ссуд на покупку «железных коней» [МК 27.10.08, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2008/10/27/15952-avtoryinok-porvalsyua-nadvoe.html>]. Лексема **напасть** (‘беда, несчастье, неприятность’ [МАС, т. 2, с. 377]) обозначает действие, не зависящее от воли человека. Аномальность данного случая вызвана ее сочетаемостью с существительным в функции предиката **сокращение** ((от **сократить**) ‘уменьшить, ограничить в количестве, объеме, величине’ [МАС, т. 4, с. 187]), которое передает контролируемый процесс. Таким образом, описываемая ситуация теперь рассматривается с позиции «+ контроля».

Дериват предиката **штамповать** (‘делать что-либо по готовым, избитым образцам’ [МАС, т. 4, с. 730]) с постфиксом **–ся** получает значение невольности осуществления действия: *За чередой сенсаций, которые штампуются в нашем регионе в производственных масштабах, мы перестали интересоваться тем, чем живет наша администрация* [МК 10.03.11, <http://volg.mk.ru/article/2011/03/10/571424-kak-bez-bannogo-halata.html>]. Однако в данном случае происходит переход «- контроль» в «+контроль». Этот процесс

² Символом * обозначаются ненормативные, ошибочные конструкции или варианты употребления.

возможен благодаря восстановлению из коммуникативной ситуации неопределенного, но реального Агенса указанного действия, находящегося За кадром. Теперь данную конструкцию можно трансформировать в инфинитивную, что является одним из признаков контролируемого действия (*И ситуации штамповаться!*).

В одной из статей читаем: *Неудивительно, что на свет появился рейтинг муниципалитетов, в соответствии с которым хуже волгоградцев в области живут только жители Нехаевского района* [МК 02.03.11, <http://volg.mk.ru/article/2011/03/02/569552-gorod-postavili-v-ugol-medvezhiy.html>]. Значение уже известного нам предиката приписывается обезличенной статистике, вследствие чего возникают аномальные условия и признак «- контроль» меняется на «+ контроль».

В заголовке *Зеленая карта обрусееет* [МК 24.12.08, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2008/12/14/8029-avtograzhdanka-bet-po-karmanu.html>] предикат *обрусеть* ('становиться русским по языку, обычаям, русифицироваться' [МАС, т. 3, с. 743]) содержит в себе компонент «- контроль». Аномальность данного контекста вызвана сочетанием с субъектом *Зелёная карта* ((вид на жительство в США и некоторых странах Европейского союза) [Скляревская, 2008, с. 380]), который по своей сути находится под контролем государства, что приводит к появлению у предиката признака «+ контроль».

Не замерзнут ли эти важнейшие отрасли в условиях кризиса? [МК 24.12.08, с. 5] Глагол *мерзнуть* ('приходить в негодность от мороза, холода' [Ожегов, Шведова, 2003, с. 355]) представляет собой процесс, не подвластный контролю. Но в данном контексте он приобретает признак «+ контроль», так как сочетается с субъектом действия, не существующим самостоятельно, а управляемым волей людей (управленцев, чиновников). В приведенном выше контексте становится возможным использование настоящего времени в данной фразе в значении запланированного будущего (*Завтра, в условиях кризиса, замерзнут эти важнейшие отрасли*).

Глагол *подрасти* ('увеличиться в размере, росте, протяжении и т.п.' [Кузнецов, 2007, с. 553]) несет в себе устойчивый компонент «- контроля». Но при отнесенности предиката не к Агенсу, а к квази-Агенсу, который продиктован экстралингвальной презумпцией (чиновники и организаторы увеличивают выплаты), признак «- контроль» уступает противоположному признаку «+ контроль», а всю конструкцию можно трансформировать в инфинитивную. Данный процесс можно наблюдать и в следующих примерах: *В 2009 году детские пособия и пенсии подрастут* [КП 05.12.08, <http://www.kp.ru/daily/24209/413233/?geo=61>], *Цены на главного гостя предстоящих праздников немного подросли по сравнению с прошлым годом* [КП 02.12.08, с. 18].

Сходная ситуация наблюдается во фразе *У цен на лекарства растет температура* [МК 03.12.08, с. 13]. В данном предложении лексическая единица, характеризующая функции живого мира (*температура* в значении 'повышенная степень теплоты тела как показатель нездоровья' [Кузнецов, 2008, с. 1315]), в сочетании с предикатом *расти* ('увеличиваться количественно, в размерах, в объеме' [МАС, т. 3, с. 673]) указывает на неконтролируемость называемого процесса, хотя фоновые знания свидетельствуют о противоположном.

В заголовке *Квартплата взрослеет* [МК 06.11.08, с. 7] существительное *квартплата* ('квартирная плата' [МАС, т. 2, с. 44]) «одушевляется» глаголом *взрослеть* – 'становиться взрослым или взрослее' [МАС, т. 1, с. 170], который выражает в прямом значении неконтролируемый процесс. Контекст же можно прочесть следующим образом: *квартплата дорожает*. Однако, как финансовые продукты не могут появляться на свет самостоятельно, так и «взросление» квартплаты не проходит без участия контролирующих лиц (чиновников). Это ведет к появлению признака «+ контроль» у предиката *взрослеть*, а весь контекст можно употребить в форме настоящего времени в значении запланированного будущего (*Завтра квартплата будет взрослеть*).

В диктете *Мы как-то состряпали неплохой разговор Надежды Бабкиной с Борей Моисеевым* [МК 31.03.13, <http://www.mk.ru/social/interview/2013/03/31/834038-pranki-gryazi-ne-boyatsya.html>] интерес для нашего исследования представляет сочетание *состряпали разговор*. *Разговор* (‘словесный обмен сведениями, мнениями, беседа’ [МАС, т. 3, с. 593]) между людьми представляет собой продукт речевой деятельности, который невозможно проконтролировать со стороны продуцента. Однако при сочетании этой лексемы с предикатом *состряпать* в значении ‘отстрипать: сочинять, писать, рисовать что-либо’ [МАС, т. 4, с. 293] наблюдается парадокс перехода у процесса общения признака –*Контр* в +*Контр*.

II. При рассмотрении данной скрытой категории нами был обнаружен и обратный процесс.

Так, в одной из статей читаем: *В итоге Ксения три часа промариновалась в пробках, везде опоздала, в суматохе чуть не забыла корону в салоне машины* [КП 17.12.08, <http://www.kp.ru/daily/24216/419173/>]. Предикат *промариноваться* является словообразовательным дериватом от *промариновать*, в значении которого есть заимствованный у глагола *мариновать* семный комплекс ‘намеренно задерживать’ (ср.: *мариновать* – ‘намеренно задерживать решение, исполнение чего-л.’ [МАС, т. 2, с. 229]). Эти доли значения свидетельствуют об актуализации компонента «+контроль». Присоединение постфикса –*ся* переводит предикат *промариновать* в разряд неконтролируемых процессов, что проявляется в утере функции агентивности и возможности употребляться в форме настоящего времени для выражения значения «запланированного будущего» (**Завтра Ксения три часа промаринуется в пробках*).

Тепло ушло в трубу. На Максимке отапливают улицу, а жильцы в домах мерзнут [КП 25.10.08, с. 5]. В данном случае виден намек на фразеологическую единицу *пустить в трубу*, что значит ‘растратить, растратить что-л.’ [МАС, т. 4, с. 416]. Сочетание ее с обезличенным Агенсом приводит к аномальному столкновению компонентов «- контроль» и

«+ контроль». Теперь контекст может быть прочитан следующим образом: контролируемый высшими инстанциями процесс – начало отопительного сезона – по непонятным причинам на самом деле оказывается неконтролируемым.

Во фразе *Но Гаретту Макнаморе повезло: 27-метрового монстра серфер поймал у атлантического побережья Португалии – в Прайя-ду-Норте* [ЭГ 11.11.11, с. 17] также наблюдается процесс изменения признака контроля с «+» на «-». Предикат *поймать* ('схватить то, что летит, брошено или движется' [Кузнецов 2008, с. 892]) представляет собой результат действия, которое было направленно на его достижение, и Агенс полностью его контролировал. Но в сочетании с лексемой *повезло* (от *повезти* 'посчастливиться, удался' [Кузнецов 2008, с. 851]), указывающей на непреднамеренность того или иного события, глагол приобретает признак неконтролируемости и невозможность употребления в форме настоящего времени для обозначения запланированного действия, а Агенс получает функции Пациенса (*Завтра Гаретту Макнаморе повезет: 27-метрового монстра серфер поймает у атлантического побережья Португалии – в Прайя-ду-Норте*).

Как показывает наше исследование, предикатный криптотип *контролируемость/неконтролируемость* проявляет себя следующим образом. Во-первых, наблюдается переход признака неконтролируемости в ему противоположный (нами было проанализировано более 400 примеров). Угасание признака «-контроль» приводит к возникновению семантических парадоксов, когда определенные семы предиката в условиях указанного выше лингвального феномена редуцируются, уступая место антонимичным семам. Данный процесс в большинстве случаев является спонтанным, обусловленным нетипичным для предиката контекстуальным окружением, а значение постфикса *-ся*, маркирующего неконтролируемый процесс, редуцируется. При этом предикат в большинстве случаев приобретает один или несколько грамматических признаков контролируемости: конструкцию можно трансформировать в инфинитивную или становится возможным использовать

форму настоящего времени в данной фразе в значении запланированного будущего. Появлению этих признаков способствует семантическое рассогласование (наличию в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений), противоречие между лингвальной и экстралингвальной пресуппозициями, столкновение положительной и отрицательной оценок. Во-вторых, происходит переход ситуации контролируемой в неконтролируемую, что тоже отражается, прежде всего, в плане синтагматики. В этом случае предикат, приобретая признак 'неконтролируемость', может иметь специальный маркер (постфикс *-ся*), так и оставаться декодируемым только в плане скрытой семантики. По количественным подсчетам данное явление встречается намного реже. В нашей работе было рассмотрено около 215 диктем, отвечающих указанным особенностям.

2.2.2. Трансформации крипто типа 'актуальность/неактуальность'

Рассмотрим теперь скрытую модифицирующую категорию *актуальность/неактуальность*, связанную с конкретной или неконкретной временной отнесенностью действия, и определим характерные черты ее проявления в условиях языковой игры.

В статье, посвященной подписанию Россией документов с Всемирной торговой организацией, читаем: ***Сначала подешевеют йогурты и авиабилеты. Потом закроются*** молокозаводы и авиакомпании [КП 24.11.11, <http://www.kp.ru/daily/25793.3/2774935>]. В данной фразе мы наблюдаем конкретный временной план, репрезентированный соответствующими глагольными формами, которые характеризуют будущие события. Соответственно, данная ситуация является актуальной. Однако при обращении к пресуппозиции становится ясно, что все высказывание обладает признаком вневременности, т.к. оно отражает субъективную модальность, а именно «отношение говорящего – субъекта факта сообщения – к сообщаемому факту в целом или к отдельным его составляющим, выделение

и оценка им тех или иных аспектов в сообщаемом факте» [Всеволодова, 2000, с. 300]. Это проявляется в том, что данное высказывание является всего лишь предположением эксперта относительно возможных результатов вступления в ВТО.

Одним из наиболее частотных случаев, приводящих к парадоксу рассматриваемого крипто типа, является противоречие модального и временного или только временных планов в рамках одного высказывания. Так, во фразе *Деньги любят счет, когда евро трясет* [АиФ 30.11.11, <http://www.aif.ru/money/mymoney/29558>] первая половина диктемы (главная часть сложноподчиненного предложения) характеризуется вневременностью действия, на что указывает фразеологически связанное значение предиката *любить* в составе русской поговорки *деньги счет любят* (см. об этом: В.И. Даль, 1879). Однако вторая часть сложноподчиненного предложения несет в себе временную конкретизацию (мировой экономический кризис – финансово-экономический кризис, проявившийся в сентябре – октябре 2008 года в виде значительного ухудшения основных экономических показателей в большинстве развитых стран, и последовавшая в конце того же года глобальная рецессия) и признак актуальности первой при указанных условиях.

Подобная трансформация крипто типа наблюдается в следующем примере *В Волгограде вроде бы завершается сезон ремонта* [МК 19.10.11, <http://volg.mk.ru/article/2011/10/19/634184-vnutrikvartalke-postavili-neud.html>]. Временной план настоящего у сказуемого *завершатся* ('несов. к *завершиться*: закончиться' [МАС, т. 1, с. 501]), связанный с реальной модальностью, сталкивается с модальным планом ирреальности, который выражен в частице *вроде бы*, указывающей 'на предположительность высказывания, на сомнение в достоверности чего-либо' [МАС, т. 1, с. 227]. Из этого можно сделать вывод, что рассматриваемая фраза несет в себе признак неактуальности. При этом описываемая ситуация приобретает

отенок стабильности, неизменности: сезон дорожных работ оказывается постоянным признаком города.

Сходный процесс прослеживается в предложении *В самом худшем случае сборная должна была вернуться домой с Евро-2012 лишь завтра* [КП 21.06.12, <http://www.kp.ru/daily/25903.3/2860058>]. Однако здесь речь идет о противоречии морфологического прошедшего времени предиката и семантического времени, показателем которого является лексема *завтра* ('на следующий день после сегодняшнего' [МАС, т. 1, с. 505]), несущая в себе устойчивый признак будущего. Таким образом, вопреки ожиданиям, происходящее оказывается актуальным на несколько дней раньше, что приводит к семантическому парадоксу в рассматриваемом высказывании.

В другой статье читаем: *Хочу, чтобы в городе завершились начатые реформы, которые «умерли» из-за инертности и неэффективности городской власти* [КП 22.08.13, с. 6]. Модальный глагол *хотеть* в значении 'испытывать желание, охоту, ощущать потребность, необходимость в чем-либо' [МАС, т. 4, с. 622] относит ситуацию к плану будущего за счет ирреальности своей семантики. А прошедшее время предиката *завершиться* ('закончиться' [МАС, т. 1, с. 501]) в сочетании с лексемой *умереть* ('прекратить свою деятельность, пропасть (о явлении)' [Кузнецов, 2008, с. 1386]) второго определительного придаточного, отражающего постоянный признак предшествования действия моменту речи, приводит к семантическому парадоксу: столкновению признака актуальности и неактуальности в пределах одного высказывания за счет представленного порядка следования этих явлений в контексте.

Обратный процесс перехода исследуемого феномена наблюдаем в диктете *За это обещают двойную оплату. Как бы пришел, проголосовал и отдыхай, а тебе за это двойную подачку* [МК 07.12.11, <http://volg.mk.ru/article/2011/12/07/650553-upali-strogo-po-planu.html>]. Вторая ее часть характеризуется вневременностью и неактуальностью, на что указывает сослагательное наклонение предикатов и союза *как бы* (от *как* 'в

сочетании с *будто*, с частицей «бы» или в сочетании с *будто бы* (*как будто, как бы, как будто бы*), а также в сочетании со словами *словно, точно, вроде* (*словно как, точно как, вроде как*) употребляется для выражения условно предположительного сравнения' [МАС, т. 2, с. 17]). Е.Э. Разлогова относит последнюю лексему к модальным словам, при этом отмечая, что оно может сочетаться с Ложью Знания, с Истиной Знания и с Неуверенной Истиной. «*Как бы p* (реальность) означает, что для говорящего данная ситуация обнаруживает неполное совпадение с *p* или же, что более общая ситуация, включающая данную, не полностью совпадает с общей (подразумеваемой собеседником или «стандартной») ситуацией, включающей *p*» [Разлогова, 2004, с. 142]. Однако при обращении к контексту статьи, в которой описываются реальные, актуальные на данный момент обстоятельства, ситуация меняется на прямо противоположную, и вся конструкция рассматривается с позиции актуальности.

В одной из газет читаем: *Поэты – они такие: вроде говорят чушь, а выходит пророчество* [МК 01.02.12, <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/01/667000-politicheskiy-turizm.html>].

Данная фраза обладает устойчивым признаком вневременности и, соответственно, неактуальности, так как предикаты *говорить* ('выражать в устной речи какие-либо мысли, мнения, сообщать факты и т. п., произносить что-либо' [МАС, т. 1, с. 322]) и *выйти* ('случиться, произойти' [МАС, т. 1, с. 258]) теряют всякую временную отнесенность, указывая на характерные черты поэтов. При обращении же к текстовой пресуппозиции («*Небо рухнет на землю, перестанет расти трава — он придет и молча поправит все, человек из Кемерова*». Так в свое время пел БГ.<...> *Вот выступил Владимир Путин 31 января перед рабочими в Кемерове, вернулся — и исправил ситуацию с «Ланта-тур вояж» одним росчерком державного пера* [МК 01.02.12, <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/01/667000-politicheskiy-turizm.html>]) можно сделать вывод об обратной ситуации, так как временная

характеристика четко определена и отражает недавно прошедшие события (Борис Гребенщиков словно предвидел это).

Как показывают наши наблюдения, функционирование модифицирующей скрытой категории 'актуальность/неактуальность' предиката в условиях языковой игры может протекать в двух направлениях: 1) признак «актуальность» меняется на «неактуальность»; 2) обратный процесс изменения рассматриваемого признака. В обоих случаях возникновению семантического парадокса способствует информация, содержащаяся в контексте, противоречие модального и временного плана, грамматического и семантического времени. Также нами были обнаружены случаи совмещения двух взаимоисключающих признаков в рамках одной фразы. При этом важную роль в реализации парадоксов рассматриваемого крипто типа играют различные лексические распространители и служебные слова (союзы и частицы), а также текстовая и экстралингвальная пресуппозиция. Количественные подсчеты показали практически равное соотношение между названными процессами, в работе мы рассмотрели и описали 157 примеров для первой группы и 189 – для второй.

2.3. Криптотипы именных групп

2.3.1. Аномальные преобразования крипто типа

'определенность/неопределенность'

Функционирование модифицирующего крипто типа *определенность/неопределенность* имени существительного имеет свою специфику в языковой игре. Изучением данной скрытой категории занимались И.М. Кобозева (Кобозева, 2007), Е.В. Падучева (Падучева, 2004а), О.Н. Селиверстова (Селиверстова, 2004), М.А. Шелякин (Шелякин, 2010) и др.; мы будем рассматривать ее с позиции теории референции.

Референция понимается как «соотнесение употребленного в тексте имени (именной группы) с внешним миром (объектами действительности), а

также результат такого соотнесения» [ЭРЯ, с. 411]. Это явление определяется тремя основными факторами – *синтаксическим*: различают референтное (в позиции актантов реализуются разные виды референции) и нереферентное (в позиции предиката имена указывают не на объект действительности, а на признаки соответствующих объектов) употребление именных выражений; *логико-семантическим*; *прагматическим* (указывает на различие видов референции по их отношению к фонду знаний собеседников) [ЛЭС, с. 411].

С механизмом референции связан фонд автономных единиц (имена существительные, именные словосочетания, личные, неопределенные, указательные и отрицательные местоимения) и их актуализаторы – «те слова и вообще компоненты предложения, которые превращают общее имя в актуализованную именную группу. Например, из общего имени *молодой человек* можно получить именные группы *этот молодой человек*; *все молодые люди*; *какой-нибудь молодой человек*, которые либо предназначены для соотнесенности с объектом, либо имеют какой-то другой денотативный статус. Смысл актуализатора – это своего рода инструкция для говорящих относительно того, как обращаться с объектами, входящими в экстенционал общего имени, при поиске референта» [Падучева, 2004а, с. 85]. Кроме этого, «в механизмах референции участвуют лексические значения именных выражений, детерминирующие референцию, определения имени и контекст, в частности анафорические связи, устанавливающие *коререферентность* имен (их отнесенность к одному и тому же объекту)» [ЛЭС, с. 411].

По мнению Е.В. Падучевой, логико-семантический аспект референции определяется тем, как соотносится именное выражение с определенным таксономическим классом – «выбирает ли оно один объект класса, весь класс, его часть и т.д. Однако во всех языках выражение этой семантической информации неразрывно связано с категорией определенности (грамматической в артиклевых языках и скрытой, семантической – в безартиклевых, типа русского), т.е. с прагматическим противопоставлением

по известности/неизвестности объекта для говорящего и слушающего» [Падучева, 2004а, с. 9].

Именные группы (ИГ), характеризующиеся тем или иным видом референции, в работе Е.В. Падучевой (Падучева, 2004а) подразделяются на следующие типы.

I. Субстантивные употребления, т. е. такие, при которых ИГ так или иначе вводит в рассмотрение внеязыковые объекты, как в высказываниях ***Врач** пришел только к вечеру. Надо найти какого-нибудь **врача**. **Врач** должен внимательно выслушать больного.* В их основе лежит прагматический фактор референции.

1. Референтные именные группы имеют три референтных статуса:

а) *+Opr* – *сильная* (идентифицирующая) референция показывает определенность объекта одновременно для говорящего и для слушающего: *Собаку он взял с собой*; б) *±Opr* – *слабая определенность* (интродуктивная референция) демонстрирует определенность объекта для говорящего, но не для слушающего: *Он хочет жениться на **одной** иностранке*; в) *–Opr* – *неопределенная референция* указывает на неопределенность для говорящего: *Он хочет жениться на **какой-то** иностранке*.

2. Нереферентные именные группы – это субстантивные ИГ, которые не обозначают никаких индивидуальных объектов (в основе их логико-семантический фактор референции). Выделяются: а) *экзистенциальные*, присутствующие в ситуации, когда речь идет об объекте (в частности, о множестве объектов), который относится к классу объектов того же рода и не индивидуализирован, т.е. не то что неизвестен говорящим, а в принципе не может быть предъявлен или указан, поскольку он «не выбран» из этого класса: ***Кто-нибудь из нас** его навещает*; б) *универсальные*, имеющие в семантике показатель общности ‘для всякого’: ***Все дети** любят мороженое*; в) *атрибутивные*, иллюстрирующиеся фразой ***Убийца Смит** сумасшедший* в том ее понимании, когда говорящий имеет презумпцию существования и единственности убийцы, но не имеет в виду никакого конкретного человека;

г) *родовые*, употребляющиеся при соотнесении с эталонным/типичным представителем класса *Скорпион похож на кузнечика*.

II. Предикатные употребления, при которых ИГ не соотносится ни с какими объектами, а означает свойство. Такие ИГ либо функционируют в роли предиката при связочном глаголе (*Моя мать врач*), либо в аппозитивной функции (*У него была дочь красавица*).

III. Автонимные употребления, при которых ИГ имеет вырожденный референт, обозначая саму себя, как *Наташа* во фразе *Муж просто звал ее Наташей*. ИГ в автонимном употреблении не может заменяться местоимением 3 лица, но возможна замена на указательное местоимение *так*³: *Джорджоне называли так за его высокий рост*.

В условиях языковой игры рассмотренные выше параметры именных групп могут варьироваться.

Так, на газетной полосе встречаются случаи, когда скрытая категория определенности проявляется безотносительно к лексическому наполнению фразы. В одной из газет читаем: *Два десятка лет на Россию «вешают» украинский голодомор, оттирают русский язык...* [АиФ 30.11.11, http://www.chel.aif.ru/society/society_details/175163]. Субъекта действия в данном случае нам позволяют определить экстралингвальные знания об отношениях России со странами СНГ, поэтому, несмотря на неопределенно-личное значение предложения, оно обладает признаком +Опр.

Однако чаще всего маркеры исследуемого нами криптотипа можно обнаружить, обратившись к составляющим той или иной синтагмы.

³ Существует крайне узкое понимание такой части речи, как местоимение, в соответствии с которым в класс этих слов включают лишь небольшую группу лексем, указывающих на лица и предметы типа *я, он, кто, никто, кто-то* и др., остальные слова относят либо к прилагательным (*тот, другой, мой*), либо к наречиям (*так, там, где, зачем*) (см.: Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986; Русская грамматика: в 2 ч. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980 и др.). При широком подходе в класс местоимений включаются все слова с прономинальной семантикой, как изменяемые, так и неизменяемые (см.: Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. В 3 ч. М., 1987. Ч. 2: Словообразование, морфология; Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. / под ред. Е.И. Дибровой. М.: Академия, 2011). В таком случае лексема *так* относится классу местоимений, что и отражается в работе Е.В. Падучевой. Этому же мнению мы будем придерживаться в нашей работе.

Местоимения на *-то* имеют конкретно-референтный статус, т.е. соотносятся с фиксированным объектом, который говорящий не может идентифицировать. Е.В. Падучева относит их к именным группам, неопределенным для говорящего (Падучева, 2004 а), соответственно, они несут в себе устойчивый признак неопределенности. Однако в условиях языковой игры мы можем наблюдать следующую трансформацию. Так, во фразе *Вдобавок ко всему выяснилось, что в этом году кому-то очень захотелось выделить 57 миллионов рублей, опять же из средств «социалки», на восстановление ликероводочного завода* [МК 23.03.11, <http://volg.mk.ru/article/2011/03/23/574966-temperatura-po-palate-sorok-gradusov.html>] присутствует семантический парадокс, в результате которого признак неопределенности рассматриваемого нами местоимения редуцируется. Исходя из контекста, становится ясно, что автор статьи в состоянии идентифицировать субъект действия (областную администрацию Волгограда).

Рассмотрим следующий пример: *Главы регионов вспоминают, что медики должны работать из чувства долга, сострадания и какой-то там клятвы Гиппократ* [ЛГ 16.11.11, <http://old.lgz.ru/article/17669/>]. В данной диктеме наблюдается рассогласование компонентов по определенности, так как местоимение неизвестности сочетается с определенной дескрипцией. Е.В. Падучева пишет об этом так: «Нормальным для *какой-то*, как и для других адъективных местоимений, является сочетание с общим именем. В сочетании с собственным именем или с определенной дескрипцией значение неизвестности может переходить в пренебрежительную коннотацию» [Падучева, 2004а, с. 211 – 212].

Еще одна диктема, связанная с местоимениями на *-то*: *И не совершайте покупку только потому, что вам что-то предложили на халяву. Особенно если это что-то вам неособенно и нужно* [КП 22.08.13, <http://www.kp.ru/daily/26123.3/3015488/>]. Как было сказано ранее, Е.В. Падучева относит местоимения подобного типа к неопределенным ИГ. Но

при сочетании его с местоимением *это*, несущим как минимум признак слабой определенности, вся конструкция, в том числе и *что-то*, становится слабоопределенной, получая при этом семантический маркер ‘некачественный или бесполезный товар’.

В одной из газет читаем: *А также некие правила. А что по этим правилам многие просто обречены не только не победить, но даже и не выжить – сознательно опускается из виду* [ЛГ 16.11.11, <http://lib.rus.ec/b/354343/read>]. Местоимение *некий* по классификации Е.В. Падучевой относится к слабоопределенным ИГ. «Признак ±Сл. *опр* дает семантический компонент ‘Объект известен говорящему, но предполагается неизвестным слушающему’» [Падучева, 2004а, с. 212]. При этом подразумевается, что говорящий хоть и должен иметь в виду какие-то правила, но не обязан их знать точно. Однако в рассматриваемом нами примере, исходя из контекста, мы можем сделать вывод, что автор статьи имеет четкое представление о предмете своих размышлений.

Кодифицированное значение местоимения *наши* (‘публ. о русских в противопоставление представителям других наций (в речи представителей политических группировок националистического толка)’ [ТСРЯ, с. 643]) подвергается редукции по отношению к компонентам, указывающим на национализм. Так, во фразе *Всех его участников (как наших, так и импортных) обяжут работать по жестким международным правилам* [АиФ 30.11.11, http://www.udm.aif.ru/money/finance_details/199842] идеи данного политического явления не улавливаются. Особый интерес представляет лексема *импортный* (‘ввезенный из-за границы’ [МАС, т. 1, с. 663]), являющаяся контекстуально антонимичной местоимению *наш*. В данном случае наблюдается нехарактерное употребление ее по отношению к людям. Прилагательное *импортный* становится синонимичным слову *иностранный* (‘относящийся к иному государству, стране, принадлежащий им’ [МАС, т. 1, с. 669]).

Мы хотим рассказать вам историю. Историю про наших детей. Детей, которых мы не знаем [МК 08.08.13, <http://www.mk.ru/social/article/2013/08/08/896678-deti-v-runete-igrayut-v-gestapo.html>]. Местоимение *наши* ('разг. близкие нам (то есть тем, к кому обращена речь) люди, родственники, товарищи, соотечественники' [МАС, т. 2, с. 417]) относится к определенным ИГ. Однако возникает парадокс при обращении к контексту статьи, где отрицание предиката *знать* ('иметь сведения о ком-, чем-либо' [МАС, т. 1, с. 617]) в функции определения в составе сложноподчиненного предложения меняет указанный признак на прямо противоположный.

Местоименная группа с лексемой *этот* обычно применяется к объекту (ситуации), который уже находится в поле зрения говорящих, чтобы дать ему категоризацию или сменить уже существующую на другую (см. об этом: Падучева, 2004а). Из этого следует, что данная ИГ несет в себе устойчивый признак определенности. Однако «при использовании местоимения *это* в качестве эвфемизма происходит ослабление или утрата указательного смысла. При таком употреблении в семантической структуре местоимения *это* сема указательности отходит на задний план, на передний план выдвигается номинативная сема; употребление приобретает оттенок неопределенности» [Сеничкина, 2008, с. 104]. Так, в примере *Неплохо бы напомнить зарвавшимся докторам о клятве этого самого, как бишь...* [ЛГ 16.11.11, <http://old.lgz.ru/article/17669/>] мы наблюдаем ситуацию, когда сама по себе местоименная группа, задействованная в фигуре умолчания, никак не конкретизирует объект речи и несет в себе признак –Опр. О том, что речь идет о Гиппократе, читатель может понять, обратившись к контексту. Именно эта намеренная, концентрированная неопределенность изменяет признак рассматриваемого нами криптотипа в данной диктете на +Опр. Своеобразным маркером, несущим в себе признак определенности, может также послужить лексема *клятва*, являющаяся компонентом устойчивого выражения *клятва Гиппократа*.

Мало ли кто кому не поставил на «Евровидении» ничего [МК 21.05.13, <http://www.mk.ru/zloba-dnya/article/2013/05/21/857329-dozhdetsya-li-evrovidenie-svoey-bolotnoy.html>]. Семантическое наполнение исследуемого примера указывает нам на отсутствие определенности (ср. мест. *кто, кому*). Однако данный признак меняется на противоположный при обращении к экстралингвальным знаниям читателя, относящимся к результатам «Евровидения» 2003 года, когда Ирландия и Великобритания не отдали ни одного голоса за российского представителя.

Во фразе *Люди хотят заниматься «ничем»* [КП 29.02.12, <http://www.kp.ru/daily/25843/2814947/>] – отрицательное местоимение *ничем* (‘употребляется в отрицательных предложениях и обозначает ни один, никакой предмет, ни одно, никакое явление, дело и т. п.’ [МАС, т. 2, с. 502]) обладает устойчивым признаком неопределенности, однако контекст и функция прямого объекта действия меняет его на прямо противоположный (*ничем* = *бездельем*).

Местоимение *никто*, относящееся к указанной выше группе в диктее *Любопытно здесь то, что первое место занял «мистер Никто» (первое место в неофициальном рейтинге Foreign Policy осталось пустым)* [КП 10.01.13, с. 11] обладает признаком неопределенности, который подчеркивает отсутствие, отрицание существования кого-либо, что подтверждается контекстом. Парадоксально сочетание его с лексемой *мистер*, которая обычно в такой позиции является носителем сильной определенности. В результате в рамках рассматриваемой фразы можно проследить переход –*Опр.* в +*Опр.* и обратно, а описываемое местоимение приобретает семантические признаки имени собственного («имена собственные являются названиями единичных предметов, выделенных из ряда однородных: личные имена, фамилии, географические, административно-территориальные наименования, названия литературных произведений, астрономические названия и др.» [Розенталь, 2006, с. 180]).

Статья «Комсомольской правды» гласит: *А капризный избиратель постоянно преподносит сюрпризы* [КП 24.11.11, <http://www.kp.ru/daily/25793.3/2774911/>]. Вне контекста данная игра может рассматриваться с позиции сильной определенности, на что указывает лексема *капризный* ('своенравный, своевольный, с постоянными капризами' [МАС, т. 2, с. 30]), которая функционирует как местоимение *этот* в значении 'указывает на какой-либо предмет, лицо, выделяемые из ряда других' [МАС, т. 4, с. 770], то есть категоризирует объект (ср.: *А этот избиратель постоянно преподносит сюрпризы*). Однако при соотнесении данной фразы с текстом статьи признак определенности редуцируется, так как речь идет о всех, кто принимает участие в выборах, при этом потенциальные семы 'непостоянный, непредсказуемый' способствуют активизации сокращения доли информации в семеме.

При актуализации в контексте признака *определенность* именной группы в значении указательного местоимения 'этот' употребляется перифрастическое прилагательное 'забывчивый' ('легко и быстро забывающий' [МАС, т. 1, с. 497]): *Некоторые кандидаты не просто занизили, но и вовсе «забыли» о части своих доходов или имущества. Такую информацию опубликовал ЦИК со ссылкой на Федеральную налоговую службу РФ. Самыми «скрытными» тогда оказались претенденты от «Справедливой России» (151 нарушение). На втором месте оказалась КПРФ (120 нарушений), на третьем - «Яблоко» (98 нарушений), в конце - «Единая Россия» - (9 нарушений). «Забывчивых» кандидатов с предвыборной дистанции не сняли, лишь предали информацию гласности* [АиФ 30.11.11, <http://www.aif.ru/money/dontknow/7519>]. В этом случае можно говорить о семантическом приращении рассматриваемой лексемы-актуализатора: в ее семеме появляется семный комплекс 'преднамеренность в сокрытии истинных своих доходов'.

На страницах «Литературной газеты» читаем: *На таких «прикормленных» докторов денег не жалко* [ЛГ 16.11.11,

<http://old.lgz.ru/article/17669/>]. Признак определенности несет в себе лексема *прикормленный*, образованная от глагола *прикормить* в значении ‘разг. расположить к себе, подкупить чем-либо’ [МАС, т. 3, с. 416]. Она позволяет разделить всех представителей медицины на работающих в муниципальных больницах и тех, кто приближен к высокопоставленным лицам.

В заголовке *Клятва, которую не давали* [ЛГ 16.11.11, <http://old.lgz.ru/article/17669/>] заключен парадокс, когда отрицание бытия объекта – *клятвы* (‘торжественное уверение в чем-л., торжественное обещание, подкрепленное упоминанием чего-л. священного для того, кто уверяет, обещает’ [МАС, т. 2, с. 62]) – конкретизирует/определяет его посредством лексического наполнения предиката *давать* в значении ‘предоставить, сделать возможным для кого-л., обеспечить кому-л что-л. [МАС, т. 1, с. 365]. При обращении к контексту читателю становится ясно, что в статье идет речь об одной из самых распространенных клятв – клятве Гиппократова. А вывод, к которому приводит статья, заключается в том, что многие современные врачи если и дают эту клятву, то редко ей следуют. Как видим, в игре отражен процесс превращения признака неопределенности в антонимичный.

Еще один пример исследуемого нами процесса: *Более того, в Греции сейчас, при смене правительства, пошли и дальше: оппозиционеры формируют новое правительство, но один прежний министр сохранил свой пост. Догадываетесь, какой? Министр финансов. Наверное, тамошний такой «неполитизированный профессионал»* [ЛГ 16.11.11, <http://old.lgz.ru/article/17631/>]. Лексема *министр* в значении ‘член правительства, возглавляющий министерство’ [МАС, т. 2, с. 273] несет в себе потенциальный компонент принадлежности к политике. Однако сочетание ее с прилагательным *неполитизированный* (антоним к *политизированный* ‘приобретший политическую окраску, обладающий ею’ [Кузнецов, с. 902]) парадоксально, т.к. происходит исключение признака ‘относящийся к политике’. Мы можем рассматривать данную фразу с позиции ±Опр. Так как

речь идет о правительстве Греции, читателю совсем необязательно знать личность этого министра. Однако мы можем заметить намек на присутствие каких-то качеств, которые позволили отнести его к рассматриваемой группе «профессионалов», например, коррумпированность, стремление к незаконной личной наживе.

Другой случай изменения признака неопределенности на слабоопределенность ИГ иллюстрирует фраза: *Однако уже сейчас очевидно: в депутатском корпусе назревают кандидаты на вылет* [МК 13.08.13, <http://www.mk.ru/politics/article/2013/08/13/898489-mandat-ili-zhizn-kak-deputaty-pryachut-dengi-za-granitsey.html>]. В данном случае «кандидаты на вылет» предстают полностью неидентифицированными «номинантами» на выход из состава Думы (ср.: *играть на вылет* ‘играть с условием выхода побежденного из игры’ [Кузнецов, 2008, с. 174]). Однако, исходя из контекста статьи, становится ясно, что автор имеет четкое представление об этих людях и знает их поименно.

В следующей фразе находим: *Что касается борьбы Кремля с либеральными оппонентами, с «болотными»... Возможно, либералы и хотели бы включить национальные республики в число своих союзников, но сейчас это нереально* [ЛГ 27.11.13, <http://lgz.ru/article/-47-6440-27-11-2013/priruchenie-separatizma/>]. В данном примере особый интерес представляет лексема *болотные*, обладающая признаком $\pm Opr$ в отрыве от экстралингвальных знаний, так как в словарной статье прослеживается лишь связь с цветом или местностью (ср: ‘предназначенный для работ на болоте, передвижения по болоту и т. п., живущий, произрастающий и т. п. на болоте’ [МАС, т. 1, с. 105]). Однако при обращении к ним, вспомнив митинги на Болотной площади, становится понятно, кого именно имеет в виду автор статьи – участников митингов.

В диктете *Когда составляли книгу о «неизвестных» земляках-героях, ставили перед собой некую сверхзадачу* [АиФ 10.05.13, <http://www.vlg.aif.ru/obrazovanie/vuzi/70599>] наблюдается семантический

парадокс функционирования лексемы *неизвестный* ('такой о котором или которого не знают, незнакомый' [МАС, т. 2, с. 447]), несущей устойчивый признак неопределенности в условиях слабоопределенного контекста. Таким образом, если и не каждому читателю знакомы имена объектов действия, то автор может их идентифицировать.

Переход признака $\pm Oпр$ в $+Oпр$ наблюдаем в следующем примере: *Два Деда Мороза голосили, что для **Вовочки** подарков не будет* [МК 4.02.12, <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/04/667997-organizatorov-aktsii-na-bolotnoy-ohranyal-osobyiy-otryad.html>]. При обращении к данному выражению можно судить о том, что лишь автору известен *Вовочка* как конкретный человек. Читатель же не может идентифицировать его без обращения к контексту, в котором происходит окончательная персонификация: *Вовочка* – Владимир Путин (речь идет о митингующих в костюмах Дедов Морозов на Болотной площади). Нарочитое употребление автором уменьшительно-ласкательной формы имени придает иронический характер всей статье и фигуре самого президента.

В другой статье читаем: *Умные головы из МВД, похоже, не понимают, к каким последствиям это приведет* [ЭГ 13.01.12, <http://wap.eg.ru/index.php?view=xhtml&cases=rubr&gid=170&pg=1&pa=85&aid=2600086>]. В данном случае интерес представляет эвфемизм *умные головы*. Для читателя субъект действия неизвестен, можно лишь говорить о его персональных качествах. Соответственно, исследуемая ИГ обладает признаком неопределенности. Однако при обращении к контексту статьи он меняется на слабоопределенный, так как автор соотносит эвфемизм с конкретными представителями МВД.

Сходное явление можно проследить в примере: *Пока некие «источники Минобороны» лишь выдают желаемое за действительное* [МК 12.11.12, <http://www.mk.ru/daily/newspaper/article/2012/11/12/773049-kartinnyiy-zhest-ne-udalsya.html>], где только контекст позволяет сделать

вывод, что для данной фразы характерен *признак сильной определенности*: «источники» не эксплицированы, так как они всем известны.

В диктеме *Г-н президент, согласитесь, для объективного расследования всех вопросов надо отстранить того, кто своей волей, не советуясь с армией, назначил министра. Кто это был? Не припомните?* [МК 7.11.12, <http://www.mk.ru/politics/2012/11/07/771333-za-krasivyie-glaza.html>] наблюдается тот же феномен. Но достигается он не при участии эвфемизации, а благодаря использованию риторических вопросов с неопределенным местоимением *кто* в их составе.

Изменение признака слабой определенности на сильную наблюдаем во фразе: *А теперь, как сказал бы известный сатирик, задержите дыхание* [АиФ 27.11.13, <http://www.vlg.aif.ru/society/jkh/1031957>]. Идентифицировать сатирика читателю позволяют экстралингвальные знания, отражающие его характерные черты. Таким образом, основной массе становится ясно, что автор статьи делает отсылку на Михаила Задорнова, который перед каждой новой остротой просит зрителя задержать дыхание.

А управделами главы государства Владимир Кожин обещал превратить дом в «интересное публичное заведение». В результате дача Половцева стала очередным домом приемов Управделами президента, предназначенным для проведения госмероприятий и размещения гостей. «Заведение» все же оказалось интересным – как и обещал Кожин [МК 14.08.13, <http://www.mk.ru/politics/russia/article/2013/08/14/899498-pered-goryachey-osenyu-gosduma-zakupaet-ognezaschitu-i-antikislotnyie-kostyumi.html>]. В исследуемой диктеме парадоксальным оказывается переход $\pm Oпр$ в $+Oпр$ и обратно в пределах одной ИГ. Так, в первом предложении *заведение* (‘учреждение, предназначенное для воспитания, обучения и т. п.’ [МАС, т. 1, с. 499]) не конкретизируется автором, иронически намекающим на еще одну бесполезную административную трату денег. Далее, рассматриваемая лексема получает определенную характеристику, где впоследствии снова ее лишается, что вселяет

уверенность (исходя из контекста) в ненужности таких домов, в праздном образе жизни государственных властей.

Языковая игра может вести к семантической редукции. Так, значение лексемы *единственный* ('только один' [МАС, т. 1, с. 463]), несущее в себе устойчивый признак определенности, в заголовке статьи *Единственный честный гаишник забронзовел* [ЭГ 07.11.11, <http://www.eg.ru/daily/melochi/28595>] расподобляется, а саму ИГ теперь можно отнести к нереперентным. Данный вывод нам позволяет сделать обращение к контексту, из которого ясно, что бронзовая статуя увековечивает не конкретного человека *гаишника* ('работник ГАИ' [Кузнецов, 2008, с. 192]), а желанный стереотип.

На следующий день «закадычный», изменив голос и не представляясь, потребовал 5 тысяч, якобы такая сумма «набежала» как процент [МК 21.11.12, <http://www.mk.ru/r/articles/?url=/article/2012/11/21/777570-esli-drug-okazalsya-vdrug.html>]. Здесь прослеживается изменение от неопределенности до слабой определенности ИГ, о чем свидетельствует лексема *закадычный* ('близкий, душевный (о друге, приятеле о дружеских, приятельских отношениях)' [МАС, т. 1, с. 524]) – друг объекта. При этом, исходя из контекста статьи, данное фразеологизированное прилагательное меняет положительную эмотивную оценку на отрицательную.

Как показывают наши наблюдения, в языковой игре встречаются трансформации только субстантивных ИГ. При этом отмечается процесс перехода нереперентных ИГ в реперентные. Криптотип *определенность/неопределенность* имени существительного может менять свои характеристики в пределах одной ИГ по шкале от + Опр до –Опр и наоборот. Причем к первому процессу относится подавляющее большинство примеров (425 диктем на 275 соответственно). К этому ведет: 1) актуализация определенных семантических (потенциальных) компонентов лексем, которая может усиливаться при помощи местоимений на *–то, некий, наш, кто, никто, ничем, этот*; 2) употребление перифрастических

сочетаний; 3) семантическая редукция, т.е. сокращение доли информации в семеме; 4) помещение ИГ в нехарактерные, нетипичные для нее синтагматические условия; 5) семантическое приращение, обусловленное определенным контекстуальным окружением; 6) особое стилистическое построение.

Наблюдается также, с одной стороны, задействование в роли актуализаторов знаменательных слов (сопровождает этот процесс семантическая редукция и/или семантическое приращение в семеме); с другой, потенциальные актуализаторы получают квалификацию определенных (при эвфемизации значения или обращении к экстралингвальной или текстовой пресуппозиции).

2.3.2. Специфика обнаружения криптотипов

‘агентивность/неагентивность’, ‘личность/неличность’ и ‘наличие/отсутствие волевого начала’

Скрытая категория *агентивности/неагентивности* именных групп относится к числу модифицирующих и характеризует высказывание в целом, являясь продуктом взаимодействия его компонентов. Она дает информацию о субъекте высказывания: является ли он только агенсом (прямая агентивность) или только каузатором действия, совершаемого в его интересах (косвенная агентивность); ср.: *Она приготовила обед; Они построили дом*, или ложным агенсом (неагентивность), так как действие, выраженное глаголом, не предполагает наличие субъекта, ср.: *Вспыхнула молния; Грянул гром*.

Категория *агентивности/неагентивности* градуальна: она так же, как и другие скрытые категории, имеет крайние точки шкалы – агентивность *Девочка пишет* и неагентивность *Солнце светит*; в качестве среднего компонента можно условно принять семантику косвенной агентивности *Он лег в больницу*.

Т.В. Булыгина [Булыгина, 1980, с. 339 – 343] выделяет критерии разграничения агентивных и неагентивных конструкций. Представим названные ею дифференциальные признаки в сопоставительном плане:

Таблица № 2. Сравнительная характеристика агентивности и неагентивности именных групп
(Сост. по Т.В. Булыгиной)

Агентивность	Неагентивность
I. Конструктивная особенность	
<p>Агентивные конструкции способны сочетаться с инфинитивом, обстоятельством цели (не обязательно замещаемая позиция), придаточным союзом <i>чтобы</i> и т.п.: <i>Он полетел в Санкт-Петербург на конференцию (оппонировать; для участия в юбилейной сессии; на свадьбу к другу; чтобы попасть на выставку); Летят перелетные птицы ушедшее лето искать</i> (М. Исаковский).</p>	<p>Невозможно: <i>*Стрела летит попасть в яблоко, *Камень падает, чтобы ушибить собаку</i> и т.п.</p>
II. Смысловое различие (трансформационные связи)	
<p>Только предложения, описывающие активное (произвольное) действие, могут быть преобразованы в инфинитивные (с изменением стилистической окраски и привнесением смысла «интенсивного и внезапного приступа к действию»): <i>Царица начала хохотать → А царица хохотать</i> (А.С. Пушкин); <i>Моська, увидевши слона, стала на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться → (Моська) Увидевши слона, ну на него метаться, И лаять, и</i></p>	<p>Невозможно: <i>Дождь стал лить как из ведра → *Дождь лить как из ведра; Начал валить снег → *Снег валить; Она начала толстеть → *Она толстеть.</i></p> <p>В то же время значение интенсивности и внезапности вполне совместимо со значением наступления «события», относящегося к неактивному «субъекту» – ср. <i>А дождь как польет! А гром как загремит!</i> Речь идет в таких случаях о грамматической, а не о реальной</p>

<i>визжать, и рваться</i> (Крылов).	несовместимости смыслов.
<p>Возможность «дезактивирующего» преобразования ограничена предложениями с активными предикатами: <i>Черт: ползком не проберусь, / А мне едется</i> (М. Цветаева); <i>Мы вас ждем, товарищ птица, Отчего вам не летится?</i> (Маяковский).</p>	<p>Для предметов, лишенных волевого начала, такая дезактивация невозможна, данный запрет является грамматическим, так как законы «семантического согласования», действующие на уровне сочетания слов, более «либеральны» – ср. лексическое выражение значения, довольно близкого тому, которое выражают «демиактивные» конструкции («внутренняя предрасположенность к действию»): <i>Вода благоволила литься</i> (Л. Мартынов); <i>Проглянет день, как будто поневоле</i> (Пушкин); <i>(Шар) крутится, вертится, хочет упасть</i> при невозможности: <i>*Воде превосходно теклось; *Дню проглядывалось с трудом; *Шару никак не падалось; *Жаре в тот год не стоялось</i> и т. п.</p>
<p>III. Соотносительность с морфологической семантикой времени</p>	
<p>Агентивные глаголы могут употребляться в форме настоящего времени для выражения значения «запланированного будущего»:</p> <ul style="list-style-type: none"> - <i>Завтра мы слушаем Рихтера;</i> - <i>Она вот-вот уйдет на пенсию → Она вот-вот уходит на пенсию;</i> - <i>Завтра я весь день буду работать в библиотеке → Завтра я весь день работаю в библиотеке.</i> 	<p>Неагентивные глаголы не могут употребляться в названном смысле:</p> <ul style="list-style-type: none"> - <i>*Завтра мы слышим Рихтера;</i> - <i>Сосулька вот-вот упадет → *Сосулька вот-вот падает;</i> - <i>Завтра весь день будет лить дождь → *Завтра весь день льет дождь.</i>
<p>IV. Особенности распределения видов в отрицательных конструкциях с императивом</p>	
<p>В форме сов. вида не могут выступать глаголы, обозначающие действие,</p>	<p>В форме сов. вида такие глаголы выступать могут: <i>Э, смотрите, носов не отморозьте.</i></p>

<p>зависящее от воли субъекта: <i>*Не защити диссертацию; *Не плюнь в колодец; *Не помой посуду; *Не подари ей эту книгу; *Не пойдй за хлебом.</i></p>	<p><i>Семнадцать градусов на дворе</i> (Куприн. Юнкера) при сомнительности (?) <i>Не отмораживайте носов; Не поскользнься; Не стукнься.</i></p> <p>«Следует иметь в виду, что для многих глаголов значение произвольности/непроизвольности является «флективным» (и зависит от комбинации с тем или иным видовым значением). Ср.: <i>Не обгори – солнце очень горячее – Не загорай, тебе это вредно; Ты там ненароком не влюбись – Не влюбляйся, тебе это помешает в занятиях; Не выпей то, что в бутылке – это метиловый спирт – Не пей сырой воды; Не прозевай поезд – Не зевай,</i> т.е. «будь внимателен», и т.п.» [Булыгина, 1980, с. 341–342].</p>
<p>V. Морфологическая синонимия</p>	
<p>В тех случаях, когда в значении личного существительного реализуются одновременно и «активное», и «физическое» начало, что делает возможным «инструментальное» употребление названия лица в Тв. падеже, отличие агентивных предложений от неагентивных обнаруживается в особенностях прономинализации. Ср.: <i>Она бросилась вперед и заслонила собой ребенка. – Дуб его свалился, И подавило им орлицу и детей</i> (Крылов) (при сомнительности: <i>Дуб свалился и придавил собой орлицу и детей</i>).</p>	<p>Предложения с названиями стихийных сил в позиции подлежащего регулярно соотносятся с синонимичными безличными конструкциями (с творительным «вместо» именительного или без него), тогда как аналогичное преобразование конструкции с личным подлежащим либо делает ее грамматически неправильной, либо необходимо ведет к ее переосмыслению. Иначе говоря, именительный падеж и творительный падеж неодушевленных существительных семантически не противопоставлены в соответствующих конструкциях, а в одушевленных – противопоставлены. Возможность</p>

	синонимического преобразования <i>Ветер и пыль бьют в лицо</i> → <i>Ветром и пылью бьет в лицо</i> ; <i>Но буря разбила корабль</i> → <i>Но бурей корабль разбило</i> нельзя описать без обращения к семантической характеристике подлежащего. Это следует, очевидно, считать грамматическим отражением соответствующих «денотативных различий».
--	--

Исследуемая нами категория тесно взаимодействует с другими крипто типами: предикатным показателем ‘контролируемость/неконтролируемость’ и именных групп ‘личность/неличность’, ‘наличие/отсутствие волевого начала’.

Так, изменение категории контроля с ограничением функций Агенса наблюдаем в следующем примере: *В этом случае мы **вынуждены просыпаться и работать** на два часа раньше, чем включается каждый наш орган. А если заставлять их работать совсем по другому времени, не по биоритмам, то они быстрее изнашиваются* [КП 31.10.11, <http://www.kp.ru/daily/25779.5/2763510/>]. Предикат *просыпаться* (‘очнуться ото сна; пробудиться’ [Кузнецов, 2008, с. 1027]) является действием неконтролируемым. При аномальном воздействии ближайшего окружения (лексемы *вынужден* ‘от *вынужденный*: совершаемый по принуждению или по необходимости, в зависимости от каких-либо обстоятельств’ [Кузнецов, 2008, с. 176]) происходит его угасание, так как есть воздействие из вне. Люди, о которых идет речь в статье, перестают быть полноправным Агеном указанного действия. Субъект действия, носитель основного волевого импульса, находится За кадром.

В этом же примере можно увидеть и другой факт смены признака контроля. Бесспорно, органы человека работают независимо от чьего-либо желания и воли, но в сочетании с лексемой *заставлять* (‘принудить сделать

что-либо, поступить каким-либо образом' [Кузнецов, 2008, с. 347]) они также теряют функции полноправного Агенса.

Как уже отмечалось выше, криптотип 'агентивность/неагентивность' связан с наличием/отсутствием волевого начала у ИГ, что можно проследить в диктеме *Они не могут, да в большинстве своем и не хотят знать, куда уходят их налоги* [ЛГ 16.11.11, <http://old.lgz.ru/article/17669/>]. В первой части фразы действие *не могут* (от мочь 'быть в состоянии, в силах что-либо сделать' [МАС, т. 3, с. 305]) является неконтролируемым. И.Б. Шатуновский связывает данный признак с понятием воли: «Воля – это способность выбора, способность выбирать, поскольку выбор предполагает наличие альтернатив (и, далее, альтернативы только потому являются альтернативами, что их несколько, как минимум, две). С волей неразрывно связана свобода – возможность выбора из нескольких альтернатив» [Шатуновский, 1996, с. 285]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что *Они* (простые люди) не являются полноправным Агеном данной диктемы. Однако во второй ее части ситуация резко меняется, т. к. предикат *хотеть* ('испытывать желание, охоту, ощущать потребность, необходимость в чем-либо' [МАС, т. 4, с. 622]) предполагает наличие выбора, альтернатив, и, значит, придает личному местоимению *Они*, заменяющему имя существительное, признак агентивности. Таким образом, в рамках данной фразы наблюдается семантический синкретизм Агенса, так как одновременно сосуществуют две противоположные черты личных существительных: 'наличие' и 'отсутствие волевого начала' и, соответственно, присутствие и отсутствие признака агентивности.

Какой процент они составили от числа тех, кого «пригнали»? [МК 4.02.12, <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/04/668006-talantyi-i-poklonnaya.html>]. В данном контексте человек лишается своей воли, ибо речь идет о митинге против действующей власти, когда каждый человек имеет право выражать свою позицию, а не делает это по наставлению выше

стоящих лиц (ср.: *пригнали* - ‘гоня, подгоняя, привести, доставить куда-либо’ [МАС, т. 3, с. 401])

Значение предиката *отложить* (‘перенести на более поздний срок, отсрочить’ [МАС, т. 2, с. 689]) содержит в себе устойчивый признак «+контроль», характеризующий и всё предложение в целом. Но в диктете *В аэропортах Стамбула и Лондона снегопады «отложили» десятки рейсов* [КП 09.02.12, <http://kem.kp.ru/daily/25832.3/2806497/>] субъектом действия оказывается лексема *снегопады* (‘выпадение снега (обычно в большом количестве)’ [МАС, т. 4, с. 164]). Это приводит к семантическому парадоксу: не в воле снега распоряжаться рейсами транспортных средств. Таким образом, лексема *снегопады*, по сути являясь каузатором, становится квази-Агенсом, реальный субъект действия – сотрудники аэропорта – оказывается имплицитным, а вся конструкция не способна сочетаться с инфинитивом или обстоятельством цели. При этом рассматриваемая именная группа приобретает метафорическую агентивность, не свойственную примерам с так называемым ложным агенсом, ср.: *Ветром унесло крышу*.

Сходная ситуация наблюдается во фразе *Только сосулькам до комиссий нет никакого дела: как блестели на солнце, так и блестят* [АиФ 22.02.12, <http://www.vlg.aif.ru/society/details/69200>], где в результате олицетворения лексеме *сосулька* (‘обледеневшая при стоке жидкость в виде заостренного книзу стержня, палочки’ [МАС, т. 4, с. 210]) придаются черты Агенса. Исходя же из контекста статьи, речь в которой идет о безразличии коммунальных служб, реальный Агенс рассматриваемой фразы (*коммунальщики*) остается За кадром.

Проанализируем следующий пример: *В худшем случае мы победим до конца только свою собственную страну* [ЛГ 01.02.12, <http://coollib.net/b/176214/read>]. Здесь субъектом и объектом действия оказывается лексема *мы* в значении ‘группа лиц, включая говорящего’ [МАС, т. 2, с. 316]. На это указывает в комплексе смысл всей диктемы и в частности

местоимение *свой* и прилагательное *собственный*, обладающие устойчивым признаком определенности и отнесенностью к «нашему», к России.

В диктете *Идея о налоге на роскошь нам является не в первый раз* [АиФ 22.02.12, <http://www.aif.ru/money/31297>] ситуация повторяется: реальный Агенс действия остается За кадром по тем или иным причинам. В данном случае это чиновники, председатели Госдумы, которые являют описываемую *идею* ('мысль, замысел, намерение, план' [МАС, т. 1, с. 631]) «без своего участия», чтобы народ не чувствовал насаждения ее с их стороны.

Существительное *орден* в значении 'знак отличия разных степеней и названий за военные, трудовые и т. п. заслуги' [МАС, т. 2, с. 638] содержит в себе устойчивый признак неагентивности, но во фразе *В Калининграде нет фалеристов подобного уровня, и, скорее всего, орден «уплыл» либо в Москву, либо в Европу* [ЭГ 19.03.12, <http://www.eg.ru/daily/politics/30876/>] благодаря олицетворению посредством сочетания с предикатом *уплыть* ('разг. перейти из одних рук в другие по чьей-либо оплошности или по предосудительному умыслу' [МАС, т. 4, с. 503]) происходит его преобразование в антонимичный, в то время как субъект действия – *вор* – выражен имплицитно. Таким образом, вся конструкция неагентивна и не может сочетаться с инфинитивом или обстоятельством цели.

Сходная ситуация наблюдается во фразе *Политики ударили лицом в кофе* [МК 01.02.12, <http://www.mk.ru/social/article/2012/02/01/667061-politiki-udarili-litsom-v-kofo.html>], апеллирующая к известному фразеологизму *Лицом в грязь не ударить* ('выполнить удачно, не оплошать, показать себя с лучшей стороны' [МАС, т. 2, с. 191]). Однако на газетной полосе он претерпевает следующие трансформации: приобретение антонимичного значения ('оплошать, показать себя с худшей стороны') и замена компонентов *грязь* → *кофе*. Благодаря синтезу фразеологического значения под влиянием общего замысла статьи мы можем декодировать приведенную выше конструкцию следующим образом: политики показывают себя не с лучшей стороны, и,

чтобы узнать мнение народа и рейтинг каждого из них, администраторы одного из московских кафе придумали акцию – закажи кофе с нарисованным портретом «твоего» кандидата в президенты. При таком прочтении политики теряют признак агентивности, становясь объектом действия.

В диктете *Четыре года назад на волне успеха Евро-2008 сразу целую группу футболистов сборной России вынесло из застоявшегося пруда отечественного чемпионата на большие европейские просторы* [КП 02.02.12, <http://www.kp.ru/daily/25828.3/2803825/>] словосочетание *группа футболистов* выступает как Пациенс, такому прочтению способствует безличная конструкция предложения. Однако при обращении к экстралингвальным знаниям, связанным со спортивными достижениями России, данная фраза оказывается парадоксальной, так как спортсмены были полноправным Агенсом сложившейся ситуации и сами, благодаря своим усилиям, достигли нового уровня в спорте. Соответственно, всё предложение функционирует в качестве агентивного, что доказывается его возможностью сочетаться с инфинитивом или обстоятельством цели.

Говорение – неотъемлемая черта человека, и в обычной ситуации она полностью им контролируется. Но во фразе *Случилось счастье – народ вышел на площадь! Пока не заговорил. Говорит не он, за него говорят* [ЛГ 29.02.12, http://culture.ru/ru/uploads/media/paper_archive/0001/09/3c788bd6e21984cadccба93533e77be61f0139ba.pdf] наблюдается аномальное сочетание *за него говорят*, которое в рамках контекста указывает на бесправие и безвольность народа в реальной жизни, человек лишается способности выбора, так как отсутствуют какие-либо альтернативы, и перестает быть полноправным Агенсом элементарных действий и возможностей – иметь собственное мнение и декларировать его.

Аналогичный случай представлен в следующем примере *Вспомним, как Немцов орал в прослушанных записях: «Давайте определимся, куда мы выводим людей?» Вы поняли, не? Вас это не покорило? Это не мы*

выходим, это нас выводят [КП 07.03.12, <http://www.kp.ru/daily/25843/2814946/>], где человек оказывается Пациенсом, сам того не подозревая, и агентивность именной группы редуцируется. На что указывают контрастно функционирующие значения предикатов *выйти* ('уйти откуда-либо, оставить пределы чего-либо' [МАС, т. 1, с. 257]) и *вывести* ('увести откуда-либо, удалить за пределы чего-либо' [МАС, т. 1, с. 247]).

Как известно, М. Прохоров и С. Миронов, кандидаты в президенты, проводили активные предвыборные кампании и в любом контексте должны быть представлены Агенсами того или иного действия. Но в газете АиФ отражена другая ситуация: *И есть две одинокие фигуры – Прохоров и Миронов, которых часто называют «кремлевскими проектами»* [АиФ 22.02.12, <http://www.aif.ru/politics/world/31280>]. Известные фамилии сочетаются с эвфемизмом «кремлевский проект», где лексема *проект* ('план, замысел' [МАС, т. 3, с. 483]) содержит в себе устойчивый признак неагентивности, что приводит всю фразу к семантическому парадоксу: лексемы *Миронов* и *Прохоров* теряют признак агентивности, а истинный Агенс – реальная политическая власть России – остается За кадром.

Метонимию наблюдаем во фразе *Бизнес обанкротился и закрылся* [МК 11.03.12, <http://www.mk.ru/economics/article/2012/03/11/680212-strizhem-kuronyi-i-lyudey.html>]. Здесь предикаты *обанкротиться* ('стать банкротом, потерпеть банкротство' [МАС, т. 2, с. 519]) и *закрыться* ('перестать существовать, прекратить свою деятельность, работу (об учреждении, предприятии и т.п.)' [МАС, т. 1, с. 534]) имеют в своем составе постфикс *-ся*, имеющий значение невольности осуществления действия, а Агенсом, занимающим позицию За кадром, является владелец самого бизнеса. Однако он не полностью контролирует ситуацию и испытывает влияние из вне, соответственно частично несет в себе признаки Пациенса.

Еще один пример: *«Правое дело» решилось было на сильный ход – пригласило в лидеры олигарха Прохорова* [КП 24.11.11,

<http://www.kp.ru/daily/25793.3/2774911>]. Уже известная нам фигура Прохорова вновь оказывается лишена агентивности. Лексема *лидер* в значении ‘глава, руководитель политической партии, профсоюза и т. п.’ [МАС, т. 2, с. 182] предполагает самовыдвижение. Однако при сочетании ее с предикатом *пригласить* (‘предложить кому-либо сделать что-либо, принять участие в чём-либо, заняться чем-либо’ [МАС, т. 3, с. 240]) эта характеристика утрачивается, а сам политический деятель становится Пациенсом, потому что Агенс лишается своей воли, желания.

Один из заголовков гласит *В Москву скоро пожелует новый фестиваль* [ЛГ 02.11.11, <http://romanbook.ru/book/7496440/>]. Олицетворение лексемы *фестиваль* (‘массовое празднество, включающее в себя показ, смотр каких-либо видов искусства’ [МАС, т. 4, с. 559]) придает ей черты Агенса, позволяет всей конструкции сочетаться с инфинитивом, обстоятельством цели [Булыгина, 1980, С. 339 – 343]. Это приводит к семантическому парадоксу, так как совершенно ясно, что фестиваль не может приехать в город самостоятельно. Реальный субъект действия – оргкомитет – в данной диктете остается за кадром в результате метонимического переноса.

Игрема *Сперва был вырыт громадный котлован, затем полезли вверх кирпичные стены* [ЛГ 16.11.11, <http://old.lgz.ru/article/17670/>] репрезентирует аналогичную ситуацию. Если в первой ее части *котлован* (‘выемка в земле, предназначенная для закладки в ней фундаментов каких-либо сооружений’ [МАС, т. 2, с. 115]) бесспорно является Пациенсом, то во второй – лексема *стены*, принадлежащая к той же тематической группе при метонимическом употреблении, окказионально приобретает характеристики, свойственные Агенсу, что определяется действительным залогом предиката *полезть* (‘начать совершать действие в соответствии со значением глагола лезть’ [МАС, т. 3, с. 257]). Благодаря этому, вторую часть фразы можно преобразовать в инфинитивную (с изменением стилистической окраски и привнесением смысла «интенсивного и внезапного приступа к действию») (см. об этом: Булыгина, 1980).

Итак, трансформации исследуемого криптотипа в языковой игре на страницах периодики идут в двух противоположных направлениях: от агентивности к неагентивности и наоборот. При этом данные преобразования имплицитных смыслов часто происходят в комплексе с изменениями других скрытых категорий. Нами выделены группы таких трансформаций:

- 1) 'агентивность' + 'воля' + 'личность' (127 диктем);
- 2) 'агентивность' + 'контролируемость' + 'воля' (115 диктем);
- 3) 'агентивность' + 'контролируемость' (113 диктем);
- 4) 'агентивность' + 'определенность' (95 диктем).

При этом для каждой из названных групп свойственен ранг За Кадром, когда реальный Агенс действия оказывается имплицитированным. Кроме того, при функционировании криптотипа 'агентивность/неагентивность' именных групп нами были отмечены два вида синкретизма значений: 1) актантный (совмещение в одном участнике ситуации ролей Агенса и Пациенса) и 2) криптотипный (актуализация в одной ИГ сразу двух коррелятивных значений – наличия и отсутствия волевого начала).

2.3.3. Особенности актуализации скрытой категории эталонности

В данном параграфе мы предлагаем рассмотреть категорию эталонности. Ю.Д. Апресян говорит о том, что это явление можно трактовать и как нетривиальный семантический признак [Апресян, 1995, с. 28 – 34]. И.М. Кобозева добавляет следующие варианты трактовки: скрытая именная категория русского языка – определенный тип лексических коннотаций. Область ее определения лежит во множестве «конкретных имен существительных, которые разбиваются ею на эталонные и неэталонные имена» [Кобозева, 2010, с. 32]. При этом критерием эталонности конкретного имени, по мнению исследователя, является наличие у него деривата (морфологического или семантического), служащего узואльным способом выражения значения того или иного атрибута или параметра физических объектов и/или событий. И.М. Кобозева классифицирует эталонную лексику на

тематическом основании, то есть по тем параметрам/атрибутам, для которых денотат имени служит эталоном (Там же):

1) эталонные имена для атрибута цвета, или эталоны цвета – *малина, сирень, вишня, роза, салат, горох* и другие, так как от них образуются адъективные цветообозначения (*малиновый, сиреневый, вишневый, салатový, гороховый* т.д.);

2) эталонные имена для атрибута формы, или эталоны формы – *кольцо, серп, колокол, веер* и т.д., так как от них образуются "формообозначения" одним из двух способов (или сразу обоими): либо путем образования прилагательных на *-видный* и / или-образный (кольцевидный, серповидный, веерообразный), либо путем образования от них абстрактных семантических дериватов со значением формы: *свернуться кольцом*;

3) эталонные имена для параметра скорости, или эталоны скорости: *пуля, стрела, ракета, молния* и др., так как они имеют абстрактные семантические дериваты со значением скорости, реализуемые в конструкции "глагол + имя в творительном падеже";

4) эталонные имена для атрибута звучания, или эталоны звучания – *колокол, труба, колокольчик* и др., так как их дериваты (морфологические или семантические) могут обозначать разные виды звучания: *трубный бас, греметь колоколом*.

В нашей статье мы предлагаем выделить и другие эталонные имена, ориентируясь не только на словообразовательный, но и на семантический принцип, так как, исходя из дефиниции, мы знаем, что актуализация крипто типа проявляется и в семантических, и в синтаксических признаках слов и словосочетаний.

На газетной полосе неоднократно встречаются эталоны людей не только конкретных персонажей, но и собирательных образов. Так, в одном номере читаем: *Начался уже третий этап «Школы сторонника партии». По ее окончании «медвежата» получают сертификаты* [МК 26.10.12, <http://volg.mk.ru/article/2011/10/26/636587-kto-upal-namochennyiy.html>]. В

данном случае перед нами гипоним эталона политической партии, а именно «Единство», символом которой является медведь, выраженный метонимическим переносом. Теперь лексема *медвежата* (‘множ. от медвежонок: детеныш медведя’ [МАС, т. 2, с. 242]) воспринимается читателем в значении ‘участники партии «Единство»’.

Представителя эталона «писатель» обнаруживаем в следующих выделенных нами диктемах: *Никакие «литературные негры» не выдержат мой график* и *Так что «негритянский» труд очень востребован* [КП 14.03.13, <http://www.kp.ru/daily/26045.3/2958816/>]. В данном случае, под словом *негры* подразумеваются талантливые люди, которые пишут произведения за известных авторов, не получая за это всех заслуженных лавров.

Публицистическим гипонимом *мадонна* пополнился эталон *женщины* во фразе *У нас что, все проблемы уже решены, и всё дело в дамах, не желающих становиться мадоннами?* [ЛГ 20.11.13, <http://lgz.ru/article/2013-god/madonny-ro-prinuzhdeniyu/>]. Исходя из контекста статьи, речь идет о демографической политике страны, при которой в итоге вся ответственность возлагается на женщин, не желающих в настоящее время следовать пути Мадонны и становиться матерями.

Наиболее распространенными на газетной полосе оказываются эталоны, выделяемые семантически. Так, в качестве производящего гипонима эталона *качества* выступает наименование судна «Булгария»: оним стал известен после трагического события на Волге, приведшего к гибели людей. В качестве примеров можно привести следующие диктемы: *«Булгарию» продолжают возить туристов* и *В первые же дни удалось отловить еще несколько потенциальных «булгарий» – без разрешения, зато с неполадками* [КП 05.07.12, <http://www.kp.ru/daily/25911.3/2865504/>]. В этих контекстах наблюдается употребление множественного числа вместо единственного, по одной из точек зрения характеризуемое в лингвистике как один из видов переносного значения – синекдоха [Розенталь, 2006, с. 341] (о других точках зрения на этот счет см.: Москвин; Квятковский; Клюев; КРР, с. 273).

При функционировании гипонимов эталона качества в условиях языковой игры обнаруживается семантический парадокс, который, как правило, связан с тем, что та или иная диктема получает антонимичное значение, выраженное только имплицитно и выводимое из контекста или экстралингвальных знаний. Так, в одном из номеров читаем: *Племянником уже запатентован бренд «Людмила Зыкина», скоро начнется выпуск дисков с ее песнями. В общем, память о певице в надежных руках. Как когда-то и ее драгоценности* [КП 05.07.12, <http://saratov.kp.ru/daily/25911.3/2865570/>]. Устойчивое выражение *в ненадежных руках* ‘о ненадежных людях’ [Кузнецов, с. 1133] на газетной полосе приобретает своеобразный контекстуальный синоним – *в надежных руках*. Истинный смысл данного высказывания невозможно понять без знания информации о нашумевших событиях, связанных с драгоценностями народной артистки СССР, оказавшимися далеко не в надежных руках.

Заголовок *Воруй – быстрее, выше, сильнее* [МК 10.09.12, <http://www.mk.ru/social/article/2012/09/10/746692-voruy-byistree-vyishe-silnee.html>] также относится к эталону качества. Однако здесь наблюдается семантическое рассогласование, так как *качество* в значении ‘степень достоинства, ценности, пригодности вещи, действия и т.п., соответствие тому, какими они должны быть’ [МАС, т. 2, с. 42], в данном случае выраженное фразой *быстрее, выше, сильнее*, никак не может характеризовать *воровство* (‘хищение чьей-либо собственности (частной, государственной)’ [МАС, т. 1, с. 212]).

В одной из статей читаем: *Скажу сразу: бороться с реальными угрозами запретом их обсуждения – типичная страусиная политика* [ЛГ 27.11.13, <http://www.lgz.ru/article/-47-6440-27-11-2013/priruchenie-separatizma/>]

Словосочетание *страусиная политика* является представителем рассматриваемого эталона и указывает здесь на характерную особенность правительства: закрывать глаза на происходящее и нежелание решать насущные проблемы, пряча голову в песок, как страус.

В качестве эталона обывателя выступает лексема *пенсионер* ('тот, кто получает пенсию' [МАС, т. 3, с. 40]) в следующем примере: *Нынешний пенсионер тоже активен и политически подкован, но более поляризован в симпатиях по шкале «власть-оппозиция»* [АиФ 29.02.12, <http://www.aif.ru/society/31408>], при этом кодифицированное значение существительного отходит на второй план. Если же сопоставить данную модель с гиперо-гипонимической, то рассматриваемую лексему можно отнести в этой корреляции к гиперониму.

Диктема *Как правило, это почти интеллигентная бабка (типа бывшая училка химии), норовящая социализировать непутевого внука, для чего тащит его на избирательный участок и, умиляясь до запотевания очков, заставляет отпрыска опустить ее бюллетень в урну* [АиФ 29.02.12, <http://www.aif.ru/society/31408>] иллюстрирует еще один эталон, связанный с собирательным образом бывшей интеллигенции, – *почти интеллигентная бабка*. Благодаря его детальному описанию у читателя возникает ироничное и несколько пренебрежительное отношение к представителям данного класса людей.

Еще в одной статье находим: *На смену живым «фиксаторам» должны прийти технические видеокамеры, фотоаппараты* [МК 11.03.12, <http://www.mk.ru/social/article/2012/03/11/680196-prestupniki-poluchat-uproschenie-ot-gosudarstva.html>]. В этом случае именно перманентный источник (знание нынешней ситуации на дорогах в стране) позволяет определить референта эвфемистического словосочетания *живые «фиксаторы» → дорожные полицейские*. В родо-видовой модели ИГ будут соотноситься как гипероним и гипоним соответственно.

Не менее распространенным на газетной полосе оказывается эвфемизированный эталон верховной власти, который получает разнообразные гипонимы в условиях языковой игры. Так, во фразе *Ниточки вели в самые высокие кабинеты* [КП 22.11.12, <http://www.kp.ru/daily/25989.3/2919637/>] лексема *высокий* в значении 'выдающийся по значению, почетный, важный'

[МАС, т. 1, с. 281] позволяет отнести все словосочетание *высокие кабинеты* к исследуемому эталону.

Данный феномен может быть проиллюстрирован и следующей фраземой: *Разоблачения касаются уже самых могучих и приближенных к престолу и Олимпу* [ЛГ 26.12.12, <http://coollib.net/b/229054/read>], где эталон власти получает сразу два гипонима: *престол* (ср.: ‘трон монарха (преимущественно как символ его власти)’ [МАС, т. 3, с. 385]) и *Олимп* (ср.: ‘перен. с определением шутл. ирон.: избранный круг, верхушка какого-либо общества’ [МАС, т. 2, с. 615]). В основу рассмотренного переноса и актуализации исследуемого криптотипа легли следующие семы: ‘монарх’, ‘символ власти’, ‘избранный’, ‘верхушка’.

Гипероним политического двигателя приобретает новый гипоним на газетной полосе: *Вас не смущает роль «паровоза» в списке «Единой России»* [КП 22.08.13, с. 13]. Об этом свидетельствует значение лексемы *паровоз* ‘локомотив с паровым двигателем, предназначенный для тяги поездов по железной дороге’ [МАС, т. 3, с. 25] в определенном (политическом) семантическом окружении. Данный вывод нам позволяет сделать обращение к метафорическому контексту, где в качестве паровоза можно рассматривать партию «Единая Россия» со всеми ее представителями, которую вытягивает на необходимый политический уровень один из кандидатов на пост мэра Волгограда.

В другом примере – *Эпопея по закатыванию народных денег в грязь и снег «спецбригадами», сформированными из гостей с далекого юга, уже никогда не сотрется из памяти горожан* [МК 11.01.12, с. 14] – именно перманентный источник (знание нынешней ситуации в России) позволяет определить референта и, соответственно, эталон для эвфемистического словосочетания *гости с далекого юга* → *гастарбайтеры* (гастарбайтер – ‘рабочий-иммигрант, пользующийся меньшими правами, чем граждане данной страны’ [ТСРЯ, с. 168]) или *экономические мигранты* из Средней Азии и Кавказа.

Рассматриваемый эталон в одном из номеров представлен другими лексемами-эвфемизмами: *Но писать, конечно, надо аккуратнее. Может быть, лучше говорить «брюнеты»? или, например, «приезжие»? [МК 12.11.12, <http://www.mk.ru/daily/newspaper/article/2012/11/12/773027-razzhiganie-rozni.html>].*

Сходную ситуацию наблюдаем в диктее: *Умение выставлять **русского медведя** вперед, а затем прятаться за его широким торсом Пекин вообще довел сейчас до совершенства [МК 08.08.13, <http://www.mk.ru/politics/world/article/2013/08/08/896673-obama-ne-priedet-nu-i-bog-s-nim.html>].* Данное высказывание представляется интересным для нашего исследования, так как в нем присутствует гипоним эталона «русский народ» – *русский медведь*. Это возможно благодаря значению лексемы *медведь* ‘разг. О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке’ [МАС, т. 2., с. 242], где в первую очередь актуальными для эталона оказываются семы ‘крупный’ и ‘сильный’. Также на этот вывод наталкивают экстралингвальные знания об истории славянского народа, когда медведь считался священным животным.

Модальный эталон со значением ‘разрешения чего-либо’ получает на газетной полосе следующего семантического представителя в значении ‘разг. создавать, создать особо благоприятные условия для продвижения кого-, чего-л.’ [Кузнецов, 2008, с. 362]: *«Обновленный закон дает «зеленую улицу» всем потенциальным инвесторам, готовым вкладывать средства в такую актуальную сегодня сферу, как строительство новых дошкольных учреждений», - подчеркнул депутат [МК 15.12.11, с. 13].*

Простые, стандартные эталоны, выраженные одной лексемой, на газетной полосе встречаются реже. К ним можно отнести пример эталона-расцветки: *Нынешней осенью атмосфера Земли как раз похожа на **матрас**, циклоны ходят по меридиану [КП 08.11.12, <http://www.kp.ru/daily/25981.3/2914098/>],* где у лексемы *матрас* (‘съемная часть кровати или дивана с твердым пружинным

каркасом' [МАС, т. 2, с. 237]) актуализируются потенциальные семы – 'обычно в полоску'.

Как показывают наши наблюдения, классифицирующая категория эталонности получает широкое распространение в публицистике. Нами были выделены эталоны власти (*высокие кабинеты; Олимп; «паровоз»*), людей и некоторых профессий или социальных групп (*медвежата; «негры»; мадонна, пенсионер*), качества (*«булгария»; надежные руки*), разрешения (*зеленая улица*). При этом принципом их выделения служит не только наличие словообразовательного деривата, но и семантического: так, нами были выделены эвфемистические эталоны (*гости с далекого юга*); эталоны, появившиеся в результате метонимического или метафорического переноса (*русский медведь*), трансформации гиперо-гипонимических и количественных отношений (*живой фиксатор*), а также семантических приращений в ходе преобразования фразеологизмов (*страусиная политика*). Основной причиной возникновения эталонов является уже упомянутая нами ранее аллюзия. Чаще всего на газетной полосе дериваты категории эталонности выражены словосочетаниями, реже наблюдаются стандартные эталоны, представленные одним словом.

2.4. Виды синкретизма семантических категорий

Как было отмечено нами ранее, употребление скрытых категорий в условиях языковой игры нередко приводит к семантическим парадоксам, возникающим в неоднозначных по прочтению контекстах.

В данном параграфе мы рассмотрим парадокс, связанный с различными видами синкретизма семантических категорий в условиях языковой игры: 1) синтаксический синкретизм, 2) криптотипный и 3) лексико-семантический.

I. Парадокс при синтаксическом синкретизме часто наблюдается в нарушении распределения функций Агенса и Пациенса и признака контролируемости действия, в родо-видовых отношениях. Так, в примере В

итоге зарплаты ринулись в тень, и бюджет не досчитался серьезных доходов [АиФ 22.02.12, с. 5] предикат *ринуться* (‘стремительно броситься, устремиться’ [МАС, т. 3, с. 717]) несет в себе устойчивый признак неконтролируемости. Однако в статье автор намекает на то, что данное действие находится под контролем работодателя – Агенса, который находится За кадром.

Рассмотрим диктему *В Пентагоне особо подчеркивают, что тепловой луч не способствует возникновению и развитию раковых опухолей и не приводит к бесплодию. Человек просто слегка поджаривается и идет домой мазаться сметаной* [ЭГ 19.03.12, <http://www.eg.ru/print/politics/30877/>]. Предикат *поджариваться* (от несов. *поджариться* ‘зажариться или обжариться слегка с поверхности’ [МАС, т. 3, с. 187]) несет в себе устойчивый признак +*Контр*, а значит, и признак агентивности. Однако при обращении к контексту становится ясно, что реальный Агенса действия – власти Пентагона – За кадром.

Еще один пример рассматриваемого явления находим в следующем диалоге:

- *Были ли такие пробы в кино, когда вас не брали и было обидно?*

- *Да. «Дульсиня Тобосская» был фильм. Меня пробовали очень долго. Думала «умру». Умру, но **допробуюсь** до конца* [КП 29.02.12, <http://kp.ua/culture/327246-tatiana-vasyleva-vo-vremia-plastyky-ya-chut-ne-umerla-no-ne-zhaleui>].

В данном случае, несмотря на возвратный постфикс *-ся*, предикат *допробовать* (от несов. *пробовать* – ‘испытывать, проверять состояние, качество, годность чего-либо’ [МАС, т. 3, с. 464]) способствует формированию следующего смысла: актриса В. Васильева, о которой идет речь, в функционально-синтаксическом плане уподобляется Пациенсу.

Во фразе *Складывается ощущение, что дело **становится** (или его делают?) «глухарем»* [КП 21.06.12, <http://www.kp.ru/daily/25903.3/2860065/>] сочетание *становиться*

«глухарем» (*глухарь* – ‘преступление, которое нельзя раскрыть за отсутствием улик’ [http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_2443]) несет в себе устойчивый признак –*Контр* и отражает ситуацию, когда для доказательства какого-либо дела не хватает оснований. Однако эксплицитно выраженный риторический вопрос заставляет читателя сомневаться в данном действии. Благодаря этому, можно сделать вывод, что вся конструкция обладает противоположным признаком рассматриваемого криптотипа и контроль осуществляется Агенсом в позиции За кадром.

Хотя памятна история с t.A.T.и в 2003-м в Риге, когда неожиданно «оборвались» телефонные линии и по 12 баллов зрительского голосования от Англии и Ирландии не были засчитаны [МК 21.05.13, <http://www.mk.ru/politics/2013/05/21/857329-dozhdetsya-li-evrovidenie-svoey-bolotnoy.html>]. Основываясь на лексическом наполнении данной диктемы, видно, что ситуация характеризуется признаком неконтролируемости, на что также указывает постфикс –*ся*, несущий значение невольности осуществления. Только при обращении к экстралингвальным знаниям о «Евровидении» 2003-го года читатель может сделать вывод, что происходящее было под контролем руководства конкурса (Агенса, находящегося За кадром).

Еще один пример синтаксического синкретизма находим во фразе *Страх этот мешает говорить, а потому телевизор предпочитает по всякому поводу **петь** – просто так и соревнуясь в вокале, танцуя и катаясь на коньках* [ЛГ 26.12.12, <http://lib.rus.ec/b/411633/read>]. В результате олицетворения лексеме *телевизор* (‘телевизионный приемник, предназначенный для усиления и преобразования сигналов телевизионно-вещательной программы в изображение’ [МАС, т. 4, с. 347]) придают черты Агенса. Исходя же из контекста, реальный Агенс рассматриваемой диктемы (*управляющие телевизионными каналами*) остается За кадром.

Трансформации субъектно-объектных отношений тоже иногда связаны с синкретизмом. Так, в одной из статей читаем: *Стать инвалидом Лёше и его брату Андрею «помогли» врачи* [КП 14.11.12, <http://www.kp.by/daily/25984/2916077/>]. Приобретать инвалидность – действие, бесспорно, неконтролируемое, однако обладающее посессивностью, подразумевающей субъекта-носителя. В приведенном примере наблюдается парадоксальный процесс соединения в одном человеке/явлении (в данном случае Лёше и Андрее) одновременно функций субъекта и объекта, так как, если бы не совершенная врачебная ошибка, молодые люди остались физически здоровыми.

Другой пример рассмотренного явления в рамках одной лексемы наблюдаем во фразе *Чьи они, эти мильницы, дамская сумочка, бритвенный станок <...>? Лишь у единиц есть «имена», у каждого – своя судьба* [АиФ 10.05.13, <http://www.vlg.aif.ru/culture/art/70603>]. Данные предметы, принадлежавшие когда-то участникам ВОВ, с одной стороны, являются объектами при посессивных отношениях, а с другой – субъектами, так как уже они «рассказывают» (несут информацию) о судьбе своих хозяев.

В диктеме *Владеть домами и квартирами на чужих берегах депутаты себе после долгих споров «разрешили»* [МК 13.08.13, http://www.mk.ru/politics/article/2013/08/13/898489-mandat-ili-zhizn-kak-deputatyi-pryachut-dengi-za-granitsey.html?google_editors_picks=true] мы обнаруживаем еще одну иллюстрацию исследуемого феномена. Известно, что субъект действия (депутаты) контролирует любую ситуацию, и соответственно волен принимать то или иное решение. Однако предикат *разрешить* в значении ‘позволить что-либо сделать, дать разрешение’ [МАС, т. 3, с. 630] в сочетании с семантическим наполнением высказывания приводит к парадоксу, когда лексема *депутат* (‘лицо, избранное кем-либо и уполномоченное для выполнения каких-либо поручений, заданий и т. п.’ [МАС, т. 1, с. 388]) обладает переменчивым

признаком волевого начала. Отсюда можно сделать вывод о наличии синкретизма в рассматриваемом примере в рамках имени существительного: Субъект и Адресат действия совмещены в одном лице.

Один из заголовков статей гласит: *Как Путин сам себя перехитрил* [МК 18.11.12, <http://www.mk.ru/politics/2012/11/18/775667-kak-putin-sam-sebya-perehitril.html>]. Здесь наблюдается парадокс, когда признак +*Контр* предиката *перехитрил* в значении ‘превзойти кого-либо в хитрости, оказаться хитрее кого-либо’ [МАС, т. 3, с. 105] противоречит семантическому наполнению исследуемой фразы. Таким образом, речь идет о синкретизме двух признаков в одной лексеме: субъект действия, сам того не ожидая, перестает контролировать ситуацию и становится объектом.

Родо-видовые отношения тоже могут подвергаться парадоксальной трансформации в условиях языковой игры. Так, во фразе *Условно говоря, если раньше было понятно, что власть ворует, но может надавать любому по шапке, то теперь и президент – не начальник* [АиФ 22.02.12, <http://www.aif.ru/society/31229>] интерес представляют лексемы *власть* (‘органы государственного управления, правительство’ [МАС, т. 1, с. 184]) и *президент* (‘выбранный на определенный срок глава государства с республиканской формой правления’ [МАС, т. 3, с. 376]), которые в реальной ситуации взаимосвязаны как род и вид. Однако в контексте *власть* исключает *президента*, что приводит к семантическому парадоксу: изолированный субъект лишается волевого начала.

II. Криптотипный синкретизм наблюдается в диктее *И родственникам государственного мужа в этом случае пришлось бы собраться на семейный совет и решить, что им дороже: старший брат – министр или средний – бизнесмен. Потому что одну «дорогую Елену Николаевну» госбюджет еще выдержит, а когда их разведется чересчур много?* [ЛГ 26.12.12, <http://old.lgz.ru/article/20565/>]. В данной фразе находим отсылку к драматическому произведению Л. Разумовской

«Дорогая Елена Сергеевна», в котором повествуется об учительнице, владеющей экзаменационными билетами, и учениках, всячески пытающихся «заслужить» право доступа к ним. Этот факт позволяет нам выявить парадокс в том, что вся диктема обладает признаком \pm Сл. *Опр* (вместо первоначальной +*Опр*), а фразема «дорогая Елена Николаевна» оказывается представителем эталона интертекстуального прообраза.

В одной из статей читаем: *Будущих Чеховых (ведь Антон П. Чехов тоже был земским врачом) собираются удержатъ жильем, но и это не всегда срабатывает* [АиФ 22.02.12, <http://www.vlg.aif.ru/society/details/69199>]. С одной стороны, *Чехов* выступает здесь гиперонимом эталона *врач*, о чем свидетельствует употребление множественного числа вместо единственного. С другой стороны, рассматриваемая лексема, обладающая признаком $-$ *Опр*, в контексте парадоксально приобретает статус \pm Сл. *опр*, так как автор статьи, не имея в виду известного писателя А.П. Чехова, делает ссылку на определенные личностные качества писателя.

Сходное явление есть во фразах *Если по стране ездит 20 млн иномарок, число которых непрерывно растет, это покупают не Абрамовичи, а обычные люди* [АиФ 29.02.12 <http://www.aif.ru/society/31405>], где лексема *Абрамович* выступает гиперонимом эталона *богатство* и несет в себе не конкретную отсылку ко всем известному олигарху, а лишь к одному составляющему его жизни, и *Кузьминовщина по последствиях хуже, чем Лысенковщина. Лысенко был искренний фанатик, уничтоживший одну сферу. Сейчас же уничтожается вся система образования, без которой ни одна отрасль не выживет* [ЛГ 26.12.12, <http://www.lgz.ru/article/20598/>], где также наблюдается синкретизм криптотипов «определенность/неопределенность» и «эталонность» в лексеме *лысенковщина* (по аналогии с *кузьминовщиной* – о времени популярности

идей того или иного деятеля, где Я.И. Кузьминов – председатель комиссии по развитию образования Общественной палаты).

Диктема *Проблемы в национальных республиках – это, прежде всего, проблемы отношений местных элит с собственными народами. Легче всего переключить внимание на Центр, который даёт якобы мало денег, на «проклятых русских», из-за которых-де все беды* [ЛГ 27.11.13, <https://lgz.ru/article/2013-god/priruchenie-separatizma/>] иллюстрирует еще один пример рассматриваемого явления. Здесь вновь идет речь о синкретизме скрытых категорий: эталонности и определенности/неопределенности. С одной стороны, лексема *центр* является вариантом исследуемого эталона власти, а с другой – именно она позволяет определить референта действия – *представителей Кремля*. Также идет речь об эталоне *русского народа*, который актуализируется во фраземе «*проклятые русские*», несущей в себе представление о яркой черте менталитета русских – вечном недовольстве уровнем жизни в стране и правящей властью.

Подобная ситуация наблюдается в диктеме *Коррупционные скандалы в Америке возникают ровно тогда, когда это нужно определенным людям* [ЛГ 01.02.12, <http://old.lgz.ru/article/18164>]. В данном случае своеобразным гипонимом гиперонима *власти* оказывается сочетание *определенные люди*, которое, в свою очередь, обладает признаком слабой определенности (\pm *Опр*), демонстрирующей определенность для говорящего, но не для слушающего (Падучева, 2004а).

Еще один пример рассматриваемого феномена: *Всем участникам процесса стало очевидно, что ситуацию необходимо удерживать от скатывания к полной абсурдности. Но как? Выход подсказали люди из Центра* [МК 14.12.11, <http://volg.mk.ru/article/2011/12/14/652852-treti-okonchatelnyie-itogi-vyiborov.html>]. С одной стороны, перифраза *люди из Центра* является вариантом исследуемого эталона *власти*, а с другой – именно она в качестве эвфемизма позволяет определить референта действия – *представителей Кремля*.

Во фраземе *Но каждый раз этот курс чудесным образом **восстает из гроба** – только для того, **чтобы** вновь **быть похороненным** и даже **пронзенным** осиновым колом* [МК 08.08.13, <http://www.mk.ru/politics/world/article/2013/08/08/896673-obama-ne-priedet-nu-i-bog-s-nim.html>] можно наблюдать парадоксальное функционирование сразу двух криптотипов: предикатного и именного. Так, к первому здесь относится скрытая категория контролируемости. Конструкция сложноподчиненного предложения с придаточным цели характеризует все действие как контролируемое субъектом. Однако предикаты *быть похороненным, пронзенным* (от *пронзить* ‘проколов, проткнув, нанести кому-либо сквозную рану’ [МАС, т. 3, с. 506] и *хоронить* ‘закапывать в землю умершего, погребать’ [МАС, т. 4, с. 620]) несут в себе определительную функцию Пациенса, соответственно, придавая всему выражению признак неконтролируемости. И еще проявляется закадровая позиция Агенса, так как сам по себе *курс* (‘направление, основная установка’ [МАС, т. 2, с. 153]) восстать не может – к этому приложили руку депутаты, вновь поднявшие политический вопрос.

В одной из статей читаем: *Опять бедный Гиппократ **вертится пропеллером** в своем языческом гробу, едва ли не поминутно поминаемый в СМИ и на просторах Сети* [ЛГ 16.11.11, <http://read24.ru/fb2/literaturka-literaturnaya-gazeta-literaturnaya-gazeta--6346---45-2011/>]. Значение предиката *вертеться* (‘совершать круговые движения, вращаться, кружиться’ [МАС, т. 1, с. 153]) несет в себе признак «+контроль» и представляет в качестве субъекта называемого действия *Гиппократа*. Но лингвальная пресуппозиция отсылает читателя к известному фразеологизму *в гробу перевернулся бы (или перевернется)* со значением ‘о чем-либо что противоречило бы взглядам, установкам умершего, что вызвало бы его негодование, гнев и т. п.’ [МАС, т. 3, с. 50]. Таким образом, Гиппократ в данном случае выступает квази-Агенсом, реальным же субъектом действия оказываются СМИ и Сеть (Интернет), при этом само предложение не может быть преобразовано в

инфинитивное (с изменением стилистической окраски и привнесением смысла «интенсивного и внезапного приступа к действию»), так как описывает неактивное действие.

III. Под лексико-семантическим синкретизмом мы подразумеваем совмещение двух лексических значений или лексического и фразеологического значений. Так, один пример находим в заголовке **Картинный жест не удался** [МК 12.11.12, <http://www.mk.ru/daily/newspaper/article/2012/11/12/773049-kartinnyiy-zhest-ne-udalsya.html>], который в отрыве от контекста обладает признаком \pm Сл. *опр*, на что указывает переносное значение лексемы *картинный* («производящий впечатление своей внешней красотой, красотью» [МАС, т. 2, с. 35]. Парадокс в данном случае заключается в том, что, обратившись к содержанию статьи, речь в которой идет о возвращении картин в музей, рассматриваемый пример может быть переосмыслен, проявляется признак $+$ Опр, и на первый план выходит основное значение имени прилагательного, образованного непосредственно от существительного *картина* («только по ф. прил. к *картина* (в 1 знач.): произведение живописи в красках на куске холста, доске, листе бумаги» [МАС, т. 2, с. 35]).

Идентичные преобразования обнаруживаем во фразе *Нужно только знать в лицо объект охоты. Плюс к этому самые «динозавровые места»* [АиФ 25.10.12, <http://www.vlg.aif.ru/society/details/69980>], где одновременно актуализируются два значения лексемы *динозавровый*, образованных от разных лексико-семантических вариантов слова *динозавр*: «род вымерших пресмыкающихся огромных размеров (жили в мезозойскую эру)» [МАС, т. 1, с. 400] и «человек ветхозаветных взглядов с устаревшими понятиями о долге, чести, морали» [Ожегов, Шведова, 2003, с. 166].

В одной из статей читаем: **Вера – продукт для внутреннего употребления** [КП 02.02.12, <http://www.kp.ru/daily/25828.3/2803836/>]. В данном примере наблюдается криптотипный и лексико-семантический синкретизм. Так, безотносительно к содержанию статьи заголовков может

быть интерпретирован, исходя из значения лексемы *вера* – ‘состояния сознания, связанное с признанием существования бога, убеждения в реальном существовании чего-либо сверхъестественного’ [МАС, т. 1, с. 149]: вера чаще всего охватывает ограниченный круг людей, редко распространяясь на другие сообщества. И в данном случае рассматриваемая лексема имеет признак неопределенности (-Опр), так как не определен объект веры. Но при обращении к контексту, в котором говорится о сходствах и различиях певиц Шакиры и Веры Брежневой, происходит изменение признака на противоположный, а соответственно, происходит «овеществление» певицы благодаря сравнению ее с *продуктом* (‘порождение, следствие, результат чего-либо’ [МАС, т. 3, с. 482]) и в рамках статьи она приобретает статус Пациенса, что можно рассматривать как семантический парадокс.

Парадоксальным оказывается и пример, в котором в лексическом наполнении одновременно совмещены два взаимоисключающих признака крипто типа определенности (-Опр и \pm Опр): *Представьте себе, что в какой-нибудь большой больнице работает некий известный авторитетный врач, у которого на операционном столе раз за разом умирают пациенты* [МК 21.08.13 <http://volg.mk.ru/article/2013/08/21/902827-obskandalilis.html>]. Так, местоимение *какой-нибудь* по мнению Е.В. Падучевой несет в себе оттенок неопределенности, тогда как *некий* относится к слабоопределенной ИГ, когда реальный субъект известен автору, но не читателю. При этом в данном случае можно наблюдать градацию признака определенности, так как лексемы *известный* и *авторитетный* указывают на особенности конкретного человека, позволяя читателю сделать догадки относительно его личности.

В заголовке *Приручение сепаратизма* [ЛГ 27.11.13, <http://lgz.ru/article/-47-6440-27-11-2013/priruchenie-separatizma/>] мы обнаруживаем парадокс столкновения противоположных полюсов признака контролируемости двух лексем. Так, *приручение* в значении ‘действие по

знач. глаг. приручить — приручать и приручиться — приручаться: Приучить к исполнению воли людей, сделать ручным, послушным' [МАС, т. 3, с. 438] несет в себе устойчивый признак «+контроль», в то время как *сепаратизм* обладает прямо противоположным ('стремление к отделению, обособлению от кого-, чего-либо' [МАС, т. 4, с. 78]). Таким образом, исходя из контекста статьи, «+контроль» оказывается доминирующим, а вся фраза приобретает смысл полностью контролируемого процесса.

Как показывают наши наблюдения, в языковой игре чаще встречается парадокс при синтаксическом синкретизме (158 диктем). В нем отмечается процесс обыгрывания таких категорий, как агентивность и пациентивность, где Агенс занимает позицию За кадром, парадоксально меняя для всей диктемы устойчивый признак *-Контр* на противоположный. Менее частотным оказывается процесс совмещения в одном предмете/явлении функций субъекта и объекта действия, а также парадоксальная трансформация гипогиперонимических отношений с исключением того или иного компонента из системы.

Для криптотипного синкретизма (134 диктемы) характерна взаимосвязь категорий 'определенность/неопределенность' и 'эталонность', что возможно при влиянии имеющегося эталона на градацию признака *-Опр* до \pm *Сл. Опр*.

При рассмотрении лексико-семантического синкретизма (108 диктем) нами выделен парадокс, связанный с изменением признака определенности в рамках одной фразы, как правило от *-Опр* к *+Опр*, чему способствует явление полисемии. В некоторых случаях наблюдается появление у идиомы антифрастического значения.

2.5. Расхождение семантики и прагматики высказывания в ходе формирования семантико-стилевых парадоксов

Семантика ориентирована на изучение связей языковых знаков и знаковых конструкций с внешним миром и с множеством его образов в

сознании – концептов и концептуальных сетей – в отвлечении от факторов коммуникативного взаимодействия в определенном социоэтнокультурном контексте. Исследованием особенностей употребления лексем в противоположном направлении – с учетом контекстов речевого общения – занимается прагматика. Традиционно, когда говорят о прагматическом значении или компонентах значения слова, имеют в виду его эмоционально-оценочные компоненты. Данный раздел науки о языке привлекают личностные, социальные и этнокультурные факторы, отношения между соучастниками коммуникативного взаимодействия, их целевые установки и оценки обсуждаемых жизненных ситуаций, особенности их речевого поведения, эмоционально-экспрессивные составляющие слов, речевых актов и дискурсов, воздействие времени и места на построение высказываний и другие обстоятельства [см. об этом: Шацкая, 2010, с. 104].

Таким образом, значение в прагматике связано с говорящим или использующим язык, в то время как в семантике оно определяется как свойство языкового выражения.

При рассмотрении противопоставления семантики и прагматики необходимо отметить, что семантические толкования формальны: они зафиксированы в словарях в виде обобщенных дефиниций того или иного значения слова. Прагматические – напротив, функциональны, так как отражают реальное функционирование лексической единицы в тексте. Отсюда следует, что значение лексемы невозможно рассматривать в отрыве от прагматики, ее речевого употребления. При этом ведущими компонентами прагматического значения оказываются оценочный, эмотивный, компоненты социального статуса, свидетельствующие о профессиональной принадлежности коммуникантов, а также включающие культурные и исторические аспекты, входящие в плоскость широкого контекста.

Так, В.В. Богданов [Богданов, 2007, с. 205] к числу человеческих признаков, определяющих характер вербальных коммуникаций, относит следующие: языковая компетенция; национальная принадлежность;

социально-культурный статус; биологические данные; психологический тип; текущее психологическое состояние; степень знакомства коммуникантов; устойчивые вкусы, пристрастия, привычки; внешний вид.

Для нашего исследования оказываются актуальными языковая компетенция, социально-культурный статус, психологический тип и текущее психологическое состояние. При этом определяющим является первый признак, так как именно он позволяет говорить о ЯИ как об условии функционирования криптотипов.

По мнению В.В. Богданова, лингвистическая прагматика учитывает влияние контекста на используемые в процессе общения языковые средства (лексемы) [см. об этом: Богданов, 2007, с. 138], где к *контексту* он относит лингвистические и экстралингвистические условия и уровень лингвистических и энциклопедических знаний коммуникантов.

Как известно, в лингвистической прагматике сложилось несколько направлений: учение о речевых актах, учение о правилах и конвенциях, учение о характере знаний и информационных потребностей. Для нашего исследования актуальны первые два направления.

Важность учения о речевых актах (далее - РА) обусловлена наличием косвенных речевых актов, (далее - КРА) предполагающих имплицитную выраженность истинного коммуникативного намерения говорящего [Маслова, 2008, с. 62]. Н.И. Формановская (Формановская, 2002) выделяет следующие виды названного выше явления: конвенциональные косвенные речевые акты и контекстуально-ситуативные (последнее наиболее частотные в публицистике).

В учение о правилах и конвенциях входят правила организации дискурса, а именно: 1) принцип перерабатываемости, который упорядочивает текст в соответствии с целями его более простого декодирования со стороны читателя; 2) принцип ясности, исключающий неоднозначность и не допускающий линейного разрыва семантически связанных компонентов; 3) принцип экономии, обеспечивающий оптимальный объем текста без утраты

ясности; 4) принцип выразительности, обеспечивающий реализацию эстетических особенностей текста [Богданов, 2007, с. 141]. Именно сознательное нарушение этих принципов приводит к возникновению ЯИ на основе семантики и прагматики.

Нами было выявлено, что отмеченные выше аспекты значения слова, как правило, дополняют друг друга, однако такое явление не является обязательным условием для возникновения языковой игры. И всё же на страницах СМИ присутствуют случаи расхождения прагматики и семантики, приводящие к парадоксу в рамках обозначенного выше лингвального феномена.

Наибольшее распространение на газетной полосе получило рассогласование при рассмотрении классифицирующих крипто типов «контролируемость/неконтролируемость», «агентивность/неагентивность».

Ярким примером может послужить следующая диктема: *Никто не собираетс я отнимать у нас Сибирь и Дальний Восток. Мы теряем их сами* [АиФ 21.08.13, <http://www.aif.ru/society/46153>]. В данной случае предикат *терять* ('оставаться без кого-, чего-либо, переставать обладать кем-, чем-либо, лишаться, утрачивать' [МАС, т. 4, с. 360]) несет в себе устойчивый признак неконтролируемости, отраженный в семантике. Однако при обращении к прагматической стороне, контексту и экстралингвальным знаниям о внутр иполитическом положении в стране, он меняется на противоположный – страна сознательно совершает этот процесс. Исходя из вышесказанного, становится ясно, что речь идет о контекстуально-ситуативном РА с нарушением принципа ясности.

Часто встречаются случаи, когда семантическое наполнение фразы не заставляет сомневаться в отсутствии признака +*Контр* не только у предиката, но и у всего выражения, что определяется характерными семами в значениях. И лишь при обращении к контексту читатель обнаруживает обратную ситуацию, которая характеризуется контролируемостью, что противоречит принципу ясности. Описанное явление иллюстрируют

следующие диктемы: *16 человек умудрились «ошибиться» более чем на миллион рублей* [АиФ 30.11.11, <http://www.aif.ru/money/dontknow/7519>], *Действительно, спасибо, что написали. Потому что многие производители честностью не отличаются. И либо «забывают» упомянуть о пальмовом масле, либо скромно пишут на этикетке «растительные жиры»* [ЭГ 16.01.12, <http://wap.eg.ru/4eace75e5e3b8/index.php?aid=2600645&cases=archive&d=20120117&m=201205&pa=1&pd=1&pm=2&vid=2330961&view=xhtml>].

Предикаты *ошибиться* ('допустить ошибку' [МАС, т. 2, с. 735]) и *забыть* ('перестать помнить, утратить воспоминания о ком-, чем-либо' [МАС, т. 1, с. 498]) получают контекстуальные антонимы с прагматическим значением намеренности совершаемого действия.

После блестящей победы над сборной Чехии наша команда провалила матчи с поляками и греками и сумела не пробиться в четвертьфинал [КП 21.06.12, <http://www.kp.ru/daily/25903.3/2860058>]. В данной диктеме мы наблюдаем парадокс функционирования крипто типа «контролируемость/неконтролируемость», что отражено в сочетании двух предикатов, содержащих в себе его противоположные признаки. Так, *суметь* в значении 'оказаться достаточно умелым для чего-либо, смочь сделать что-либо' [МАС, т. 4, с. 306] обладает устойчивой характеристикой +*Контр*, тогда как *не пробиться* ('преодолевая препятствия, пройти, прорваться сквозь что-либо, куда-либо' [МАС, т. 3, с. 463]) подразумевает случайность произошедшего. С точки зрения законов семантики, исследуемые лексемы не могут выступать в составе одного глагольного сказуемого, и это противоречит принципу перерабатываемости. Однако косвенные РА допускают данный феномен, что приводит к возникновению ЯИ с нарушением принципа ясности. Вся фраза в итоге приобретает признак контролируемости благодаря тому, что он присущ глаголу, занимающему главную позицию в составном глагольном сказуемом.

Сходный феномен перехода рассмотренного выше крипто типа обнаруживаем в следующих диктемах: *При такой жизни человек просто*

обязан *подвинуется* *рассудком* [МК 06.09.12, <http://www.mk.ru/politics/article/2012/09/06/745374-skolko-psihov-sredi-chinovnikov.html>] и *Похоже пора отучаться думать* [МК 12.03.12, <http://www.mk.ru/politics/russia/article/2012/03/12/680609-pokushenie-na-pokushenie.html>]. В первом случае процесс потери рассудка, являющийся неконтролируемым, парадоксально приобретает противоположный признак в результате сочетания его с предикатом *обязан* ('имеющий что-либо своей обязанностью, долгом' [МАС, т. 2, с. 582]) в составном глагольном сказуемом. Во втором высказывании главную позицию в составном сказуемого занимает предикат *отучаться* ('заставить себя отвыкнуть от чего-либо' [МАС, т. 2, с. 719]), имеющий устойчивый признак +*Контр.* Именно под его влиянием глагол *думать* в значении 'размышлять, предаваться раздумью' [МАС, т. 1, с. 452] лишается оттенка неконтролируемости, как и вся фраза. В этих фразах, как и в предыдущих, основой для данного парадокса послужило расхождение семантики и прагматики.

В одной из статей, посвященных выгодному страхованию квартир, читаем: *Причем застраховать свою ответственность могут не только собственники квартиры, но и те, кто проживает в них на правах аренды* [АиФ 17.05.11, <http://www.aif.ru/money/24723>]. В контексте аномальной является актуализация семантики глагольной лексемы *застраховать* в сочетании с прямым дополнением *ответственность* (что отражено в прагматической стороне): для реализации компонента «+контроль» используется несогласование двух значений – 'подвергнуть страхованию' (*кого-что, имущество, жизнь, дом от пожара, дачу, машину*) [МАС, т. 1, с. 577] и 'обязанность, необходимость давать отчет в своих действиях, поступках и т.п. и отвечать за их возможные последствия, за результат чего-либо' [МАС, т. 2, с. 668]. Страхование так или иначе связано с тем, что ситуация по возмещению убытков находится под контролем специальной организации. Всё это

рассогласуется с семами лексемы *ответственность* ('отчет в своих действиях, обязанность отвечать'), так как они предполагают самоконтроль человека.

Напомним, что нескольким парламентариям, имевшим наглость иметь собственное мнение, перекрыли предусмотренное законом финансирование [МК 23.03.11, <http://volg.mk.ru/article/2011/03/23/574966-temperatura-po-palate-sorok-gradusov.html>]. Появление компонента «+ контроль» в данном случае связано с комбинацией противоположных компонентов в пределах одной синтагмы: семы предиката *иметь* с противоположными экстралингвальными оценками. Так, конструкция «иметь + существительное *мнение*» обычно используется для передачи информации о том, что описываемое качество составляет особое достоинство субъекта, входит в арсенал средств, которые составляют его преимущества [Селиверстова, 2004, с. 154]. Однако сочетание ее с выражением *иметь наглость*, выражающим отрицательную экстралингвальную оценку, приводит к семантическому рассогласованию (наличию в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений [Гак, 1998, с. 285]). Это свидетельствует о нарушении принципов выразительности и экономии учения о правилах и конвенциях.

Другой пример расхождения семантики и прагматики со значением невольности осуществления находим во фразе *Появилось немало представителей среднего класса, перед которыми маячит реальная угроза быть выпихнутыми из этого самого класса* [ЛГ 02.11.11, http://www.lgz.ru/article/N43--6343---2011-11-02-/Ch%D0%B5go-hoch%D0%B5tsr%D0%B5dniy-am%D0%B5rikan%D0%B5ts_17511/]. В данном случае аномальность наблюдается в том, что Агенс (представители среднего класса) оказывается лишенным одного из своих главных качеств – способности контролировать ситуацию – и превращается, таким образом, в Пациенс. Неконтролируемый процесс *появиться* теряет какую-либо отнесенность к признаку '+/- контроль', так как средний класс подвергается воздействию неопределенной силы, уничтожающей его.

Еще один яркий пример контекстуально-ситуативного КРА с нарушением принципа ясности находим в диктете *Между прочим к этому уникальному достижению «приложили руку» и наши футболисты* [КП 10.01.13, с. 9]. Здесь также наблюдается лексико-семантический парадокс, заключенный в том, что идиома *приложить руку* ('тщательно заняться кем-, чем-либо; вложить труд во что-либо' [БАС, т. 12, 1532]) приобретает антифрастическое значение при обращении к контексту и экстралингвальным знаниям, характеризуемое признаком –*Контр*.

Парадокс при расхождении семантики и прагматики часто наблюдается в нарушении распределения функций Агенса и Пациенса и признака контролируемости действия. Так, в примере *Где «потерялись» новые правила предоставления коммунальных услуг* [КП 09.02.12, <http://www.kp.ru/daily/25832.3/2806522/>] предикат *потеряться* ('пропадать, исчезать (о чем-либо забытом, оставленном, оброненном)' [МАС, с. 360]) в сочетании с неодушевленной лексемой *правила* несет в себе устойчивый признак неконтролируемости. Однако в статье автор намекает на то, что названное действие находится под контролем представителей коммунальных услуг – Агенса, который находится За кадром. Переносность значения в данной конструкции определяется только прагматической стороной.

В другой статье читаем: *Предприятия уходят в частные руки* [АИФ 27.11.13, <http://www.vlg.aif.ru/society/details/1031698>]. Исходя из значения предиката *уходить* (от *уйти* 'покинуть какое-либо место, чье-либо общество, удалиться, отправиться куда-либо' [МАС, т. 4, с. 477]), можно заключить, что он обладает устойчивым признаком контролируемости. Однако при сочетании его с лексемой *предприятие* ('производственная или торговая хозяйственная единица или объединение нескольких таких единиц' [МАС, т. 3, с. 370]), несущей признак Пациенса, наблюдается парадокс, а реальный Агенс – власть – остается За кадром.

Итак, наши исследования показали частотность употребления в публицистическом тексте косвенных речевых актов контекстуально-ситуативной разновидности (150 примеров), что подтверждает большое влияние именно экстралингвальных знаний коммуникантов на результаты декодирования информации и адекватную ее расшифровку. Столкновение прагматики и семантики наблюдается, как правило, при парадоксах таких криптотипов, как ‘агентивность/ неагентивность’ (75 примеров) и ‘контролируемость/ неконтролируемость’ (52 примера), и ведет за собой нарушение принципов учения о правилах и конвенциях. Нами были отмечены противоречия всем четырем принципам: ясности (86), перерабатываемости (65 диктем), выразительности (38 диктем) и экономии (24 диктемы).

Выводы

По данным наших наблюдений, чаще всего трансформациям в условиях языковой игры подвергаются криптотипы ‘контролируемости/ неконтролируемости’, ‘актуальности/ неактуальности’ предиката, ‘определенности /неопределенности’, ‘эталонности’, ‘агентивности/ неагентивности’ именных групп.

Следует отметить, что в аномальных условиях изученные нами криптотипы ‘контролируемости/ неконтролируемости’, ‘актуальности/ неактуальности’, ‘определенности/ неопределенности’, ‘агентивности/ неагентивности’ меняют свою характеристику на противоположную. При этом в лексемах наблюдается процесс редукции сем, отвечающих за категориальный признак. Это явление несет спонтанный характер и в большинстве случаев связано с противоречием между лингвистической и экстралингвистической пресуппозициями.

В ходе трансформации категорий контролируемости и определенности отмечается еще и процесс приращения сем к семеме некоторых слов.

Языковая игра способствует развитию разных видов синкретизма. Нами были выделены следующие типы:

1) синтаксический синкретизм, в котором часто наблюдается в нарушении распределения функций Агенса и Пациенса и признака контролируемости действия в родо-видовых отношениях;

2) криптотипный синкретизм, проявляющий себя в столкновении нескольких криптотипов в рамках одной диктемы;

3) лексико-семантический синкретизм, под которым подразумевается совмещение двух лексических значений или лексического и фразеологического значений.

Таким образом, можно говорить о двух видах парадоксов, которые присущи всем скрытым категориям, описанным нами:

1) парадоксальный антагонизм, заключающий в себе актуализацию противоположного семантического признака, расходящегося с изначально заложенной в криптотипе узуальной информацией;

2) парадоксальный синкретизм, подразумевающий одновременное сочетание как двух криптотипов, так и двух актантных или лексико-семантических характеристик слова или сочетания слов.

Для каждого криптотипа есть и специфические черты. Скрытые категории контролируемости и эталонности проявляются как через семантические признаки слов, так и через словообразовательные. Кроме того, контролируемость характеризуют семантические показатели, сопровождающиеся редукцией или приращением сем в словах, и словообразовательные – наличие постфикса *-ся*, отвечающего за значение невольности осуществления.

Криптотип эталонности в ходе образования использует деривационную базу производящего слова (в основном корневую морфему), но смысловая нагрузка ее опирается не на лингвальную, а внелингвальную информацию. Таким образом, в условиях языковой игры эталонность актуализируется прежде всего через ономастическую семантику мотивирующего слова с опорой на фоновые знания.

Для категории актуальности возникновению семантико-стилевого парадокса способствуют противоречия в модально-временном плане, а также расхождение в грамматическом и семантическом времени. Маркёрами на синтаксическом уровне являются различные лексические распространители и служебные слова (частицы и союзы).

В качестве актуализаторов категории определенности выступают местоимения на *-то* и *некий, наш, этот, кто, никто, ничем*. А также для этого криптотипа существенным фактором для возникновения парадоксов являются нетипичные синтагматические условия, ведущие к формированию перифраз и окказиональных словосочетаний.

Ведущим признаком проявления скрытой категории агентивности является то, что она никогда не выступает самостоятельно, а только в совокупности с другими криптотипами ('агентивность' + 'воля' + 'личность'; 'агентивность' + 'контролируемость' + 'воля'; 'агентивность' + 'контролируемость'; 'агентивность' + 'определенность').

Стоит отметить, что при описании трансформаций скрытых категорий, которые способствуют появлению парадоксов, следует учитывать и прагматическую сторону высказывания, так как она сталкивается с его семантической составляющей. Скрытая авторская интенция, заключенная в косвенных речевых актах, влияет на парадоксы криптотипов 'агентивность/неагентивность' и 'контролируемость/неконтролируемость'. На это же влияет противоречие принципам ясности, перерабатываемости, выразительности и экономии.

Заключение

Исследование семантических парадоксов скрытых категорий, возникающих в языковой игре на газетной полосе, позволяет сделать следующие выводы.

Трансформации криптотипов в аномальных условиях наблюдались в рамках публицистического текста, характеризующегося такими основными функциями как воздействующая и информативная. Последняя проявлялась, в свою очередь, через авторскую концепцию «частного человека», рассматривающего события действительности с субъективной стороны.

Подвижность публицистического стиля позволяет преобразовывать элементы других стилей, часто нарушая законы логики и языка, что оказывается возможным благодаря использованию языковой игры в качестве одного из ведущих средств привлечения внимания. Этот лингвальный феномен проявляется через эксплицитный и/или имплицитный план содержания текста. Для первого характерно насыщение различными образными и выразительными средствами, синтагматическими трансформациями, игрой на полисемантах и др. Имплицитная сторона, включающая пресуппозиционные смыслы, скрытые категории и пр., – благодатная почва для возникновения различных аномалий, которые являются неотъемлемой составляющей языковой игры, и, соответственно, одной из причин порождения парадоксов.

В данном диссертационном исследовании внимание было обращено, прежде всего, на лингвистические парадоксы. Среди них нами была выделена особая группа стилистически обусловленных парадоксов, отражающих мнение, суждение, расходящееся с общепринятым и противоречащее здравому смыслу, возникающее в определенных контекстуально-стилистических условиях в результате столкновения понятийного объема языковой единицы (лексемы, синтаксемы и др.) с экстралингвальной пресуппозицией. Частными представителями этой группы парадоксов являются художественный и публицистический (впервые

отмечен нами). Основными чертами публицистического парадокса являются противоречивость, наличие эксплицитно выраженных или имплицитно подразумеваемых, противопоставляемых друг другу точек зрения, неожиданный подход к трактовке привычного явления, столкновение реальности как объективно подаваемого фрагмента действительности с реальностью «глазами журналиста/других людей» и/или возможностью, сочетание двух типов информации (лингвальной и внелингвальной).

На газетной полосе чаще всего трансформируются скрытые категории ‘контролируемости/ неконтролируемости’, ‘актуальности/ неактуальности’, ‘определенности/ неопределенности’, ‘агентивности/ неагентивности’, эталонности. В ходе этих преобразований во всех криптотипах возникают:

- 1) парадоксальный антагонизм;
- 2) парадоксальный синкретизм.

Парадоксальный антагонизм проявляется в смене исходного семантического признака на противоположный в пределах одной диктемы (например, контролируемость, присущая предикату, в аномальных условиях контекста переходит в неконтролируемость или наоборот).

Парадоксальный имплицитный синкретизм, подразумевающий совмещение семантики двух и более языковых единиц в одном текстовом представителе, присутствует на газетной полосе в следующих разновидностях:

- 1) синтаксический синкретизм, в котором часто наблюдается в нарушении распределения функций Агенса и Пациенса и признака контролируемости действия в родо-видовых отношениях;
- 2) криптотипный синкретизм, проявляющий себя в столкновении нескольких криптотипов в рамках одной диктемы;
- 3) лексико-семантический синкретизм, под которым подразумевается совмещение двух лексических значений или лексического и фразеологического значений.

Кроме того, специфику формирования парадоксов в ходе трансформаций каждого отдельного криптотипа могут представлять семные преобразования (приращения или редукция), неодинаковое использование лексических и словообразовательных средств-маркёров, противоречия на грамматическом уровне предложения (модально-временной план предложения, окказиональная синтагматика) и др.

На наш взгляд, при описании парадоксов скрытых категорий важным является и учет прагматической стороны высказывания, так как она в совокупности с семантической способствует отражению скрытой авторской интенции, заключенной в косвенных речевых актах, и особенно влияет на парадоксы криптотипов 'агентивность/ неагентивность' и 'контролируемость/ неконтролируемость'. Помимо этого, противоречие принципам ясности, перерабатываемости, выразительности и экономии также ведет к возникновению различных публицистических парадоксов.

Намечаются перспективы дальнейшего исследования, которые заключаются в более глубоком вскрытии механизмов порождения лингвистических парадоксов скрытых категорий в текстах разной стилевой отнесенности; определении свода специфических признаков для каждого типа парадоксов; описании ведущих критериев, на которые лингвист-исследователь будет опираться при проведении комплексного анализа стилистически обусловленных парадоксов.

Список использованной литературы

1. Алифиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005.
2. Апресян Ю.Д. Трансформационный метод // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 519–520.
3. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования. Памяти акад. Степанова Г.В. (1919 – 1986) / под ред. Д.С. Лихачева. – М.; Л.: Наука, 1990. – С. 50–71.
4. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. М.: Школа "Языки русской культуры", 1995. – 766 с.
5. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83–91.
6. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1973. – Т. 32. – № 1. – С. 84–89.
7. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
8. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Ин-т языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1990. – С. 3–9.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 869 с.
10. Байиф Ж.К. Логические задачи. М., 1983.
11. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 455 с.
13. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: УРСС, 2002. – 448 с.

14. Береговская Э.М. Принципы организации текста как игровой момент // Русская филология: Уч. зап. Смоленского гос. пед. ун-та / сост. и ред. О.А. Левченко, М.Л. Рогацкина. – Смоленск: СГПУ, 1999а. – 312 с.
15. Береговская Э.М. Специфика палиндрома как формы языковой игры // Филологические науки. – 1999б. – № 5. – С. 55–64.
16. Берестнев Г.И. И да, и нет: стратегия парадокса // Логический анализ языка: Ассерция и негация / Ин-т языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2009. – С. 330–341.
17. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 57–67.
18. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 280 с.
19. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. – М.: Наука, 1985. – 174 с.
20. Бодуэн де Куртэне И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Том 2. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. — 391 с.
21. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
22. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978. – 175 с.
23. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – 358 с. – С. 320–355.
24. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – С. 94–107.
25. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 437–477.

26. Валгина Н.С. Функциональные стили русского языка: Уч. Пособие. М., 1994.
27. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. — М.: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. — 210 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/26.htm> (дата обращения: 17.11.12).
28. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. — М.: Логос, 2003. — 304 с.
29. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.
30. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1973.
31. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. — 240 с.
32. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.
33. Витгенштейн Л. Философские работы. — М.: Гнозис, 1994. — 612 с.
34. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. — М.: МГУ, 2000. — 502 с.
35. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики-1972. — М.: Наука, 1973. — С. 349–372.
36. Гак В.Г. Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
37. Головин Б.Н. Введение в языкознание. — М.: Высшая школа, 1983. — 231 с.
38. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. — Л.: Просвещение, 1971. — 270 с.
39. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. — М.: Флинта, 1997. — 224 с.

40. Горшков А.И. Русская стилистика: учеб пособие. – М.: Астрель., 2001. – 367 с.
41. Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1996а. – 566 с.
42. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996б. – 214 с.
43. Декатова К.И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка: Когнитивно-семиологический аспект исследования. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 216 с.
44. Дёмина Л.А. Парадоксы нерепрезентативности // Логический анализ языка. Избранное 1988 – 1995. – М., 2003
45. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания – 1983а. – № 6. – С. 58–67.
46. Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1983б. – Т. 42. – № 4. – С. 320–329.
47. Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 206 с.
48. Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 193–270.
49. Демьянков В.З. О техниках понимания имплицитности речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: Материалы международной научной конференции 15 – 17 сентября 2005 г., Калининград – Светлогорск. / Под ред. С. С. Ваулиной. Калининград: Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2006. – С.34–52.
50. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 32–47.

51. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
52. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: URSS, 2007. – 307 с.
53. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992. – 221 с
54. Земская Е.А., Китайгородова М.В., Розанова Н.Н. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – С. 5–44.
55. Зимбули А.Е. Парадоксы, парадоксы...// Школа мысли. № 3. 2003.
56. Ивин А.А. По законам логика. М., 1983.
57. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ: дис. ... д-ра. филол. наук. – Ростов н/Д, 2002. – 432 с.
58. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М.: Флинта, 2009. – 296 с.
59. Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 200 с.
60. Исаева Л.В. Языковая игра в поликодовом рекламном тексте : автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Тверь, 2010. – 161 с.
61. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. II. – С. 85–93.
62. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 112 с.
63. Качалова И.Н. Оценочная функция языковой игры в дискурсе СМИ : автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – М., 2010. – 25 с.
64. Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля//Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб

пособие / Под ред. М.Н. Володиной. – М., 2003. – 289 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/01.htm> (дата обращения: 20.04.13).

65. Кобозева И.М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста: Сб. научн. тр. / ИЯ АН СССР / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1990. – С. 125–147.

66. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.

67. Кобозева И. Скрытая именная категория эталонности и эталоны формы в русском языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2010. — № 6. – С. 31-39.

68. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста: Сб. научн. тр. / ИЯ АН СССР / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1990. – С. 194–224.

69. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: Учебник для студентов пед. ин-тов. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Просвещение, 1993.

70. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: КомКнига, 2005. – 176 с.

71. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: ЛКИ, 2007. – 152 с.

72. Колядко Л.Г. Об имплицитном характере высказывания // Грамматика, лексикология и стилистика романских и германских языков: сб. науч. ст. – Минск: Мин. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1980. – С. 33–41.

73. Кондаков Н. И. Логический словарь / Горский Д.П. – М.: Наука, 1971. – 656 с.

74. Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи: монография. – Владивосток: ВГУЭС, 2008. – 196 с.

75. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 268 с.

76. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 320 с.
77. Кронгауз М.А. Семантика: учебник. – М.: Издат. центр «Академия», 2005. – 352 с.
78. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. – 232 с.
79. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 1998. – 847 с.
80. Куайн У.О. Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – Вып. XIII. Логика и лингвистика. – С. 87–108.
81. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1991. – С. 85–91.
82. Кубрякова Е.С. О реализации значений слова в дискурсе // Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – 640 с.
83. Кукушкина А.Т. К вопросу о языковой импликации // Учен. зап. Горьков. Пед. ин-та иностран. яз. им. Н.А. Добролюбова. Горький, 1968. Вып. 38. С. 83–141.
84. Лакофф Дж. О порождающей семантике // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981б. – Вып. X: Лингвистическая семантика. – С. 302–349.
85. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
86. Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 392–419

87. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты): монография. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 160 с.

88. Лисоченко Л.В., Лисоченко О.В. Языковая игра на газетной полосе / Эстетика и поэтика языкового творчества: Межвуз. сб. науч. тр. / К 95-летию со дня рождения М.А. Шолохова / отв. ред. Л.В. Лисоченко. – Таганрог: Таганрог. гос. пед. ин-т, 2000. – С. 128–141.

89. Лук А.Н. Юмор, остроумие, творчество. – М.: Искусство, 1977. – 183 с.

90. Марьянчик В.А. Аксиологическая структура медиа-политического текста: лингвостилистический аспект: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Марьянчик Виктория Анатольевна; [Место защиты: Сев. (Арктический) федер. ун-т]. - Архангельск, 2013. – 38 с.

91. Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. – М.: Иностран. лит-ра, 1962. – С. 7–35.

92. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 152 с.

93. Медынская В.Л. Об имплицитных структурах, выражающих некоторые синтаксические категории в русском языке // Филологические науки. – 1971. – № 3. – С. 38–45.

94. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Мир, 1979. – 150 с.

95. Моррис Ч. Основания теории знака // Семиотика. М., 1983. С. 37 – 89.

96. Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки. Типология, деривация, функционирование // Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1989. – С. 5–13.

97. Нестерова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2001. – 18 с.
98. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учебник. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
99. Нухов С.Ж. Языковая игра в словообразовании (на материале лексики англ. яз.): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1997. – 372 с.
100. Орехова О.М. Функционирование криптотипов в теории языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 145–148.
101. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Б.Ю. Городецкий. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 76–86.
102. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Едиториал УРСС, 2004а. – 288 с.
103. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004б. – 608 с.
104. Панина М.А. Комическое и языковые средства его выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 20 с.
105. Панина, Н.А. Имплицитность языкового выражения и ее типы Текст. / Н.А. Панина // Сб. научн. тр. КГУ, 1979. – С. 48–59.
106. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Гос. учеб.-педагогич. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. – 511 с.
107. Потемня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 623 с.
108. Почепцов Г.Г. Язык и юмор. – Киев: Вища школа, 1976. – 112 с.
109. Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин: КГУ, 1981. – С. 52–59.
110. Радбиль Т.Б. Норма и аномальность в парадигме «реальность – тест» // Филологические науки. – 2005. – № 1. С. 53–63.

111. Радбиль Т.Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса // Филологические науки. – 2006. – № 6. – С. 50–58.
112. Радбиль Т.Б. Норма как аномалия // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского, – Н., 2007. – № 3. С. 229–233.
113. Разлогова Е.Э. Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов. – М.: МГУ, 2004. – 199 с.
114. Рахимкулова Г.Ф. Олакрез Нарцисса: Проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 320 с.
115. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М., 1974. – 341 с.
116. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 488 с.
117. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
118. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
119. Сафронова Т.И. Особенности функционирования языковой игры в российской коммерческой печатной рекламе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – М., 2013. – 18 с.
120. Секей Л. Продуктивные процессы в обучении и мышлении // Психология мышления / под ред. А.М. Матюшкина. – М., 1965. – 234 с.
121. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
122. Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 79–87.
123. Сковородников А.П. Игра как прием текстопорождения // Коллективная монография. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. – 341 с.
124. Смирнова Е. Д. Логико-семантические аспекты анализа понятия истинности // Логические исследования. – 2003. – Т. 10. – С. 167–174.

125. Смирнова М. П. Фамильярная тональность в текстах современных российских таблоидных изданий / М. П. Смирнова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2009. – N 1/2 (63). – С. 50–56.
126. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. / под ред. Е.И. Дибровой. М.: Академия, 2011.
127. Солганик Г.Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2001. – № 3. – С. 75.
128. Солганик Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2002. – № 2. – С. 39.
129. Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования /Под ред. Володиной М.Н. М.: Изд-во МГУ, 2003. С.261–268. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/01.htm> (дата обращения: 20.04.13).
130. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
131. Стексова Т.И. 'Невольность осуществления' как скрытая семантическая категория и ее проявление. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1998. – 81 с.
132. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
133. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.
134. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика / под ред. д-ра филол. наук Ю.Н. Караулова. – М.: ЛКИ, 2007. – 360 с.
135. Суховерхов А.В. Парадоксы, в которых опровергается то, что утверждается // И да, и нет: стратегия парадокса // Логический анализ языка:

Ассерция и негация / Ин-т языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2009. – С. 357–364.

136. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения: в 3 т. – М.: Просвещение, 1980.

137. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. – М.: Иностр. лит., 1960. – Вып. 1. – С. 135–168.

138. Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 44–60.

139. Ушинский К.Д. Проблемы педагогики. – М.: УРАО, 2002. – 592 с.

140. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте: учебное пособие по спецкурсу. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1988. – 83 с.

141. Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры (Лиманчик-98): Материалы Всерос. науч. конф. – Ростов н/Д, 1998. – Вып. 4. – С. 34–51.

142. Филин Ф.П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи // Вопросы культуры речи. – М.: Наука, 1966. – Вып. 7. – С. 15–23.

143. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. – Вып. XII. Прикладная лингвистика. – С. 72–122.

144. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. – 293 с.

145. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.

146. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – СПб.; М.: АСТ «Университетская книга», 1998. – 320 с.

147. Чиркасова А.Д. Функционирование именованного крипто типа ‘определенность/ неопределенность’ в условиях языковой игры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета №8 2012г. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. – С. 30–34.

148. Чиркасова А.Д. Функционирование именованного крипто типа 'агентивность/неагентивность' в условиях языковой игры// Вестник Челябинского государственного университета № 29 2013. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2013. – С.154–156.

149. Чиркасова А.Д. Функционирование предикатного крипто типа 'контролируемость/неконтролируемость' в условиях языковой игры// Известия Волгоградского государственного педагогического университета №4 2013г.– Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 90–94.

150. Чиркасова А.Д. Нарушение семантической сочетаемости как один из приемов создания языковой игры// Матер. международ. науч.-практ. конф. науч. сессии «XII Невские чтения» (21-23 апреля 2010 г.). – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2010. – С. 296–300.

151. Чиркасова А.Д. Газета – молодежи (о средствах создания языковой игры на газетной полосе)// Матер. международ. науч.-практ. конф. науч. сессии «XI Невские чтения» (22-24 апреля 2009 г.). – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. – С. 235–239.

152. Чиркасова А.Д. Метафорические средства создания языковой игры на газетной полосе// Сб. матер. Международной науч.-практ. конф., посвященной 65-летию образования Волгоградской государственной сельскохозяйственной академии, г. Волгоград, 12-14 ноября 2009 г.: Межкультурная деловая коммуникация: проблемы и перспективы российско-молдавского сотрудничества в формировании коммуникативной компетенции кадров агробизнеса. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2009. – С. 344–347.

153. Чиркасова А.Д. Человек и Индивидуальность на газетной полосе// Сб. науч. трудов по филологии №4 декабрь 2009г., г. Астрахань. – Астрахань: Изд. дом: «Астраханский университет», 2009. – С. 89–92.

154. Чиркасова А.Д. Фразеологическая игра на газетной полосе// Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Матер. Международной науч. конф. «X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские

чтения» (Москва, 12-14 мая 2009 г.). – М.: Изд. ИКАР, 2009. – 662 с. – С. 330–335.

155. Чиркасова А.Д. Языковая игра как отличительная черта публицистики// Языковая политика и язык СМИ в современной России: коллективная монография / под ред. Н.О. Рогожиной, О.В. Трофимовой и Е.Е. Юркова. – Тюмень.: СПб.: Мандр и Ка, 2010. – 124 с. – С. 116–121.

156. Чиркасова А.Д. Языковая игра как тенденция развития современного коммуникативного пространства// Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 5: сб. статей; V Международная науч.-пркт. конф. (2010; Волгоград). – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2010. – 256 с. – С. 251–253.

157. Чиркасова А.Д. Лексическая имплицитность в языковой игре (на материале публицистики// Русистика в начале третьего тысячелетия: проблемы, итоги, перспективы: Материалы I международной науч.-ной конференции 20–22 сентября 2012 г.: Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2012. С. 85–87.

158. Чиркасова А.Д. Скрытая категория эталонности в условиях языковой игры (на материале публицистики) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы десятой международной конференции (Владимир, 24-26 сентября 2013 года), посвященной 60-летию кафедры русского языка. – Владимир: Транзит-ИКС, 2013. – 694 с. – С.651–654. – ISBN 978-5-8311-0774-6.

159. Чиркасова А.Д. Виды синкретизма семантических категорий в условиях языковой игры// Русский язык на Евразийском пространстве: совместное достояние и новые вызовы: Сб. материалов международных конференций/ Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. С. 90–97.

160. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. В 3 ч. М., 1987. Ч. 2: Словообразование, морфология. – М.: Просвещение, 1987. – Ч. 2. – 256 с.
161. Шатрова Т.И. Языковая игра в текстах комической направленности: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 159 с.
162. Шатуновский И.Б. Семантика предложений и нерелевантные слова. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 400 с.
163. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.
164. Шаховский В.И. Социальная интеракция власти и народа через языковую игру // Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 523–527.
165. Шацкая М.Ф. Взаимодействие лексической и синтаксической семантики в русском художественном тексте: межуровневые контакты и механизмы аномальных трансформаций при порождении языковой игры: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2010. – 460 с.
166. Шацкая М.Ф. Диктема – единица языка или текста? // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Вип. № 17. Випуск присвячений пам'яті члена-кореспондента НАН України, доктора філологічних наук, професора Юрія Олександровича Карпенка. – Одеса: «Астропринт», 2012. – С.179–182.
167. Шелякин М.А. Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 296 с.
168. Шелякин М.А. Очерки по прагматике русского языка. – Москва: Русский язык Медиа, 2010. – 285 с.
169. Шендельс Е.И. Имплицитность в грамматике // Науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – 1977. – Вып. 112. – С. 109–120.
170. Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Худож. лит., 1957. – Т. 6. – 346 с.

171. Шмелев А.Д. Неокаузальная теория референции // Каузальность и структуры рассуждений в русском языке: межвуз. сб. науч. тр. – М.: Рос. гос. гум. ун-т., 1993. – С. 127–137.
172. Шмелев Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1958. – № 6. – С. 63–75.
173. Шмелева Т.В. О семантике структурной схемы предложения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1978. – Т. 37. – № 4. – С. 354–361.
174. Шмелева Т.В. Пропозиция и ее репрезентации в предложении // Вопросы русского языкознания: Проблемы теории и истории русского языка. – М., 1980. – С. 131–137.
175. Шмелева Т.В. Социальный аспект смысла предложения // Русский язык за рубежом. – 1981. – № 2. – С. 62–66.
176. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 78–100.
177. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1988. – 54 с.
178. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186 с.
179. Эльконин Д.Б. Психология игры. – М.: Педагогика, 1978. – 304 с.
180. Яшина Е.А. О роли отрицания в парадоксе// И да, и нет: стратегия парадокса // Логический анализ языка: Ассерция и негация / Ин-т языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2009. – С. 365–377.
181. Chiaro D. The Language of Jokers: Analysing Verbal Play. – London, 1992. – 190 p.
182. Karttunen L. Word play // Computational linguistics. Rochester etc., 2007. – Vol. 33. – No. 4. – P. 443–467.

183. Proskurin S. G. Essays in Contemporary Semiotics. N. Y.: LEGAS, 2010. 99 p.
184. Proskurin S. G. Essays on Current Semiotics: the Textbook to the Course of "Semiotics". 2-nd edition / Novosibirsk State University. Novosibirsk, 2007. 76 p.
185. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. – Dordrecht, 1985. – 228 p.
186. Taylor J.R. Polysemy's paradoxes // Language Sciences, 2003. – Vol. 25. – P. 637–655.
187. Tarski A. The Semantic Conception of Troth and the Foundations of Semantics. // Philosophy and Phenomenologica Research, 1944, v. 4, n. 3, pp. 341–375.
188. Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. – New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. – P. 3–27.

Список словарей, грамматик и энциклопедий

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: АН СССР, 1948 – 1965.
2. Берков, Мокиенко, Шулежкова, 2005 – Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. – 623 с.
3. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. – М., 2006. – 240с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. – СПб. – М., 1879, с. 1392.
5. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980—1990 гг.). — М.: Азбуковник, Русские словари, 2000. — 694 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/argo/?page=28&alpha=%D7> (дата обращения: 22.08.14).

6. КГРЯ – Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2004. – 544 с.
7. Кондаков, 1971 – Кондаков Н.И. Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – 656 с.
8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. — М., 1998. — 847 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://megabook.ru/book/%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%20%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D0%9B.%D0%9F.%20%D0%9A%D1%80%D1%8B%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%B0> (дата обращения 10. 02. 14).
9. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
10. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.
11. Мокиенко, Никитина, 2005 – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 505, [7] с.
12. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. – М.: УРСС, 2004. – 248 с.
13. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Ростов н/Д.: Феникс, 2007. –940 с.
14. Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70 – 90-х годов. 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1998. – 592 с.
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений. 26-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. – 736 с.

16. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – М., 2003. – 944 с.
17. Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980.
18. Сеничкина, 2008 – Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
19. Скорлуповская Е.В. Толковый словарь современной лексики русского языка. – М., 2003. – 592 с.
20. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2007. – 960 с.
21. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2008. – 1536 с.
22. ТСРЯ XX – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складервской. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 944 с.
23. ТСРЯ XXI – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складервской. – М.: Эксмо, 2008. – 1136 с.
24. ЭРЯ – Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.

Список источников

1. Аргументы и Факты. 2011. 17 мая.
2. Аргументы и Факты. 2011. 30 нояб.
3. Аргументы и Факты. 2012. 22 февр.
4. Аргументы и Факты. 2012. 29 февр.
5. Аргументы и Факты. 2012. 25 окт.
6. Аргументы и Факты. 2013. 13 март.
7. Аргументы и Факты. 2013. 20 март.
8. Аргументы и Факты. 2013. 04 апр.

9. Аргументы и Факты. 2013. 10 мая.
10. Аргументы и Факты. 2013. 21 авг.
11. Аргументы и Факты. 2013. 18 сент.
12. Аргументы и Факты. 2013. 27 нояб.
13. Комсомольская правда. 2008. 10 сент.
14. Комсомольская правда. 2008. 10 окт.
15. Комсомольская правда. 2008. 15 окт.
16. Комсомольская правда. 2008. 21 окт.
17. Комсомольская правда. 2008. 23 окт.
18. Комсомольская правда. 2008. 25 окт.
19. Комсомольская правда. 2008. 02 дек.
20. Комсомольская правда. 2008. 05 дек.
21. Комсомольская правда. 2008. 11 дек.
22. Комсомольская правда. 2008. 17 дек.
23. Комсомольская правда. 2008. 23 дек.
24. Комсомольская правда. 2009. 27 нояб.
25. Комсомольская правда. 2009. 13 янв.
26. Комсомольская правда. 2010. 01 июня.
27. Комсомольская правда. 2010. 02 дек.
28. Комсомольская правда. 2011. 21 апр.
29. Комсомольская правда. 2011. 28 апр.
30. Комсомольская правда. 2011. 31 окт.
31. Комсомольская правда. 2011. 24 нояб.
32. Комсомольская правда. 2012. 02 февр.
33. Комсомольская правда. 2012. 09 февр.
34. Комсомольская правда. 2012. 29 февр.
35. Комсомольская правда. 2012. 07 март.
36. Комсомольская правда. 2012. 21 июня.
37. Комсомольская правда. 2012. 05 июля.
38. Комсомольская правда. 2012. 08 нояб.

39. Комсомольская правда. 2012. 14 нояб.
40. Комсомольская правда. 2012. 22 нояб.
41. Комсомольская правда. 2013. 10 янв.
42. Комсомольская правда. 2013. 14 март.
43. Комсомольская правда. 2013. 22 авг.
44. Литературная газета. 2011. 02 нояб.
45. Литературная газета. 2011. 16 нояб.
46. Литературная газета. 2012. 01 февр.
47. Литературная газета. 2012. 29 февр.
48. Литературная газета. 2012. 26 дек.
49. Литературная газета. 2013. 13 нояб.
50. Литературная газета. 2013. 20 нояб.
51. Литературная газета. 2013. 27 нояб.
52. Литературная газета. 2014. 06 март.
53. Московский комсомолец. 2008. 27 сент.
54. Московский комсомолец. 2008. 03 окт.
55. Московский комсомолец. 2008. 10 окт.
56. Московский комсомолец. 2008. 15 окт.
57. Московский комсомолец. 2008. 24 окт.
58. Московский комсомолец. 2008. 27 окт.
59. Московский комсомолец. 2008. 6 нояб.
60. Московский комсомолец. 2008. 25 нояб.
61. Московский комсомолец. 2008. 3 дек.
62. Московский комсомолец. 2008. 10 дек.
63. Московский комсомолец. 2008. 14 дек.
64. Московский комсомолец. 2008. 17 дек.
65. Московский комсомолец. 2008. 24 дек.
66. Московский комсомолец. 2008. 31 дек.
67. Московский комсомолец. 2009. 04 апр.
68. Московский комсомолец. 2009. 15 апр.

69. Московский комсомолец. 2009. 11 мая.
70. Московский комсомолец. 2010. 15 дек.
71. Московский комсомолец. 2011. 02 март.
72. Московский комсомолец. 2011. 10 март.
73. Московский комсомолец. 2011. 23 март.
74. Московский комсомолец. 2011. 21 апр.
75. Московский комсомолец. 2011. 28 апр.
76. Московский комсомолец. 2011. 19 окт.
77. Московский комсомолец. 2011. 07 дек.
78. Московский комсомолец. 2011. 14 дек.
79. Московский комсомолец. 2011. 15 дек.
80. Московский комсомолец. 2012. 11 янв.
81. Московский комсомолец. 2012. 01 февр.
82. Московский комсомолец. 2012. 04 февр.
83. Московский комсомолец. 2012. 11 март.
84. Московский комсомолец. 2012. 12 март.
85. Московский комсомолец. 2012. 28 апр.
86. Московский комсомолец. 2012. 04 сент.
87. Московский комсомолец. 2012. 06 сент.
88. Московский комсомолец. 2012. 10 сент.
89. Московский комсомолец. 2012. 26 окт.
90. Московский комсомолец. 2012. 07 нояб.
91. Московский комсомолец. 2012. 12 нояб.
92. Московский комсомолец. 2012. 18 нояб.
93. Московский комсомолец. 2012. 21 нояб.
94. Московский комсомолец. 2013. 31 март.
95. Московский комсомолец. 2013. 21 мая.
96. Московский комсомолец. 2013. 08 авг.
97. Московский комсомолец. 2013. 13 авг.
98. Московский комсомолец. 2013. 14 авг.

99. Московский комсомолец. 2013. 28 авг.
100. Экспресс газета. 2011. 07 нояб.
102. Экспресс газета. 2011. 11 нояб.
103. Экспресс газета. 2012. 13 янв.
104. Экспресс газета. 2012. 16 янв.
105. Экспресс газета. 2012. 19 март.